

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

3. 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и
информации

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8,
Дом Радио

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере
связи, информационных техно-
логий и массовых коммуника-
ций по Чеченской Республике
05 февраля 2014 г. Регистраци-
онное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Главный редактор
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Редколлегия:

М. Ахмадов
М. Магоматов
З. Алиева
С. Алиев
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81
E-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru
Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr95

СОДЕРЖАНИЕ:

К 70-ЛЕТИЮ АХМАТ-ХАДЖИ КАДЫРОВА
Саид-Магомед БАШИРОВ.
Архитектор мира. 2

ЮБИЛЕЙ

Адам АХМАТУКАЕВ.
Нелегко в грядущее шагнуть. Стихи. 8

ПРОЗА

Хавас АКБИЕВ.
Неоконченная повесть. Повесть. *Продолжение.* 10
Ахмет ХАТАЕВ.
Звезды светят всем. Отрывок из повести. 33
БЕКСУЛТАНОВ Муса.
И овзда нах. Дийцар. 45
Муса МУТАЕВ.
Хайбах. Рассказ. 59
Элина ЦУГАЕВА.
Возвращение. Рассказ. 69
Бувайсар ШАМСУДИНОВ.
Желтая ручка. Рассказ. 77

ПАМЯТЬ

Тауз ИСС.
Вновь забинтованы деревья... Стихи. 26

ПОЭЗИЯ

Адиз КУСАЕВ.
Круги жизни. Стихи. 39
Ваха ИСАЕВ.
И забрезжит сиянием лунность... Стихи. 73
Амина ЗАКРИЕВА.
«Мир нам дан для радости...» Стихи. 54

ИСТОРИЯ

Вахит БИБУЛАТОВ.
Дело моего отца. 98

ПУБЛИЦИСТИКА

Мансур МАГОМАДОВ.
Социальная и религиозно-философская
мысль Чечни в начале XX века. *Продолжение.* 105

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«Время глазами журналистов» 111

СЛОВО О ХУДОЖНИКЕ

«История предков». 111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ..... 112

*К 70-летию Ахмат-Хаджи Кадырова***Архитектор мира**

Нелегко говорить об известных людях. Ибо всегда существует соблазн повторить уже кем-то сказанные возвышенные слова, выражающие уважение и восхищение человеком, оставившим глубокий след в истории своего народа.

Ахмат-Хаджи Кадыров... Это имя стало своеобразным символом свободы, умиротворения, синонимом мира и созидания. Его одинаково уважительно произносят друзья Первого Президента, соратники и даже оппоненты в Чечне, России, за рубежом. Это имя носят улицы, площади, парки. Он Герой России.

Ахмат-Хаджи знал – если в какой-то точке мира сохраняется опасность, то мир на всей земле находится под угрозой. «Болезнь любого органа вызывает беспокойство всего организма, – говорил он, – если это даже такой гигант, как Россия».

Помните, в конце лихих 90-х на повестке стоял один вопрос: как сохранить Россию? Угроза ее территориальной целостности была реальной как никогда. И вот парадокс – в руководстве страны не было политической воли, пока не появилась решительная фигура Владимира Путина, который раньше других понял, что чеченскую проблему следует отрегулировать политическим инструментарием. Все остальное в Чечне уже испробовано. И безуспешно. Президент страны не тратил время на долгие раздумья. Он остановил свой выбор на Ахмат-Хаджи Кадырове. Народ этому не удивился,

ибо он не знал другого, кто превратил бы свой талант и профессионализм в средство поиска истины и защиты простого человека.

В то же время было бы наивно полагать, что не было других ярких чеченских политиков. Были. Но у каждого из них была и есть своя специфическая ниша, свой электорат. Ведь не зря политику относят к сфере услуг: кто-то оказывает услуги банковскому сообществу, другой лоббирует законопроекты, третий обслуживает интересы чиновничества, отдельных кланов. Но есть еще и честные политики, которых, к сожалению, с каждым днем становится все меньше и меньше. Сейчас о них можно разве что вспомнить – почувствовать их в современном политическом сообществе чрезвычайно сложно.

Ахмат Кадыров принадлежал именно к редкой категории государственных деятелей, имеющих честь и достоинство. Он с первых же дней на посту руководителя опроверг тезис о несовместимости политики и нравственности. Мы же помним, он никогда не делил людей на богатых и бедных, власть имущих и простых. А всего лишь утверждал, что мир и благоденствие наступят тогда, когда мудрые будут царствовать, а цари – мудрствовать, повторяя изречения древнего философа. У него был свой стиль политика. Стиль, сотканный из скромности, мудрости и стойкости. Он устремлен в будущее. В нем нельзя не заметить яркое свечение, которое в народе называют святостью. Это был его образ, который не менялся со сменой политических режимов и персоналий.

Он не допускал никакой фальши в быту, политике, жизни. Бичевал за лицемерие и трусость, отсутствие гражданской позиции. Отсюда народный характер и высокий рейтинг. Он выгодно отличался от многих коллег: Ахмат-Хаджи никогда не гнался за славой и не был ослеплен ею, когда она пришла.

Будучи руководителем ЧР, он оставался простым и доступным человеком, с которым можно поделиться своими проблемами, радостью и горестями и попросить о помощи. Наверное, за это его любили и уважали все: граждане – за последовательную защиту их интересов, чиновники – за негибемый характер и высокий профессионализм. Даже оппоненты ценили его за порядочность и честность. Ведь он никогда не становился в позу безучастного стороннего наблюдателя или, как сейчас говорят, не стоял над схваткой. Он всегда был в гуще самой схватки, ее участником. И позиционировал себя как гражданин с высокой ответственностью и к этому умел склонять окружающих. Да, именно склонял, будучи наделенный редким даром подлинно харизматичного лидера. Он не любил риторику, не повторял свои команды, поручения. Но они исполнялись безо всяких дискуссий. Таков порядок военного времени. Войну иначе не закончить. Мир дорогого стоит...

Мы помним, в какое тяжелое время зажглась звезда Ахмата Кадырова на политическом небосклоне Чечни. Нет, не Чечни, а России. Мы не забыли,

что Россия тогда находилась у опасной черты и что на ее территории сосредоточились международные силы террора, поддерживаемые врагами Чечни и России.

Политическая площадка в Чечне в 2000 году была как никогда свободной. Нет, не потому, что не было людей, готовых занять кресло руководителя региона. А потому, что было много желающих обрести власть без боли и потерь. Они хотели жить, любить, растить детей. Ахмат Кадыров тоже не был свободен от этих общечеловеческих устремлений. И тоже любил жизнь, детей...

Страх, риск, рвущиеся снаряды, плач женщин и детей, горящие дома – все это меняет образ и ход мыслей. И здесь нелегко разглядеть, где правда, а где ложь, если они есть на войне вообще. Но в любом человеческом сообществе всегда были и есть личности, которые как яркие маяки, указывают путь во мраке ночи к берегу правды. Они не ждут, пока блеснет свет в конце тоннеля, а идут навстречу ему, своим примером увлекая растерявшихся людей за собой. Ахмат Кадыров принадлежал к такой плеяде замечательных людей.

Мы помним, какой раскол внесли в чеченское общество известные события, разделившие народ на противоборствующие группы. Одни – заблудшие, в силу своей политической неискренности. Другие – это те, которые предвидели возможные последствия беззакония и различными путями пытались с этим бороться. Третьи же несправедливыми путями пытались установить для себя «золотой краник с верблюжьим молоком». На эти события Ахмат-Хаджи смотрел не просто с позиций политика, а с тревогой человека, в чей дом пришла беда. Не скрывая своего крайнего негодования к некоторым перекосам, он, тем не менее, искал пути к компромиссу, консолидации всего чеченского общества. И это ему удалось. Мир и спокойствие на наших улицах, счастливые лица детей и матерей, повсеместное созидание и развитие – все это плод упорного и самоотверженного труда Ахмата Кадырова и его команды.

Его поступок еще долго останется примером гордости и восхищения. Легко ли ему было принять столь мужественное решение, имея таких опасных противников в лице международных террористов? Судя по количеству совершенных на него покушений, это было непростое решение.

Однако он озвучил свой выбор в пользу чеченского народа. Народ этого ждал, затаив дыхание. Это был поступок, навсегда вписавший в историю Чечни и России имя Кадырова. Да, опасный, да, рискованный шаг! В такой ситуации принято говорить – он пожертвовал собой. Поэт скажет по этому поводу:

«Чтобы стать мужчиной, мало им родиться,
Чтобы стать железом, мало быть рудой,
Ты должен переплавиться, разбиться,
И как руда, пожертвовать собой».

Да, Первый Президент Чеченской Республики пожертвовал собой во имя своего народа, во имя нас с вами, живущих сегодня.

Помните, в конце 90-х в Чечне блеснул первый луч надежды, надежды на спасение нации? Но до умиротворения было еще очень далеко. Сопротивление носителей зла было яростным. У них на это были серьезные мотивы. Ведь они знали, что в мирной Чечне им не жить. Но путь к миру был непростым. Это знал и Ахмат Кадыров. Знал, что он вышел на тропу войны с остервенелым противником, который не брезговал никакими средствами, с противником без морали, нравственности и правил. Здесь призадумался бы любой политик-тяжеловес. Конечно, Ахмат Кадыров и тогда знал, что политика – это искусство возможного. Но он так же четко осознавал, что политика – это, прежде всего, судьбы миллионов. Видел он и другое: в этой ситуации народ может уповать только на Всевышнего. Но Аллах тоже учит: подкреплять молитву неустанными и конкретными действиями. Ахмату-Хаджи это известно лучше нас. И он сделал шаг. Это был поступок мужчины, кьонаха. Ступив вперед, он не стал оглядываться по сторонам, дабы не сбиться со стратегического пути – пути спасения своего народа.

Не в его правилах было делать громкие и помпезные заявления, ибо сказано: не обещаю великого, творю великое. Он творил великое. Что может быть величавее одной спасенной жизни? Что может быть прекраснее одной подаренной надежды, надежды на жизнь и процветание? Мы не спрашиваем, какой ценой он этого достигал. Но догадываемся, что нелегкой.

Я шагаю нелегкой дорогой.
Ямы, рытвины – только держись!
Но никто не придумал, ей-Богу,
Ничего, что прекрасней, чем жизнь!

Как будто бы это говорил Ахмат Кадыров. Нет. То говорил Расул Гамзатов. Кадыров же доказывал это ежедневно, ежечасно и не сворачивал с однажды избранного пути. Он не стеснялся говорить, что служит народу. И благодарность народа ставил выше всего, выше жизни.

Он торопился, словно боялся не успеть выполнить свое главное обещание – остановить войну. Нет, не остановить. Помните, как он сказал: «Я пришел не останавливать войну, я пришел покончить с ней навсегда!»

Тогда было невероятно сложно поверить в это. Заявление Кадырова приняли неоднозначно в политических кругах, среди общественности. Одни удивленно пожимали плечами, другие снисходительно улыбались. С точки зрения трезвого анализа было бы неправильно упрекнуть и тех, и других, ибо они точно взвесили все за и против. Кстати, были и третьи, которые не прочь поддержать в ЧР высокую политическую температуру. Ведь мы с вами знаем, что война – это самый большой бизнес. Знал это и Ахмат-Хаджи, как знал и то, что сам ходит по лезвию ножа. Но свой выбор он сделал. Альтернативы тут быть не могло. И, казалось, нет силы, способной остановить этого внешне спокойного человека. Нет. Это не казалось. Такой силы уже и не было, ибо Ахмат Кадыров нашел надежную опору в народе. Народ, много лет пребывавший в состоянии хаоса и войны, потянулся к

лидеру, почувствовав в нем надежную опору. И в этом не было случайности. Ахмат Кадыров был на редкость харизматичен, то есть его добрая и могучая созидательная энергия притягивала к себе как магнит. Он не выстраивал специальную модель общения с людьми различных категорий. «Что царь, что простолюдин – все ходят под Всевышним», – говорил он.

Даже в самой критической ситуации он не менял своих взглядов на жизнь, политику, быт. Иногда казалось, что он с легкой иронией относился к жизни. Теперь, когда его не стало, часто вспоминаешь, что он не цеплялся за жизнь. Он даже говорил: «Я знаю, что от смерти нас отделяет короткий миг, но мы даже на этой грани должны сохранить свое лицо, свое нохчалла, кьонахалла». Честь следует защитить мгновенно – таков был принцип Первого чеченского Президента.

Он молился за нас. Тогда молились многие. Но Ахмат-Хаджи ежедневно подкреплял молитву решительными действиями. Тем самым закладывая базу для мира и созидания, роста и развития.

В мае 2004 года не стало нашего Первого Президента. Это был национальный траур. Это был колоссальный удар по неокрепшей еще республике. Но его гибель не стала поражением. Он ушел непобежденный. Ценой своей жизни он объединил народ еще крепче. Мы стали сплоченнее, терпимее друг к другу. Даже вчерашние его оппоненты стали под знамя Ахмата-Хаджи. Много слов было сказано тогда в адрес Кадырова. А президент Владимир Путин сделал специальное заявление на встрече с Рамзаном Кадыровым. Вот что он сказал:

«...На протяжении последних четырех лет президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров достойно и мужественно исполнял свой долг перед своим народом. Это был по-настоящему героический человек. Всей своей деятельностью он самым убедительным образом доказывал, что нет и не может быть никакого знака равенства между бандитами, террористами и целым народом.

Фактически все эти годы он прикрывал собой и Чечню, и чеченцев. И уверенно вел свою республику к мирной жизни. Ахмат Кадыров ушел из жизни 9 мая – в день нашего общенационального праздника, в день Победы, и ушел непобежденным».

Затем, если вы помните, первое совещание правительства России Путин начал со слов:

«...Не могу не сказать два слова еще об Ахмате Кадырове. Это, конечно, был уникальный человек – абсолютно целостный, порядочный и в высшей степени мужественный. Никогда для себя ничего не выговаривал. Всегда, когда бы мы ни встречались и о чем бы ни говорили – все сводилось к интересам чеченского народа. И, конечно, не может не вызывать уважение народ, у которого есть такие сыновья».

Именем Ахмата Кадырова названы школы, улицы в Чеченской Республике и за ее пределами. Он всегда верил в свой народ и положил жизнь на алтарь своей веры. Пройдут годы, десятилетия. Изменится мир, но времен связующая нить будет виться, нанизывая на себя все, что позже

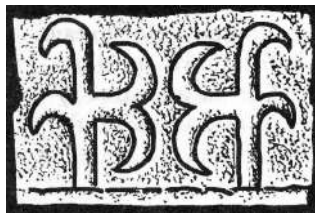
люди назовут историей. Мы должны помнить того, кто в самый переломный момент нашей истории принял на себя удар, прикрывая нас собой.

Возможно, самая лаконичная, но очень содержательная характеристика Ахмат-Хаджи прозвучала в словах его сына Рамзана Кадырова: «Он жил с людьми так, как будто на него смотрел Аллах, а с Богом общался так, словно его слушают все люди».

Да, он жил с людьми и для них, надежно прикрывая их собой. Он не задумывался над тем, что приносит себя в жертву. Это была осмысленная жертва человека, познавшего истинное предназначение – служить народу. Он не кичился этим, не укорял нас, не требовал ничего взамен.

Шел уверенно и достойно, с высоко поднятой головой! У него не было безвыходных ситуаций. Он всегда в позе победителя. Он верил в Аллаха, верил в людей. Его жизнь оборвалась неожиданно трагически, но дела его живут, помогая нам строить новую жизнь. Его поступками будут гордиться столетиями, ибо он жил для нас. За нас и погиб. Он предвидел свою гибель, но не дрогнул. Уважая его поступки, мы уважаем свое прошлое, настоящее и будущее. Он оставил нам путь, по которому мы сегодня уверенно идем во главе с нашим лидером Рамзаном Кадыровым. По этому пути пройдут десятки поколений, с благодарностью вспоминая нашего Первого Президента Ахмата-Хаджи Кадырова, Архитектора мира и созидания в Чеченской Республике.

*Саид-Магомед БАШИРОВ,
заслуженный журналист ЧР*

Юбилей

Адам АХМАТУКАЕВ

Поэт, переводчик, публицист и общественный деятель Адам Ахматукаев празднует 60-летний юбилей!

Уважаемый Адам Абдурахманович, весь Ваш творческий путь является ярким примером служения художественному слову, которое выражается в пронзительной поэзии на чеченском языке. Глубокой признательности заслуживает Ваша многолетняя переводческая деятельность: из-под Вашего пера на чеченском языке заговорили многие русские и советские классики, а также классики и современники из постсоветских республик, и этот процесс продолжается до сих пор. Неоценимо и Ваше стремление укрепить творческие связи писателей Чечни с литераторами Кавказа, Беларуси и других регионов и стран.

Коллектив «Издательского дома» поздравляет своего большого друга и постоянного автора с юбилейным днем рождения! Мы желаем Вам доброго здоровья, бодрости духа, неиссякаемой жизненной энергии, вдохновения и успехов во всех начинаниях!

Аллах!а декъалвойла хьо, Адам!

Нелегко в грядущее шагнуть...

***

Знаю слов о том я очень много,
Что мириться надобно с судьбой,
Что не легче новая дорога
Той, что одолели мы с тобой.
Утешать? Без рытвин и ухабов
Будет, дескать, этот новый путь?
Нам давно постичь уже пора бы:
Нелегко в грядущее шагнуть.
Потому не принимай советы,
Как судьбу ловчее обмануть.
Вместе нам идти по белу свету,
Только нашим будет этот путь!

***

Ушла она с родимого порога
На кладбище в последнюю дорогу.
Весь род такое горе придавило –
Молчат, старуху опустив в могилу.
Наполнены великой скорбью лица.
И сын молчит. Он не успел проститься
И не был с ней в последние мгновенья.
Ну как за это вымолить прощенье?
И, переполняя эту виною,
Душа у сына будет ли живую?

***

Дождаться покорно не надо,
Чтобы дом утащила река.
Половодью поставьте преграду,
Чтоб надежна была и крепка!
Надо загодя дамбу построить,
Чтоб разлива могучий поток
Неизбежной весенней порою
Подобраться к жилищу не смог.
Только прежде – с отцом выбрать место,
А потом уж закладывать дом.
Брат поможет, друзья. Как известно,
Крепок дом только общим умом.

***

В семье ты любимой была и не лишней,
Но замуж отдали тебя поскорей,
Пока вражье войско к селенью не вышло,
Чтоб жадным драконом его дочерей
Бесчестить. А что до любви –
разве меньше
Тебя нынче любят отец или брат?
От крови нечистой сбережь наших женщин –
Сегодня важней, чем любовь,
во сто крат.

* * *

О, мудрое, на посохи лучей
 Ты опираешься, на землю глядя.
 Одаришь светом – милостью своей –
 И завтра нас, о, солнце, жизни ради.
 Грядет пора намаза, и во двор,
 Вослед за угасающим закатом,
 Сползает тихо ночь с далеких гор,
 Но разве только темень виновата
 В том, что хозяин этого двора
 В круговорот попал, что нет возврата?
 Напрасно думать, что к нему с утра
 Вернется все, что не сбылось когда-то.
 Достигло одиночество уже
 Такого безнадежного предела,
 Что страшно неприкаянной душе
 Обузой быть измученному телу...

* * *

Улетают печально опять журавли,
 Будто нежные души пытаюсь спасти.
 О, Отчизна, судьбы твоей тяжести пути, –
 Только я не покину родимой земли!
 На куски раздирает тебя воронье,
 Повторяется все в перекрестии лет.
 На зловещем пиру победителей нет,
 Все терзают по-прежнему тело твое.
 Я о мнимой свободе не пел никогда –
 Слишком жизнь коротка,
     слишком правда горька.
 Разве может о счастье родиться строка,
 Если рядом горячая ходит беда?
 Сколько сгнуло разных господ навсегда,
 Ненавидевших твердую веру мою
 В то, что сладкую ложь о тебе не поют –
 Стали прахом и пеплом они без следа!
 Да святится великое имя твое!
 Сколько добрых сынов твоих
     в вечность ушли
 За грядущую славу родимой земли,
 Обретая бессмертье в горниле боев!

Может, это они долгожданной весной
 Возвращаются к нам
     в журавлином строю?
 ...Снова я в ожиданьи тревожном стою:
 Может, силой поделаются
     братья со мной?

* * *

Была война. Как много в этой фразе
 И правды, и незнания, и вранья.
 Звучат о ней по-разному рассказы.
 Но ты о той эпохе, слышу я,
 Выплываешь только комья грязи –
 Болтун пустой, ну как ты смеешь ныне
 Глумиться так над памятью отцов?
 Оплевывать страданья и святыни
 Ради чего сегодня ты готов?
 Боишься, что европаек остынет?
 Война идет? Тебя б туда, в окопы,
 Где был решен навек ее исход,
 Чтоб посреди родной тебе Европы
 Победный стяг наш водрузил народ.
 И памяти не зарастают тропы.

Война идет? Ну да, за годом год.
 С такими вот, как ты, война идет!

* * *

Я признался в любви,
     взяв в свидетели друга,
 А еще – говорливый
     гортанный ручей.
 Разорвав облака,
     озарило округу
 Солнце добрым подарком –
     потоком лучей.
 Мама, сердце мое,
     будь посредницей нашей.
 Знает мудрый отец,
     что любовь – не игра,
 Что для сына его
     нету девушки краше,
 Что для свадьбы наш двор
     приготовить пора!

Перевел с чеченского Юрий Щербаков

Хавас Акбиев

Неоконченная повесть

(Продолжение. Начало в № 2 (2021))

Во Фрунзе мама похоронила свою падчерицу и ее братика, дочек Гайну и Жовзан, а затем и мужа, высланного отдельно, нашедшего семью через долгие горестные дни и месяцы скитаний. Накануне он повез больного односельчанина к своему другу, хирургу Волкову в город и отстал. Подорвав свое здоровье в Балхаше, он вскоре умер. Некогда состоятельного и знаменитого зачинателя колхозного движения на селе, его проводили в последний путь на арбе с ослом, что вгоняло в слезы участников печальной процессии. Они сами, голодные, в обносках, еле держались на ногах. Каждый из них мог оказаться таким же образом через час-другой на унылом погосте, неухоженном, почти заброшенном.

Дакке надолго запомнился печальный, промозглый день прощания с отцом. Он посуровел, не по годам повзрослел, с отроческих лет пристрастился к труду, становясь надежной опорой для матери в ее повседневных заботах о хлебе насущном. С такими же подростками, как сам, он мог унести с поля колоски или с тока в кармашках натаскать за день с полкило пшеничного зерна. Себя он считал уже мужчиной, кормильцем, хозяином, добытчиком. Помогал в колхозном поле матери, чтобы лишний килограмм хлеба добавить к ее трудодням.

***

Мать земли не чуралась, не отрывалась от нее. Растила и пшеницу, и кукурузу, и сахарную свеклу... И он всегда рядом, очищает свеклу от ботвы, укладывает их в аккуратные бурты, чтобы, когда подъедет грузовик, побросать в кузов для отправки на сахарный завод.

Со мной же было немало возни, мороки. Более живого, резвого и подвижного мальчика, говорили, мало кто видывал. Это заметил один шалинец. Он предложил Соадат за малыша хороший выкуп. Тогда в ней проснулся небывалый материнский инстинкт, она набросилась на незнакомца с кулаками.

***

Мама вспоминала, как тетушка Боа возила меня в один из дней к бабушке Хаду.

...Мартовский день, суливший потепление, вдруг неумолимо изменился – между Киргизским хребтом и Таласским Алатау заветрило, холодная сизость и снежная замять ослепляли глаза, пробирали до самых костей. Метельным свеем заносило вершины и подножья Алатау. И в этой кромешности исчезло

все вокруг – станционные корпуса, окна вокзала, рельсы, отливавшие часом назад стальным блеском. Снежный шторм смел все живое, и только в зале ожидания вокзала угадывалось людское присутствие, приглушенный топот множества ног нарушал разом стылую тишину.

Потом, в это снежное безмолвие, настойчиво ворвался гул приближающегося локомотива. Вскоре долина пресытилась гремучим грохотом и лязгом набегающих друг на друга вагонов товарняка. Паровоз, пытаясь затормозить, обдав копотью, черного дыма белое пространство, полностью завладев им. С протяжным его гудком пустующий вакуум холодных щелястых вагонов заполнили толпы едущих в Кара-Балту, эдакий «Ташкент – хлебный город».

Тетушка Боа не сумела определить себя в огромной толпе спящих и едущих. Она повисла на ступенях одного из вагонов, ухватившись правой рукой за его поручень, а левой, придерживая меня за спиной, укутанного в шерстяной платок.

– Обними меня покрепче, – сказала она, – держись!

Когда с моей головы ветром сдуло шапку-ушанку, она запричитала:

– Вай, Дела! Утеря головного убора не сулит ничего хорошего! Дай ему лучшей доли, не дай ему повторить нашу участь!

А потом просветлевшим голосом:

– Жизнь, она сама выведет в нужное русло. Все у нас будет хорошо, все у нас наладится.

Так и случилось на первых порах. Боа соединила нас с бабушкой Хаду, на сбережения которой мы как-то перетерпели голодные годы, вымучились, выжили.

Хаду, несмотря на прожитые годы, оставалась озорной, взбалмошной и очень домашней. Лицо ее с карими непроницательными глазами было свежее. Налет седины угадывался в волосах, умело уложенных под мусульманским платком. Веселясь «по-ребячьи», она строила мне «козьи рожки», закатывала глаза до невозможности, от чего впору было зареветь. Хаду же смеялась и, как ни в чем не бывало, затевала со мной игры с шутками-прибаутками, на придумку которых была мастерицей. В голосе ее слышалась музыка даже в таком причитании:

Коты – братья,
Воробьи – братья,
Понесла меня
Баба-яга
За крутые горы,
За быстрые реки,
За темные леса...

***

Дочь ее и моя мама Соадат, синеокая красавца с черными косами, приходила домой затемно. Я гладил ее руки, огрубевшие от кетменя. Весной, летом и осенью держат эти руки кетмень, воздавая хвалу звеньевой свекловодок. Кетменем очищают арыки, по которым вода направляется на зеленые рядки растений. Привычны эти руки и к тяпке, лопате, серпу и

даже косе. Кто корм корове готовит, кто ее доит, огонь в очаге содержит, воды в котел натаскает?.. Все это мама, которая у нас с братом одна. Она боится за нас, бережет от глаза-сглаза. Прячет под нары, когда по домам шастают глубокой ночью комендантские патрули. Тогда из своего укрытия я вижу до блеска начищенные хромовые сапоги и полы шинелей... Служивые сатанинского режима исполняли свои обязанности с собачьей преданностью, методом, не допускающим отступа от эковского «шаг – влево, шаг – вправо». Без комендантского пропуска и на базар – ни ногой! Каждый переселенец – социально опасный элемент, его можно подвергнуть к необоснованному аресту, применить к нему закон с санкцией 20 лет каторжных работ...

***

Я старался увидеть и запомнить, как мать делала свою работу. И каждый раз убеждался, что профессия земледельца текла в ней, она стала настоящей колхозницей, исхлестанной слепнями и мошкаррой, но красивой и счастливой в белой косынке. Когда подходила пора уборки пшеницы, она с такими же молодайками, как сама, и девушками выходила с серпом на ручную жатву. Косила, вязала снопы, не покидала поле до конца жатвы, до тех пор, пока не затихал гул комбайнов и жнеек, гудки машин, пыливших на проселочных дорогах, не выгоняли скот для выпаса на стерню. До подхода сахарной свеклы успевала и на току поработать, собрать все, что родит поле.

***

Радостью светилось ее лицо, когда после пашни стаскивала с ног резиновые боты и заполняла собой наш маленький глинобитный угол с топчаном у печки. Опускалась на циновку, усадив одного по одну сторону, другого – по другую, и нашептывала чудные небылицы и были о крае, где все обильем дышит, чтобы мы скорей уснули, не засыпая сама. И еще сказывала о Петровке и петровчанах. Ей нравилось здесь. Мне тоже.

***

Село тихое, все в зелени утопает. Яблоки и груши в садах огромные. Только отошла клубника, следом буреют вишенки, шелковица осыпается, а там и бахчевые подходят – арбузы, дыни.

В Петровке обосновалось несколько семей украинцев-выселенцев. Семьи зажиточные. Отцы, поженив детей, не отселяют их, а держат подле себя на одной усадьбе. Дома их добротные, литые из шлака, со своим огородами, садами, насекомыми, злыми собаками и непролазными заборами.

Мы обустроились у трех тополей, рядом с усадьбой Гобы. Он злой и жадный. Полная противоположность ему супруга Еля. Как только благоверный отлучится по неотложному делу или снарядится на охоту, она и медком угостит, и яблочек в подоле нанесет, а то «дитяткам» через забор и груш побросает. Добрая она, хочет жить открыто, как живут сообща, на виду у всех, многие петровчане. Вот дед Жуков, пришедший с фронта с контузией. У себя во дворе он без конца что-то мастерит, починяет и на помощь спешит по любому поводу. Как-то в нашем огороде загорелся

большой скирд соломы. Так он полез в длинных кирзачах на самую верхотуру, разбрасывая вилами еще не задымленные копешки. Да еще хромой кавалерист, снующий у сенокосилки в конной упряжке. Лошади послушны ему, кавалерия научила, как ладить с ними.

***

Женщины-петровчанки дружны и веселы, маме с ними легко и в досужие часы, и в поле колхозном. Дети-отроки не прочь пошалить и даже немножко похулиганить. Особенно ребячьи шалости обостряются по вечерам, когда молодые пары устремляются по нашей улице в райцентр в кино или на танцы. Нарядно одетые «чужеземцы» забрасываются из укрытий в огородах за арыком лопушиными листьями, вываленными в пыли. Дерзко пошалив, ребятня разбегается в разные стороны, найти кого-либо в сумерках не представляется возможным. Во избежание таких «казусов» нижнесельчане стараются подружиться со своими сверстниками из Петровки. Тогда они становятся в наших глазах «своими», их улица прощает.

Нам нравилась также игра с кошельком. Привязав к длинной нитке в качестве приманки выдавший виды кошелек с бумажными нарезками, оставляли на улице на видном месте. Когда прохожий наклонился за показавшейся ему находкой, нитку приводил в движение озорник из укрытия. «Находка» ускользала, возжелавший ее делался дурак дураком.

Или подвешивали на длинном шнуре винтик к окну тети Моти. И ночью, когда она гасила керосинку и убиралась на покой, винтик «оживляли». По стеклу в темной тишине раздавался стук: дерг-стук, дерг-стук. Тетя Мотя поднимала ужасный ор, выбежав на улицу. Так ей мстили за ее же клубнику и вишенки, к которым нам не было дозволено подступиться. Попробуешь – огреет метлой.

Больше всего улица наша оживлялась в базарные дни. Из соседнего аила киргизы спешили на торги на длинных конных упряжках, называемых рыдванами, ослах и верблюдах. Один раз и меня посадили на верблюда, говоря: «Кто покатается на священном животном, тому горя не горевать». Вечером, набив хурджины всякой снедью, киргизы возвращаются домой. В их гортанном говоре и узкоглазом прищуре угадывается, что торги удались.

***

В киргизский кишлак приезжала кинопередвижка. Тогда петровчане, от мала до велика, шли туда со своими скамейками и усаживались перед экраном, установленном в темноте прямо на лужайке. Смотрят кино, обсуждают поведение героев, лузгают семечки, чувствуют себя совершенно спокойно после суматошного дня. Домой идут навеселе, молодые напевают песенку из нового кинофильма.

А утром снова забьет ключом сила жизни. Мать уйдет на полив сахарной свеклы, брат уедет во Фрунзе в свою школу мастеров-строителей. И мы с бабушкой останемся одни. Уход за курами, бодливой коровой Зулькой и кроликами брата в глубокой яме на огороде – в основном входит в обязанности бабушки. Я ей помогаю. К Зульке, конечно, не подойти, а вот покормить кур и кроликов разрешено и мне. Вскоре кроликов и след простывает. Прорыв норы к болоту, они сбегают. Болотная вода затопила

огород, осушить который едва удалось к началу посевной. У брата была и голубятня, но он перед выездом на учебу раздал птиц сверстникам. Он уже становился взрослым – вскоре строительство домов, больниц и других всевозможных зданий станет делом всей его жизни.

***

Бабушка слыла на селе большой рукодельницей. Изготавливала для подстилки на земляной пол и топчан плотные плетенки из соломы и камыша, войлок из отходов шерсти, ткала вручную коврики, шила из овчины высокие шапки для стариков-переселенцев. А еще она могла извлекать обыкновенной иглой из позвоночника какое-то длинное вещество толщиной с ниточку, живое и извивающееся. Больной выздоравливал, осыпал бабушку словами благодарности.

Я не отходил от бабушки, когда она начинала сбивать масло из сметаны. В узком отверстии кадушечной маслобойки появлялась белая пенка, которую я слизывал. На языке оставался приятный вкус, дополняемый время от времени молочной сывороткой и молозивом, приготовленном из удоя после отела Зульки.

Неповторимый вкус детства!

Погоду бабушка тоже умела предсказать по-своему, по многолетним наблюдениям. В одно утро мать засобиралась на свекловичное поле налегке. Бабушка посоветовала ей прихватить плетеную накидку: будет дождь, а может и... Вот эта «и» воплотилась к полудню в реальность. Нежаркий, тихий и ясный день сменился голубовато-легким туманом, каким-то жестяным, серо-зеленым небом. Начал крупно накрапывать дождь, все гуще и гуще нарастая в ослепительных высверках молний с близким оглушительно-грозным громом. Спорый, частый дождь сменился грозой и мелкими градинками, которые в густой непроницаемой черноте обрели форму куриного яйца, градины сносили кроны деревьев, впивались со всей силой в вековые стволы, уничтожили поспевающую кукурузу в огородах, поранили людей, оказавшихся в открытой местности. Мать с подругами бежали, не разбирая дороги, потом спрятались в соломенной скирде.

Затем светлело и светлело. Завеса ледяного дождя, источившись, стала прозрачной. Подворья, травы и гряды покрылись белой пеленой. Тающие льдинки слезно сочились из раненых стволов деревьев. Градобой нанес полеводам невосполнимый урон, а кукуруза в нашем огороде возродилась, и с каждого стебля мы собрали по 1-2 полновесных белозернистых початка.

У соседа Абдулы-муллы кукуруза еще более уродилась. Он заведовал сельмагом, торговал не только говяжьим, но и свиным мясом. В условиях выживания на чужбине не считал это для себя святотатством, вероотступничеством. А то, что он был истинным святым, по словам единоверцев, подтвердил такой факт: когда Абдула умер, решили доставить гроб с его телом на родину самолетом. Во фрунзенском аэропорту отказались взять гроб на борт лайнера. Полетели по курсу, но в небе над Алма-Атой перед пилотами возникла благообразная фигура старца, преградив путь в небесной синеве. Прерванный курс возобновился только тогда, когда вернувшись назад, забрали гроб с телом муллы. Удивительный случай, говорили, поразил и самих пилотов.

***

Лицо бабушки светлело при виде Абдулы. Оба с одного села, они и в изгнании оказались по соседству, на одной улице. Семейство Абдулы, да и сам он, относились к ней, все еще не утратившей былую красоту, с благоговением. Суеверные люди прежде, чем пойти к мулле за «магическим средством» против болезней, шли к бабушке. Она была какой-то связующей нитью между просителем и богословом, который ей ни в чем не перечил. Абдула содействовал примирению кровников, бракоразводным процессам посредством амулета. Бабушка тоже всегда имела при себе кожаный пакетик в виде сердечка с вшитыми в него благословенными словами от несчастья. Такой же оберег был и у их общего друга, белобородого Исалу, в бешмете из шелка и шапке из овчины, сшиты бабушкой.

***

Однажды под вечер к нам забрел нищий по имени Беча. С накинутой на голое тело неимоверно поношенной черкеской с чужого плеча, в таких же неряшливых брюках в заплатках, войлочной шапке и на босу ногу неАрмачах из сыромятной воловьей кожи, застланными соломой, он являл собой сходство с огородным пугалом. Схожесть эту дополняли тусклые глаза на посиневшем лице, беззубый рот и нос картошкой, грязные руки со скрюченными пальцами и переметная сума через согбенное плечо с запахом гниющего навоза. Его слизистые глаза уставились на бабушку, и он замычал о помощи: «Вымоли у мุลлы жайну». Несчастный, страдающий от недержания, мог обделаться даже при громком лае дворняжки или когда уличные мальчишки и шутники подкрадывались сзади и хватали его, рыча по-собачьи, за изодранную полу черкески. Щетинистые рыжие усы, сжатые посиневшие носом и толстой верхней губой, свисали тогда истрепанными концами к безволосому кривому подбородку, кадык на горле и тонкая шея приходили в невероятное судорожное содрогание. Беча ныл и плакал, осыпая прохожих бранью и угрозами, ставшими привычными для многих, но только не для блаженной Килсани, его заступницы...

Перешептывание бабушки и Бечи прервал страшный гул из-под земли. Почернело небо, все качнулось в сторону, затрещали деревья. По телу пробежала судорога. «Это землетрясение, скорее на улицу!» – крикнула бабушка. Она затащила меня и Бечи в придорожную канаву, на безопасное расстояние от зданий – так, чтобы при возможном падении стены ни меня, ни его не зацепило.

Разбушевавшаяся внезапно стихия так же неожиданно закончилось, не принеся людям особого ущерба. Бабушка вываляла в арыке шершавые лохмотья Бечи, а самого заставила облиться водой из кудала по несколько раз, очиститься. Абдула «заговорил» его от недуга. Говорили, что у него и Килсани затем родился сын с двумя сердцами по обе стороны груди.

По возвращению на родину близкие построили Бече саманник. Он занялся починкой старой обуви, несколько раз был женат, имел в одно время и двух жен, народившихся детей пустил по миру. Умер в нищете и мало кем был оплакан.

***

– Ничто не старится, не забывается, – говорит мама. – И ты, сынок, сохранил эту привычку все узнавать, обо всем помнить. Давай вспоминать.

– Я вижу, мама, как ты еще совсем молодая, вдовушкой-бедовушкой врвешься ко мне, полиомилитику, чтобы ощутить мою боль, как свою собственную. Санаторные служащие привечали тебя. Благоклонны были к тебе нянечки и воспитательницы, врачи и учителя, санитары. А главный врач разрешал видаться нам и в неурочные часы. Знали и понимали – преодолеваешь на перекладных путь неблизкий в детский тубсанаторий в Воронцовском сосновом бору. В дождь ли, в зной ты врвешься ко мне в душном автобусе или в кузове полуприцепа.

– Садись в кабину, погутарим, путь окажется легким, – приглашает шофер.

Отнекивалась. За себя была спокойна, да боялась людской молвы, сторонилась тех, у которых и «хвала, что хула...» Трясется грузовичок на ухабинах, дорожных ямах. Заливает кузов дождь, хлещет по тебе, накрывшейся скатеркой. Дорога трудная. Но ты спокойна, ты и в пути со мной. Ты едешь ко мне, помня о пережитом мной, укоряя себя, что оставила дите однажды без догляда, и бабушки тогда не оказалось рядом...

***

Накануне приснился сон. Иду по широкому бескрайнему полю, залитому по щиколотки водой. Не знаю, куда и зачем иду. Водная гладь, переливаясь серебристо-синим блеском, слепит глаза, затрудняя движение, а вскоре и вовсе не могу пошевелиться. Костлявые руки, тянущиеся к лодыжкам моих ног, безжизненно повисают в воздухе. Они напоминают явь – руки предка-параноика, которые, схватив ноги, трескают головой оземь. Но сон действует успокаивающе – здесь вода и «эзекуция» будет не столь чувствительной.

То я один, то появляются люди, крадучись, молча. Вдруг все приходит в лихорадочное движение. Люди бросаются в разные стороны, проворно шлепая по прибывающей воде. Рядом вертится только Вовка, который в свои шесть лет убежден, что в патефоне живут и поют маленькие человечки, петухи несут яйца наравне с курами, и к нему по ночам заглядывает в окно степной джейран; он знает даже, где находится шпионский передатчик – если захотим, может показать то место. Если же проглотить вишню с косточкой, то в животе прорастет дерево...

Но и Вовка вдруг исчезает, словно его поглощает набежавшая волна. Я же остаюсь один-одинешенек, пока чудовищный водный поток не охватывает все окрест. Закружившись тьмой кромешной, поток забрасывает меня в водную пучину.

Конец! Конец! Всему конец!

Падая в разверстую львиную пасть, проснулся весь в поту. И облегченно вздохнул, что это только сон. Только он оказался «в руку».

***

На самом краю ямы, из которого брали глину для изготовления кирпичасырца, росла одинокая вишня, которая каждый раз наливалась сочными ягодками. Вот и на этот раз красные спелые вишенки так и просились снять их, испробовать. Полез за ними и ряхнулся о самое дно. Сосед Вахлов выгасил и принес домой на закорках. Сам идти не мог от боли в левой пояснице. Немного отлежался – и по докторам. В очередной раз мама повезла в Беловодск. Хирург осмотрел и прописал покой и какие-то пилюли. Нога стала опухать. Не помогли старушечьи заговоры, позвали «костоправа», который подлечил.

– И снова ты, сынок, с ребятишками играешь, как и прежде, проворнее тебя не найти в новеньких сапожках, сшитых на заказ. Не думала тогда, что болезнь станет прогрессировать от твоих подвижных игр. Опухла левая поясница заныла. Дальше – больше. И ходить уже не мог.

Ребятишки на самодельных тележках и санках возят тебя с собой. Ты смотришь на них, веселых, озорных, здоровых – и в крик от обиды, боли. И опять по больницам – да мало толку. Поехали во Фрунзе, главврач, душевный он был, добрый, воспринял нашу беду как свою, и добился путевки через Минздрав в Республиканский детский туберкулезный санаторий в селе Воронцовка.

– И повезла я тебя туда, аж на край света. Красотища-то здесь какая! Сосны, ели, карагачи – до самого неба тянутся. И радуга, видишь, после дождичка засверкала на горизонте, полна нежности. Простор первозданной красоты... А ты в крик: «Мам, не оставляй меня!» Самой бы поселиться рядом, в селе приютили бы. А куда от дома, огорода, хозяйства своего, колхоза...

***

Первое, что я запомнил в здравнице – это изолятор с койкой, а на ней я, пристегнутый фиксатором, и левой ножкой, подвешенной через деревянные блоки к мешочкам с песком, которые вытягивают ее. Ножке больно-пребольно. И как бы сквозь сон мамин голос в окно: «Будешь учиться в первом классе, научишься лежа читать, считать и писать!»

То ли приснилось, то ли вспомнилось – не разберу того, но я опять в Петровке вывожу дискантом в кругу дедушек духовные песни моего золотого детства. Ах, выпорхнуть бы в окно из этих бело-серых стен, ворваться бы в тот день, когда после дождя все сверкает слезами счастья, и тебе светло, легко от невыносимой свежести, птичьего разноголосья, от непонятных гулов, звонов, что разнеслись вдаль и вширь! Коснуться бы святых струн детства моего золотого, раннего и болезненного, когда сверстники катали на тележках, пускали в свои игры красных и немцев – игра детей войны... А теперь кровать, фиксатор-капкан, гипсовая скорлупка и глаза, устремленные в высокий белый потолок... Положение – лежачее, горизонтальное не на день, не на месяц – годы...

Рядом со мной, в так называемой послеоперационной палате, лежит Жорик (Жорабой). У него болит в гипсе нога. Он плачет, погруженный в свои болезненные ощущения. Сосед Гена, тоже прооперированный и в не менее тяжелом состоянии, успокаивает его. У него, у худенького мальчишки, поболее сила воли, чем у розовощекого Жорика.

К началу учебного года нас переведут в палату младшей группы. А пока с нами и взрослые: Зоя, уже почти девушка, героиня китайской революции 14-летний уйгур, казах Назарбай, умеющий играть на комузе, самый старший...

Они взрослые и рассуждают соответственно своему возрасту.

– Ноги мои ватные, – сокрушается Назарбай. – Смогу ли ходить даже на костылях?!

– Сможешь, – успокаивает его Зоя. – Меня привезли сюда совсем неподвижной, а скоро уеду, ступая своими ногами.

Смирившись, Назарбай прошелся по струнам комуза. У него оказалась и скрипка, на которой издал смычком несколько напевных звуков. Спеть что-либо он вряд ли смог, вместо буквы «в» он выговаривал «б» – «жаборонок», «боробей», к примеру. И «п» сводил на тот же «б» – «башаница» (пшеница).

Отбросив смычок, он снова заныл:

– Ох как мне трудно! Весь в скорлупе. Талантов никаких.

Уйгур-герой, не по годам серьезный и уравновешенный, изменил ход суждений восклицательным знаком:

– Хватит распускать нюни! Процесс туберкулеза приостановят, станешь ходить, работать, выучишься на агронома, как свой старший брат.

– Надо быть сильным, волевым, – раздался чей-то голос. – Мересьев без ног и танцевать умел, и лупить фашистских асов.

– Вы читали книгу «Айвенго»? – спросила Зойка. – Ее автор Вальтер Скотт, болевший полиомиелитом, своим умом достиг совершенства. Займись он самобичеванием, разве смог бы стать замечательным писателем?

– Надо забыть о своем недостатке, – говорили другие. – Горько и обидно постоянно ощущать его. Вспомните президента Америки Рузвельта, колясочника. Или мальчика с парализованными ногами из повести Алана Маршалла «Я умею прыгать через лужи», научившегося скакать на коне.

...Имена, перечисляемые взрослыми, нам мальчишкам, будущим первоклашкам-«промокашкам», ни о чем не говорили. О них и других нам расскажут позже учителя и воспитатели на исторических примерах.

***

Не могу сказать, как я скучал по маме. Она была единственной, которой мне не доставало. Учился, как она наказала, читать, писать и считать в лежачем положении на специальной постельной парте. Учителя, два Михаила – Михаил Порфирьевич и Михаил Александрович – были нашими «макаренковыми». Оба фронтовика, только недавно из окопов, они дополняли друг друга вежливостью, обходительностью. Михаил Порфирьевич, сухопарый и жилистый, среднего роста, в нашем восприятии не мог вынести на своих плечах с поля боя раненого, медвежьего склада Михаила Александровича. Однако смог. В жесточайших условиях, говорят, силы удваиваются, непосильное уступает волеизъявлению.

Мы были более благосклонны к Михаилу Порфирьевичу, прихрамывающему на левую раненую ногу, в то же время очень подвижному и радушному. Он говорил с нами как с равными, будто мы и не полиомиелитики вовсе, а какие-то маячки на земле, которым на светлоретах бороздить пятый океан.

Мы выросли не по дням, а по часам. Во втором классе я прочел «Всадника без головы» Майн Рида. В тихие часы, накрывшись с головой

простыней, втайне читал страницу за страницу. Книгу, со строгим наказом не показывать никому, принесла мне воспитательница Валя. Прочел также «Детей капитана Гранта» Жюль Верна от доброй нашей Вали.

Я рассказал соседу по койке Генке о бесстрашных путешественниках, о детях капитана Роберте и Мери, ободрил его словами Роберта, обращенными к сестре: «Мери, никогда не следует отчаиваться. Вспомни, чему учил нас отец. «Самое главное – не падать духом», – говорил он. Будем же мужественны и стойки, как наш отец, – это давало ему силу преодолевать все препятствия».

В отличие от розовозощекого Жорабая, Генка, будучи любознательным мальчишкой, все хватал на лету, сказал: «Да, он был добр, их отец».

А еще молоденькая наставница подарила мне книгу Стефана Зорьяна с надписью: «Васе от Вали».

Имени «Вася» обязан чернокозой и чернобровой узбечке Галие в тубетейке. Озорная воспитательница окрестила меня по своей придумке: «Ха-вас+ я =Вася». Это имя пропишется в школьных тетрадях и журналах, и только с получением паспорта с памятными страницами на русском, чеченском и ингушском языках приобретет свое первоначальное написание.

С нами работают воспитатели младших групп. Они читают нам книжки: «Тимур и его команда», «Васек Трубачев и его товарищи», про пионеров-героев, про Чиполлино, Буратино, русские народные сказки, стихи. Когда слышим: «Гуси! Гуси!» – отвечаем: «Га! Га! Га!» – «Есть хотите?» – «Да! Да! Да!» И песни поем. Я любил украинские: «Реве, та стогне Днипр широкий», «Дивлюсь я на небо». Они сохранились в памяти с вечеринок, которые устраивали парубки и девушки в свои досуже часы. Их лирические вечера дышали свежестью, я свободно заговаривал с ними на их родном. На русском спел в первый раз на «бис»:

Стонут плакучие ивы,
Тихо склонясь над ручьем.
Струйки бегут торопливо,
Шепча во мраке ночном.
Помнишь ли, милая, рощу дубовую,
Травы, цветы и росу,
Вечер на западе, тучку лилову,
И караулку в лесу?

К нам в санаторий приезжали из Фрунзе артисты киргизской филармонии. Они ставили спектакли на темы недавно прошедшей войны и революционные. Клубная сцена оглашалась хлопками выстрелов, загорались баталии, что нам, лежащим на выкатанных в зал кроватях, казалось все всамделишным. А когда на сцену поднялся очень обаятельный с косой русой челкой на лбу Саня Григорьев (он недавно сделал первые шаги) и спел «Прощайте, скалистые горы», мы вызывали его: «Бис, бис!» Его соло впивалось в меня, и не отпускали слова: «Мы вышли в открытое море, в суровый и дальний поход...» Стонущие и плачущие волны, «бьющие о борт корабля», уносили в ширь невозможную.

Пелось во весь голос. Почти у каждого из нас в палате был свой музыкальный инструмент: скрипка, мандолина, гитара... Мне балалайку

привез из Фрунзе дядя Турко. Он приехал с Деци, сестрой отца. В неприемные часы добрая и хлебосольная Деци умудрялась закинуть передачу в окно. На сей раз она швырнула пакет с вареной курицей.

– Играй и пой, хорошо пой! – прокричал в окно Турко, работавший тогда в геологоразведочной партии.

Я научился играть на гитаре и немножко на балалайке, чем обязан нашей учительнице пения, баянистке Тине Яновне. В ее музыкальном кружке рождались квартеты и дуэты, мне досталась роль солиста, и я с волнующей серьезностью пел пионерские песни и на манер эстрадных певцов: «Вижу чудное приволье, вижу нивы и поля...»

Когда снимали хирургическую повязку из гипса, мой лечащий врач Антонина Яковлевна Петренко спешила ощупать своими чуткими пальцами больную ногу и простукать позвонки. Она лечила и магией, и добрым словом, потому мне навсегда запомнилась она, врач-ординатор в белоснежном крахмальном халатике и колпачке. После осмотра на ножку и поясницу снова накладывался гипс – «скорлупотерапия» повторялась. Врачи нас лечили, педагоги учили, нянечки баюкали сказками: «Лети, лети, лепесток, через запад на восток...» или «И днем, и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом...» Нянечка-фронтвичка, водившая под вражескими бомбежками полуторку, обходя перед отбоем каждого и поправляя простыни и подушки, рассказывала, как она спасала раненых, доставляла военные грузы на передовую. Говорила, что немцы пугали своих детей, выставляя наших солдат в образе дьявола с рогами и копытами...

Для нас устраивали новогодние утренники с настоящей елкой, Дедом Морозом и Снегурочкой, с подарками, шутками-прибаутками, песнями, стихами и загадками. Нас приняли в пионеры и повязали красные галстуки. Взрослые не давали нам возможность по-настоящему ощутить свою ущербность, стремились вернуть каждому душевное равновесие.

И мы не замыкались в своем горе, жили одной семьей со своими радостями и заботами. Для меня, книгочеля, влюбленного в русский язык и литературу, не составляло особого труда написать частушку, сочинить сатирические строки на однокашника. Стихи, рисунки и лепки из пластилина разошлись по санаторию. Это выработало во мне ценное качество характера – упорство.

В конце мая санитары выкатывали наши кровати на колесах из палат под огромные навесы, называемые «летними лагерями». Навесы, крытые брезентом, оглашались весельем и гомоном. Младшие группы отделялись от взрослых пологами, свои отсеки были и у мальчиков с девочками.

Нашими развлечениями были игры в шахматы и шашки, загадки-отгадки, морские бои, города, и еще «прыгалки» через перекладины, что было немного и баловством, и непослушанием. На конец длинной твердой нити закрепляли грузик, который легким броском закидывали на ближний поперечный брус навеса. Дергая нить, грузик перебрасывали с бруска на брусочек. Побеждал тот, кто быстрее доберется до намеченной на глазок отметки. Иногда нить запутывалась, и грузик оставался висеть на перекладине до тех пор, пока нас не переводили на «зимние квартиры».

Были у нас и так называемые «хулиганы». Лежачий Ваха, к примеру, шумно вел себя на уроках, дерзил учителю, нянечкам, воспитателям.

А ходячий Петька приставал к девчонкам, безобразил подчас не в меру, однажды и на побег отважился. Но то были единицы. Нас учили быть грамотными, вежливыми, приобщали к сердечности и доброте.

Нередко, по желанию мальчика или девочки, их кровати выкатывали по аллее под тень развесистых платанов. Так заводили знакомство, которое со временем могло перерасти в незабываемое чувство.

Мое знакомство с Алей, третьеклассницей из соседней палаты, состоялось на просмотре фильма «Вратарь». Наши кровати оказались в кинозале рядом. Это стало поводом частых «переселений» нас из палат под сень цветущих деревьев, над которыми сияло ослепительно чистое небо.

В другой раз нас с Петей Чигриным из Владивостока вывезли в больничный сад. К нему приехал отец, полковник погранзащиты. Он угостил меня плиткой шоколада.

Так устраивали больничные знакомства лежачих, полусидячих, сидячих.

А вскоре произошло событие – я встал на ноги после трех с половиной лет заточения в гипсе. Научившись стоять, держась за кровать, сделал первый шаг. Первый! Настал день, когда приехала мама забирать меня, которому можно ходить на костылях в синтетическом корсете не более часа в сутки. И обязательно постоянный контроль – ходьбой себя не перегружать, пить рыбий жир, воду только кипяченую...

Прощай, Воронцовка, санаторное детство мое!

***

Первые дни своего послесанаторного детства я провел у моей любимой сестры Розы в предместье Фрунзе. Из бойкой и веселой хохотушки она превратилась в женщину с мечтательной улыбкой. Радовалась всему хорошему, моему приезду – в особенности. Угощала меня и пятилетнего сынишку Ису необыкновенно вкусными фруктами и ягодами. Ее редко можно было видеть с непокрытой головой. А когда снимала шаль или платок, ее волосы, разделенные пробором и тщательно причесанные, отливали блеском крыла ворона.

Я как бы заново знакомился с местами, где бывал и раньше. И Большой Чуйский канал, «сработанный рабами Рима», т.е. заключенными, и пруд с домом Деци на самом его берегу, и люди с неведомыми доселе привычками – все было для меня ново, все решительным образом изменилось. Похорошели люди, разрослись сады и огороды, а прозрачный пруд, в заводи которого можно пересчитать все белые камешки, облюбован телятами. Задрав хвосты, они входят в воду, пьют ее и возвращаются щипать траву прямо на его берегу. Летают белогрудые птички, хватая мошек, снующих на поверхности водоема. Они вертят хвостами, перепрыгивают с камня на камень, теряются в тростниковых зарослях, бесстрашно чирикают. Доставляет удовольствие наблюдать за ними.

Мне трудно разговаривать со знакомыми сестры, которые обращаются ко мне на чеченском языке, подзабытым за годы отлучения от родного очага. Тут на помощь приходит Роза в качестве толмача. При этом глаза ее искрятся смехом, уголки губ трогает улыбка. Я опускаю глаза. На душе что-то неладное.

Роза и ее муж Бауди, как бы догадавшись об этом, стараются ввести меня в новый ритм жизни. Бауди показывает мне новые дома переселенцев, рассказывает о всяких происшествиях, о последних новостях, услышанных от соседей, обо всем, что может меня заинтересовать. С добродушной улыбкой делает все, чтобы в моем сердце пробудилось много теплых чувств.

– Узнал? – спрашивает, услышав на улице звонкий смех. – Это Галя. Она оканчивает школу, будет учиться на доктора.

– А вон близнецы – братья Юсуп и Юнус, с ними Зарка – никудышная девчонка.

– А что они делают?

– Совершают набеги на чужие сады. Часто паршивцев стаскивают с деревьев и потрошат пазухи с яблоками.

Я уходил на пруд и канал, в котором вода билась в испуге о берега в поисках все нового и нового русла, чтобы напоить живительной влагой огороды и луга.

Роза, Бауди и их сынишка Иса и сейчас живо представляются, ожидающие меня оттуда к обеду или ужину.

Роза готовила мамалыгу.

– Ты давно не ел мамалыгу, – говорит она. – Ешь горячей, когда она остынет, это уже не еда.

– Давай отведаем вместе, – подхватывает Бауди, – она из муки желтой кукурузы – помола с водяной мельницы. Лучше такой мамалыги не бывает.

Мы трапезничаем вместе. По комнате плывет душистый запах вкусной каши с парным молоком.

***

По пути домой мама повезла меня к Акие, приютившей нас в начальные дни отлучения от родины. Акия встретила нас с распростертыми объятьями. Вежливо расспрашивая о моем самочувствии, о дороге, о личном подворье, повела нас в глубину сада, где вокруг дастархана устроились обедающие. Главенствовал на правах хозяина толстый киргиз и отправлял в рот бешбармак, облизывая руки. По левую сторону от него в бархатных тюбетейках сидели сородичи, подогнув под себя ноги, по правую – гости. Поодаль над костром кипел казан с бараниной. Здесь хлопотали женщины. Среди них была и Сегиз, которую когда-то дергал за многочисленные косички. Она повзрослела, но в раскосых азиатских глазах на прекрасном нежном лице все еще оставалось что-то детское. Она меня узнала и сразу предложила:

– Хочешь чаю, налить айран?

– Нет, Сегиз. Нога что-то побаливает.

– Это от погоды. Сыро. Выглянет солнышко – пройдет, и мы пойдем с тобой на улицу с цветущими абрикосами.

Вскоре солнце высветлило все вокруг, и мы пошли на эту улицу, которая, растекаясь на узкие тропинки, добежав до конца айла, исчезала в травянистых лугах. У арыка с журчащим водным потоком Сегиз поцеловала меня.

Какой ты, Сегиз, была хорошей!

На соседней улице киргизские мальчишки играли в чижика. Шустренький мальчик, подкинув в воздух чижик, ударом палки пулял его как можно

дальше в сторону. Измерив битой расстояние до конца, он снова закидывал чижик подальше. И так три раза.

В конце концов победитель сажился побежденному на спину, и тот вез его, как ишак, к месту, откуда по первоначальному запульнули чижиком. Ребята бегали рядом и кричали:

– Но, быстрей, иноходец, но, вперед!

Подбадриваемый такими возгласами, седок все понукал и понукал ногами своего «ишака».

Под вечер в аиле появился старьевщик с реденькой бородкой, изъеденным оспинками лицом. Арба в упряжке с ишаком была завалена всяческим хламом, но, не довольствуясь этим, барахольщик зазывно кричал:

– Биром тряпка, шурум-бурум даем, барахлу таскай!

За каждую принесенную ветошь давал детям глиняную свистульку или сладкого петушка на палочке. А еще у него были разные безделушки, выражаясь на его языке – «шурум-бурум»: бусы, сережки, украшения из цветного стекла... Я купил бусы и подарил их Сегиз.

***

По первоначальному предписанию врачей РДТС исполнялись строго. Но проходили дни – и сквозняков перестал бояться, и рыбий жир отодвигался на второй план, и костыли ломались, их затем наращивал сосед. Хотелось бежать за Вовкой, куда он, туда и я.

Вовка Скабеев был сыном Марии Васильевны, учительницы русского языка и литературы. Мы с ним сидели за одной партой, подружились, учились и побаивались директрисы средней школы им. Черняховского. Стройная немка в высоких красных сапогах всегда ходила со стэкком, удар которого испробовал не один баловник. Она имела жесткий нрав, могла запереть хулиганистого воспитанника в чулане с крысами, поставить его на колени в угол с кукурузными зернышками, которые больно кололи. Это было и обидно, и невыносимо. Методы царской школы еще не были изжиты.

Свою обиду ребята, старшеклассники в особенности, вымещали на стареньком и очень добропорядочном немце, преподающем свой родной язык. К его урокам относились с пренебрежением. И директриса-немка, и учитель-немец не воспринимались детьми, отцы и старшие братья которых победили фашизм. Хотя они были советскими немцами, отчуждение к ним все возрастало.

Лучом света в нашем «царстве детей» была Мария Васильевна. Стройная и звонкоголосая, в неизменных белых туфельках на высоких каблукках, она обучала меня технике стихосложения. Постепенно узнавал, что такое ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест. Я передал ей тетрадь со своими стихотворными пробами, которая так у нее и осталась.

Вскоре мама стала готовить нас с Даккой в дальний путь.

– Мы поедем домой, – говорила мама. – Знаешь, Дудуг (так она меня называла), какие там леса и горы, реки, небеса голубые – аж дух захватывает!

Дакка читал нам обращения переселенцев в Москву с просьбой как можно быстрее решить вопрос о возвращении на родину. А один раз привел цитату из письма соотечественников Н.С. Хрущеву: «В течение нашей обездоленной

жизни в Казахстане и Киргизии нас преследовали работники МВД и МГБ, как хорошие охотники на зверей. Нам не разрешалось появляться при железнодорожных станциях, в поездах проводились специальные поиски чеченцев и ингушей, а также проводились специальные поиски чеченцев и ингушей в общественных местах, на рынках, и при обнаружении их без разрешения на перемещения привлекались к ответственности сроком даже до 20 лет...» Также сообщил, что 9 января 1957 года подписан Указ Президиума ВС СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР».

Мама стала готовиться к отъезду. Снесла на базар кур, продала корову, дом. И мы присоединились к первой группе возвращенцев. Погрузили скarb в грузовик и взяли курс на железнодорожный вокзал. За машиной долго бежал мой верный пес Шарик, вырвавшись из рук моего друга и своего нового опекуна.

Бабушка осталась со своими братьями, жившими за гнилым болотом. Они выедут позже.

***

Стучат колеса, отменяя под откос километры. Стучат и стучат по рельсовой стали: тук-тук-тук. Поезд идет на Кавказ.

В нашей теплушке мама, я и Дакка со всем своим небогатым имуществом – пригодится на новом месте. Маме, как передовой колхознице, власти выделили отдельный вагон в длинном составе с предписанием возвращения жилья, конфискованного при выселении.

Стучат колеса, отмеряя километры по серой засыпанной шлаком насыпи.

За окном проплывают поля и степи, разбросанные мазанки, вдали мелькают человеческие фигуры, вылезшие будто из-под земли. Создается впечатление, что это люди подземелья, потерявшие в военное лихолетье свое жилье. Картина ландшафта и погода меняются километр за километром: то солнце, то дождь, шагают навстречу деревянные платформы, здания вокзалов, обсаженные кленами, акациями, всевозможными кустарниками; проезжаем мосты, реки, деревеньки с низкими домами и хрюшками во дворах непривычно черно-бурого окраса, у наших хохлушек они были белыми...

– Наша конечная остановка далеко? – спрашиваю у мамы.

– До Гудермеса дней пять, а может, и десять.

– А мы уже не спецпоселенцы?

– Нет, конечно!

Забегая вперед, скажу, что родился перед самой депортацией народа в 1944 году. По справке №1. /А- 682 репрессирован в 1944 г. органами НКВД на основании Постановления ГОКО № 5073 от 03. 01. 1944 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР № 116/102 от 07.03.1944 г., направлен на спецпоселение в Кирг. ССР.

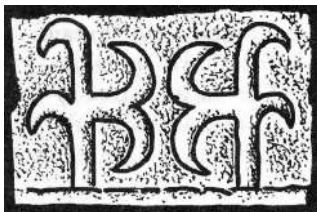
Целых 60 лет понадобилось для того, чтобы признать меня (грудного сосунка в 44-ом) «жертвой политических репрессий», реабилитировать и выплатить, как и всем спецпереселенцам, по 10 тысяч рублей... за утраченное жилье и имущество! Смех и грех!

Мама распахнула двери вагона настужь. Зелень подступила прямо к

путепроводу. Листья кустарников, обмытые росой и теплым ветром, задевают стенки вагона, к ним даже можно прикоснуться, вытянув руку. Вдруг откуда-то залетает божья коровка. Ловлю славную букашку с вишнево-коричневой спинкой и крохотными черными крапинками. От прикосновения пальцев она замирает, подобрал под себя тонкие лапки. Одно мгновение даже не шевелится. Затем, осмелев, расправляет лапки и ползет по вытянутой руке. Замедляет ход, поведя из стороны в сторону, улетает, расправив прозрачные крылышки. А под вагоном мерно раскачиваются буфера, мчится вперед земля, затягивая нас в самую гущу новой жизни. И вот «паровоз, остывая, мелко дрожит, под сводами пар клубя...» Станция, вокзальная неразбериха, шум, гам... бегом с насыпи вниз по мягкой траве родной земли.

О, дай мне, дай мне наглядеться
В твои девчоночьи глаза,
И быль, и небыль, песня детства, –
Родная родина Кавказ.
О дай мне, дай прильнуть устами
К твои нагорным родникам...

Продолжение следует.

Память

Тауз Исс

Этим летом на 70-ом году жизни не стало известного чеченского поэта, прозаика и эссеиста Тауза Исаева (литературный псевдоним – Тауз Исс).

Тауз Исс родился 10 ноября 1951 года в Казахстане. В 1957 после реабилитации чеченского народа и восстановления Чечено-Ингушской АССР его семья вернулась на родину. В том же году он пошел в восьмилетнюю школу в селе Зоны

Советского района, в 1968 году завершил среднее образование в Ростовской области. В 1970 – 1972-х служил в рядах СА. В 1973-ем году поступил на заочное отделение исторического факультета Чечено-Ингушского государственного университета; в 1976-ом – в Воронежский институт искусств, где учился, совмещая учебу в ЧИГУ, но на третьем году вынужден был прервать обучение по семейным обстоятельствам. В 1988 году окончил литературный институт им. А.М. Горького (семинар поэзии) в Москве. Продолжал работать в театре и в редакциях газет и журналов.

Работал актером в Чечено-Ингушском государственном драматическом театре им. Х. Нурадилова, разнорабочим, учителем, сотрудником газеты «Ленинец» Советского района.

С 1995-го по 2008-й годы Тауз Исс проживал в Абхазии и работал преподавателем русской литературы и культурологии в Абхазском государственном университете.

Начало литературного творчества связано со стихами, которые он писал на русском и чеченском языках. Его поэзия и проза отличается яркой художественно-философской образностью (широкий резонанс вызвал роман «Имя Родины», опубликованный в Абхазии в 2012 году). Перу Исаева принадлежит ряд сборников стихов, прозы и эссеистики, изданных в разные годы: первые поэтические произведения были опубликованы в журнале «Звезда Востока» (на чеч. языке) в 1980 году; в коллективном сборнике «Чтобы земле жить» (1982), в Антологии чеченской поэзии (на чеченском языке), изданной в Москве. Первая книга стихов и эссе – «Пространство души» – вышла в Грозном в 1991 году. Сборник стихов и эссе «Горсть» – г. Сухум, Абхазия (2001); поэтический сборник «Грусть» – г. Сухум, Абхазия (2001); эссе «Путешествие в полдень» – Сухум, Абхазия (2006); «Линии» (стихи) – Сухум, Абхазия (2008); «Грани» (эссе) – Гагра, Абхазия (2003); «Чеченское солнце» (эссе) – Грозный, Чеченская Республика (2014).

Также его произведения печатались в журналах: «Вайнах», «Орга», «Нана», «Литературная Абхазия» и др. Член Союза писателей Чеченской Республики, Союза писателей России и Союза писателей Абхазии. Один из создателей и вице-президент общественной организации «Академия культуры Кавказа».

Вновь забинтованы деревья...

***

Во всех синих почтовых ящиках мира
 лежат мои белые
     неотправленные письма к тебе.
 в желтых мельницах
     серыми жерновами
 перемолоты зерна моего горя,
 выпечен дурманящий душу
     хлеб моей любви,
 во всех химеричных женских глазах,
 околдованных неуловимостью – ты.
 Во всех проповедях, реликвиях и
 молитвах мира – ты.
 В моей комнате, уходящей
 звонким окном в ночные костры – ты.

***

Я верю тому,
 кто грустит среди общего
     шумного счастья,
 и первой звезде,
 сзывающей в сумерках сонмища звезд,
 ребенку и птице, посаженной
     в черную клетку,
 дорогам земным
 и реке, утекающей в ночь.

***

Электричка ныряет
 в длинный узкий туннель
 и увозит с собой
 долгий железный крик.
 Сотни, тысячи, толпы людей
 в подземельях блуждают,
 будто в поисках давней потери,
 и сшибаются двери,
 смыкаются неотвратимо.
 В этот миг,
 в подземелье, которое глубже могилы,
 понимаю библейское: «Все – суета»...

***

Я завидую облакам –
 в их свободном движении
 гармония линий
 и змеиная ласка
 и сострадание...

Осенним листьям

Какая сила вас сорвала
 и бросила в земную плоскость?
 Какая музыка соврала?
 Обманом, обещавшим вечность,
 на ваших листьях аскетических
 застыли судороги молний
 скульптурой голой и трагической
 опустошенный лес наполнен.
 Среди дорог, зовущих в детство,
 аккорды лета отзвучали...
 Обороненное наследство,
 заговоренное печалью...

***

Вновь забинтованы деревья,
 их лихорадит по весне –
 зеленые открылись раны.
 Вокзал,
 твои перроны опустели.
 Кого ты ждешь? Кому кричишь?

***

Просыпается город,
 шарманкой трамвая разбуженный,
 исковерканный струнами рельс,
 зажатых тисками асфальта.
 Где-то в грозовом небе
 голубиные мысли воркуют,
 перья солнца роняя в гнезда
 расстрелянных окон.
 Снова люди уйдут
 вслед далеким мечтам
 и дорогам,
 снова люди вернуться
 в прописной
 торопливый уют...

***

Есть звезды разные
 кладбищ камней пустынь
 домов воды деревьев птиц дорог
 людей огня любви цветов и песен
 моя же та
 что в сумерках красивых
 над Родиной торжественно встает.

Воспоминание

глаза весенних женщин
 полны недоуменного счастья
 охапки пылающих цветов
 брызги майской пены
 магнетизм притяжений
 ярость одиннадцатичасового солнца
 стекает с крыш деревьев плеч и улыбок
 краски поют дерутся
 созидают до иступления
 скорей бы весна...

***

гребнем рук
 расчеши свои синие волосы
 и умойся весенним зеленым дождем
 а потом взявшись за руки по лесу
 мы пойдем
 мы с тобой
 мы вдвоем...

***

Правда ли,
 что звезды – это души умерших?
 Правда ли, что Млечный путь –
 это след любви?
 Правда ли, что мир бесконечен
 и вечен?
 Правда ли, что где-то на свете
 есть ты?

***

не рифмуется жизнь с судьбою
 точно так же как дерево с птицей
 как далеко небо от сердца
 никогда не смешаются дым весенний
 с дымом осени
 и растрепанный ветер с осенью
 гривы конские со звездой
 не рифмуются
 шепот с криком
 слезы со смехом
 закаты с восходами
 нож холодный с горячим сердцем
 доброта не рифмуется с подлостью
 жизнь любая с любой смертью
 и действительность эта с душою
 одиночество с толпою

***

Еще темно.
 Небо светлеет понемногу...
 На автостанции совсем немного людей –
 лишь те, кого
 судьба подняла рано
 с утренних постелей
 и повела в дорогу.
 Тихо...
 Мяукает кошка,
 старуха молится в углу
 на белой скамейке –
 она разговаривает с Богом.
 Кто-то спит...
 Щелкают в дверях ключи.
 Машины прибывают,
 и убывают люди.
 Костер горит
 в одном из многочисленных дворов –
 Бог весть зачем
 горит...

***

Солнце пало как раненый зверь
 на порог моего молчанья.
 Отворю высокую дверь,
 выйду в сумерки в час прощанья,
 крикнут птицы, в крови купаясь,
 сгинут тени,
 время умрет...
 Ночь, распутная и слепая,
 сквозь меня, как беда, прорастет.
 Будут травы шептать и молиться,
 будут звезды стонать и молчать,
 выйдет зверь к водопою напиться,
 человек будет верить и ждать...

***

Землетрясение на Земле,
 землетрясение
 Кочуют яблоки в саду из лета в осень –
 Они планетами летят в горячей ночи –
 а утром видишь:
 тихий сад
 плодами зрелыми забросан...

***

людей облитых желтым светом
за поворот трамвай увозит
его колеса брызжа искрами
немыслимый аккорд выводят
как-будто душу положили
на грани рельс и... переехали

***

Мы – респектабельные,
Сытые сознанием собственного махрового «я»,
Густоволосые, лысые или плешивые,
В галстуках или без галстуков,
Одетые обязательно по моде,
Обязательно принимающие пищу три раза в день,
Двигающиеся вне времени и пространства,
Говорящие умные речи,
Пытающиеся не думать о «быть или не быть»,
Пытающиеся влюбляться,
Выдавливающие из спрессованных внутри слез улыбки,
Стесняющиеся подавать нищим милостыню,
Не имеющие мужества сказать по большому или малому поводу
Свое
Собственное мнение,
Блаженно закрывающие глаза перед подлостью,
Принимающие таблетки, но не от «зубной боли души»,
Ежедневно сплетничающие,
Влюбленные в свои отражения в зеркалах,
Боящиеся не выспаться,
Посылающие космические корабли во Вселенную,
Создавшие государства и законы,
Убивающие поэтов как собственную совесть,
Любящие восходы и закаты,
Ненавидящие зло и добро,
Поющие Интернационал и неонацистские
Песенки,
Сидящие на ядерной пороховой бочке,
Любящие кино,
Театры и оперетты,
Пьющие вино,
Выкуривающие тонны никотина,
Создатели тюрем и цветочных оранжерей,
Убивающие животных и ограждающие их
От пуль
Заповедниками,
Живущие в преддверии XXI века,
Верящие или не верящие...

Кто мы?
 Какую дверь мы откроем
 В ночь на 1 января 2001 года?
 Куда мы войдем?..

1980

***

в гудящую пыльность заката
 ты бросишь глаза как бездонность
 и вырастут красные звуки
 в твоём каменеющем лице
 и ночь защитит от грозы
 заплещет такырами молний
 и ливень отплачет навзрыд
 свою лебединую песню
 а в снах твоих вырастут крылья
 ворвется космический ветер
 и сладкая боль будто пуля
 войдет и пронизет насквозь
 а утром рычащее солнце
 пошлет тебя в белый нокдаун
 и гордый смолчит соловей

***

журавли эмигрируют
 в бездонности горя разлуки
 черный клин треугольником
 врезался в мутное небо...
 скошены все урожаи
 это горе сомкнуло их крылья
 в легионы трубящие выями
 и врывается ветер студеный
 в кричащие светлые горла
 и полощется горькая боль
 в их глазах соловьиных
 хрустальной тоскою
 еще теплые гнезда
 молятся их дыханьем
 и уносят тугие сердца
 журавлиные сильные крылья
 в никуда.
 в никогда.
 в...
 скошены все урожаи...

***

ты сотворена из тишины
 из дыма майских вечеров
 из белых выюг январских дней
 из сумерек в часы заката
 и в час добра и в дни утопий
 ты первая в ряду имен
 всех женщин мира и времен
 в минуты беглого виденья
 когда во мне созреют гроздь
 легчайшей ветхой тишины
 когда падут в земных владеньях
 плоды и листья и костры
 зажгутся раньше всех наречий
 каким беззвучным языком
 с какою безыскусной речью
 мне говорить в тот день с тобой
 в каких словах плутать придется
 и что мой разум позабудет
 то будет день грядущих дней
 и все что было до сих пор
 разлукой было и тоскою
 и все что будет с этих пор
 одним лишь словом назовется
 но это слово будет вечно
 единой тайной от людей
 оно то слово пусть отныне
 для нас навсегда
 не-про-из-не-се-нно
 молюсь я памяти твоей
 и тишине молчащих глаз
 в нас эхо прошлого звучит
 в нас голос будущего бьется

***

рыба мечется в аквариуме
 в поисках океана
 где начало пределов
 дороги к нему
 в белых стенах
 насквозь видна мне
 эта рыба большая беда
 может быть океан и неведом
 ей
 может быть но жабры
 жадно
 с каждым вздохом
 у рыбы топорщатся

в белых стенках в этой иллюзии
нету правды
нет океана
нету гулко пенья приборя
есть глухая вода и шорохи
рыбы мечущейся в океане
в поисках аквариума
раковина
раковина скрученный
четвертованный круг
в котором умерло море
которое билось прибором
о круги земного горя
журавли
как будто в плен уходят птицы
кричат как будто помогите
но чем могу я им помочь
и только сердце сердце с ними
они его уносят прочь
в метро
люди читают книги
я читаю людей

***

По дороге, прямой, как экватор,
ровно посередине Земли
шел я к тебе.
Шел, зажав любовь свою,
чистую, как весеннее утро,
в середине кровавого сердца.
У облаков просил я крылья,
видел по краям дороги цветы,
и замолкали птицы, зная,
что тебя мне
никогда не найти.
Спрашивали встречные
Каиновой улыбкой:
«Эй, куда ты, несчастный?»
Говорили:
«Никогда не дойдешь!»
Я молчал,
очень зная, что есть ты где-то на свете,
есть,
И что очень ждешь.
...Сквозь туннели,
сумрачные и затхлые,
выходил на замороженный берег моря,
кто-то зажигал мне на скалах

ночные костры.
Я, конечно, знал, что их зажигала
ты.
И когда дошел я
и увидел тебя мертвой,
понял я, что такую
никогда мне на этой Земле
не найти.
Значит, были правы птицы,
но только в будущем.
Значит, вралы люди,
но знали,
что буду несчастен,
зная в Будущем и Настоящем,
что, опоздав всего лишь
на
одно
мгновение
и увидев тебя,
буду все-таки,
все-таки счастлив.

***

расцветают цветы светофоров
перекрестки улицы площади
я по городу беспризорный
мимо всех остановок бреду
я в бреду этой жизни грошовой
ненасытной и жадной как ночь
этим городом замурованный
из его лабиринтов прочь
и дорога уже окончена
в общежитии тишина
я вхожу в левый лифт неиспорченный
он меня увозит наверх
запах комнат и коридоров
обоймет наваждением знакомым
и в постели своей в пятисотой
я улягусь как зверь в берлоге
будет кто-то за дверью шушукаться
будут звезды в окне гореть
будет лифт допоздна работать
я же в снах как всегда лететь
В тех полетах жутких и бешеных
мое тело в вибрациях скорости
из несбыточной яви будней
обретет наконец свободу

***

утром
 когда птицы крыльями ищут небо
 а небо уже растеряло все свои звезды
 а память человеческая пытается найти
 исходную точку
 когда первые электрички зовут город
 к эгоцентризму
 а по ту сторону глаз встают видения
 утром
 за порогами наших сердец желаний
 катастрофически медленно встает
 светило
 посредник Бога и бытия
 одним словом – стихия мессия
 бесстрашное и героическое
 как герой их эпоса
 и ревность с завистью почти что жалость
 несвойственные нам со времен Эллады
 совращают нас быть всевременными
 почти
 что живыми
 утром
 мы уходим уходим уходим
 разумеется из дому и от себя...

***

где в каменных стенах города
 бьется людское
 сердце
 дышат твои ладони
 сложенные голубями
 у изголовья снов
 рокошет музыка моря
 эхом ушедших столетий
 в которых остался твой след
 на спелых губах вишен
 в руинах Персеполиса
 в колоссе пирамиды
 на клавишах органа
 в каждом вздохе ребенка
 в люльке чрева матери
 тоскующей и счастливой
 на всех дорогах земли
 на бедрах схожих с крыльями
 поющих величье женщины
 в жутких глазах поэтов
 в звонких зернах колосьев

в стальных каркасах ракет
 благославляющих подвиг
 в каждом идущем дне
 начертан твой робкий след

***

знаю я
 что день начинается солнцем
 и кончается солнцем
 знаю я
 что умру между
 Западом и Востоком
 так и не успев понять
 что такое жизнь
 наверное главный ее смысл
 в том что она непостижима
 я уйду оставив в чьих-то
 женских глазах последние слезы
 а за мною будут приходиться
 еще еще и еще
 люди
 и они тоже будут знать
 что день начинается солнцем
 и кончается солнцем
 но уже не будет
 на земле той женщины
 и ее последних слез

***

Каждый вечер вслед
 за ушедшим солнцем
 на западе всходит яркая звезда.
 Это звезда сумерек.
 Вскоре, до наступления ночи,
 она уходит за горизонт.
 Вслед за солнцем,
 будто тоскуя по нему,
 оставляя после себя
 в ночном небе
 огромное пожарище звезд.
 Должно быть, утром
 она встает за солнцем,
 но ее не бывает видно
 в его ослепительном блеске
 и так всегда...

Проза

Ахмет ХАТАЕВ

Жизнь непредсказуема. Человек не знает, что она уготовила ему на ближайшие дни и тем более – на далекую перспективу. Не знал, не ведал отважный комбат Леонид Восковцев, что судьба сведет его на руинах Сталинграда с чеченцем Алхазуром.

Их знакомство было знаковым – идя в штыковую атаку с ненавистным врагом, он совсем рядом услышал молитву. Ее тихо, про себя, читал необычный в своих поступках солдат. Его необычность проявлялась в том, что Алхазур перед боем отказывался принимать свои законные наркомовские сто грамм. Были и другие моменты, которые обращали на себя внимание, но при этом

Алхазур никому не навязывал свои привычки, которые он нес собой с малолетства.

Это мы ведем речь о новой повести Ахмета Хатаева «Звезды светят всем». Под простым названием кроется глубинный философский смысл, невероятно актуальный сегодня в многонациональной, многоликой России. И на этом фоне очень ярко и, как принято сейчас говорить, выпукло виден поступок Алхазура, который спасает комбата Восковцева – он предложил санитарам полевого госпиталя свою кровь, чтобы спасти жизнь тяжелораненого майора. По невероятно счастливой случайности их редкой группы кровь совпала, и жизнь комбата была спасена, хотя руку ему пришлось ампутировать.

А потом случилось так, что Алхазуру пришлось и жизнь свою положить, прикрывая отход разведгруппы, когда немцы пытались отбить захваченного языка. И снова – Божье провидение. Об этом думаешь, когда узнаешь, что Леонид Восковцев, в свое время выживший благодаря животельной крови Алхазура, был направлен на работу в заснеженные казахские степи. Он стал председателем колхоза, куда впоследствии попали и сосланные чеченцы. В повести вы можете прочитать, как он впервые встретился с измученными нечеловеческими страданиями земляками своего побратима Алхазура.

А потом была встреча с его матерью. Об этом публицист Геннадий Пискарев в своей рецензии на произведение пишет: «Встреча Восковцева с матерью «побратима» Алхазура – встреча не со страдающей, чего так боялся герой, а с умудренной женщиной, способной, когда надо, сдерживать непослушные слезы. Отчего ее образ как Родины-матери, гордой, величественной и горячо любящей, становится залогом надежды и веры в добро».

Новая повесть Ахмета Хатаева – о гуманизме и гуманности, о том, что у нас единые корни, единое начало. И нельзя пускать к себе ненависть, злость, неприятие людей другой национальности и вероисповедания. Надо неустанно работать над тем, чтобы очиститься от этой скверны, найти в себе силы и время, чтобы задуматься, откуда к тебе пришли эти мысли, под воздействием чего. Именно к гуманизму и сопряженному с ним добру призывает замечательная повесть писателя Ахмета Хатаева.

Тамара Чагаева, журналист

Звезды светят всем

(отрывок из повести)

...Вновь резко ожили вражеские пушки, истошно завывали пикирующие «юнкерсы». В этот раз снаряды и бомбы рвались на всем пространстве дислокации батальона и у его соседей по фронту.

– Никак не угомонятся, сволочи! Но ничего, мы еще поквитаемся... – произнес Восковцев. И в этот момент один из снарядов угодил в комнату над штабом, разворотив все вокруг. При этом комбат был тяжело ранен, а Ловчев и связист убиты.

Увидев этот взрыв, сюда прибежали разведчики. Они извлекли Восковцева из-под обломков, истекающего кровью и без сознания. Тут же перевязали ему раны, уложили на шинель и, на ходу подменяя друг друга, отнесли в медсанбат, который располагался в тылу, в одной из штолен на берегу реки.

Военврач бегло осмотрел Восковцева и приказал медсестре:

– Майора срочно на стол, – а разведчикам рекомендовал возвращаться на боевые позиции. Однако Забарела принял решение остаться в штольне до окончания операции.

– Только не смолить, тут и так нечем дышать, вентиляция никудышная, – согласился с его решением военврач, уже переходя к осмотру другого раненого, только что доставленного санитарями к палатке.

– Есть не смолить! – отозвался Забарела, окинув строгим взглядом разведчиков. Этим он давал понять, что это приказ. Затем они отошли от палатки и направились к лежащим метрах в двадцати от нее деревянным чуркам и присели. Здесь же, неподалеку, мерно постукивал небольшой бензиновый движок, дающий тусклый, но такой необходимый свет в штольню. Вдоль стен тянулись белые провода, на которых то и дело мигали лампочки.

А из палатки доносились то отчаянные стоны, то душераздирающие крики или отборный мат, скорее всего, оперируемых по живому: обезболивающих катастрофически не хватало, из-за чего раненым давали глотнуть полстакана спирта, а затем пристраивали между зубов какую-нибудь деревяшку, чтобы те не крошились при скрежете от боли, и – под скальпель...

– Не дай бог вот так, лучше уж... – не договорил, кивнув в сторону палатки, старшина Сеньков.

– Согласен, лучше сразу... – как-то обреченно согласился с ним сержант Игнатов.

– А ну прекратить глупости пороть! – потребовал Забарела. – Чего расхныкались: «лучше сразу, лучше сразу»?

– Правильно, товарищ командир, смерть звать нельзя, она сама придет, когда наступит чей-то час, – заметил сержант Алхазур, отчего-то решивший в такой момент постругать кинжалом подобранную среди чурок узловатую деревяшку.

– Никак иначе, за жизнь надо бороться, как эти, что орут и матерятся, – утвердительно выпалил Забарела и сильно сжал ствол автомата, словно хотел раздавить его своей мощной рукой.

– Они сильные ребята, но им надо помочь, – неожиданно предложил Алхазур, посмотрев в сторону палатки.

– Каким образом? Они – там, а мы – здесь, и вообще, ты о чем? – удивился рядовой Степанков. О нем знали, что до войны он занимался борьбой самбо.

– Надо попросить Бога дать им сил, – оживился Алхазур, неторопливо вернул кинжал в ножны на поясе и положил деревяшку рядом с собой на землю.

– То есть взять и попросить? – пошутил Степанков.

– Молиться и просить, – уточнил Алхазур и, подняв руки к лицу, начал произносить слова молитвы.

– Ты что делаешь, комсомолец? – уставился на него острым взглядом Степанков.

– Оставь, не видишь что ли, молится! – упрекнул его Игнатов, до войны работавший в кузне молотобойцем, и после короткой паузы, глядя на Алхазура, продолжил: – Честно говоря, мне и самому порой хочется молиться, когда «юнкерсы» начинают пикировать на нас...

– Странные, однако, у нас комсомольцы пошли, – не сдавался Степанков.

– Степанков, а ты устав читал? – добродушно улыбнулся Алхазур, закончив молитву. – В нем не написано, что молитву читать нельзя. Понимаешь, она, как и клятва, дает силы и укрепляет дух. Вон у нас в роте был старшина Никодим, крест носил, молитвы произносил, просил у Бога помочь победить врага. Чего тут плохого, мы его очень уважали. И знаешь, он смерти не боялся...

– Вот услышит твою лекцию наш полковой комиссар, он и без молитвы так укрепит твой дух, что на танк с автоматом попрешь, – усмехнулся Степанков, вопросительно поглядывая на товарищей, которые отчего-то никак не отреагировали на его то ли юмор, то ли предупреждение.

В этот момент из палатки стремительно вышла и направилась к ним медсестра, которой военврач приказал готовить Восковцева к операции. Разведчики, словно по команде, пошли ей навстречу.

– Хорошо, что не ушли, нужна кровь, – произнесла она. И тут же добавила: – Первой группы, у нас она закончилась. Есть в госпитале, надо оттуда принести, если успеете.

– Что значит, если успеете? – взволнованно спросил Забарела.

– Чего непонятно-то? Умрет – крови много потерял, у него рука на лоскутках кожи держится, и бок – сплошная рана! – резко выпалила она.

– Ну, так мы сейчас, только скажите, где это, – проявил готовность отправиться в госпиталь Забарела, а потом, как бы опомнившись, спросил: – А нам дадут?

– Дадут, скажите, от Пилипенко, – успокоила его медсестра и начала было объяснять, где находится госпиталь.

Уже не раз безуспешно пытавшийся встрять в эмоциональный диалог командира и медсестры Алхазур почти крикнул, протягивая медсестре свою затертую в нагрудном кармане до неузнаваемости красноармейскую книжку:

– Дайте хоть слово сказать, у меня, кажется, такая, посмотри сюда!

– Да, да, это то, что надо, идите за мной, надо успеть, – сказала она, глянув в книжку, и зашагала к палатке. Алхазур, передав автомат Забареле, быстро последовал за ней.

– Вот те на, – развел руками Степанков, глядя на своих взволнованных товарищей, – надо же, молитва и впрямь помогла!

– Хватит кривляться, Степанков, – потребовал Забарела, – дай бог, чтобы его кровь помогла комбату.

– Ну и где твой комиссар? – рассмеялся Игнатов. – Кажись, на этот раз ты промахнулся, братец.

– Ребята, прекратите уже, а то и без вашей гоготни голова кругом идет, – рассердился Забарела.

– Да я что, командир, я же для пользы дела, – извиняющимся тоном произнес Степанков. – Конечно, дай Бог, я же просто пытаюсь хоть как-то отвлечь вас от грустных мыслей, а то, смотрю, скисли, как застоявшиеся щи.

– Хорошо, хорошо, – примирительно пробурчал Забарела и присел на прежнее место. Видно было, что он сильно переживает за Восковцева. Его примеру последовали и другие разведчики, а наверху беспрерывно грохотало и рвалось...

После некоторых раздумий Забарела торжествующе оглядел своих бойцов и произнес:

– Выходит, не случайно я тогда убедил комбата зачислить к нам этого парня!

– Он и сам просился, – заметил старшина, – все демонстрировал умение бороться и метать нож в цель.

– Я не говорил, что он плохой боец, – начал оправдываться Степанков.

– Ну вот, пошло-поехало, то так, то сяк, – неожиданно огрызнулся Игнатов. – Вообще-то, не мешало бы курнуть, а то от здешнего воздуха в зубу дыханье сперло.

– Ну ты, басенник, забыл, что ли, приказ военврача? – напомнил Забарела. – Если неможется, выйди из штольни и дыми.

– Пойдем, я составлю тебе компанию. От этих запахов бинтов и бензиновой гари трудно дышать, – поддержал Игнатова Сеньков, поднимаясь.

– Я тоже с вами, иначе от этих стонов и криков мозги сведет, – присоединился к ним Степанков.

– Идите, только не долго там, – согласился Забарела. Затем, подняв оставленную Алхазуром деревяшку, стал ее рассматривать, пытаясь определить, что тот задумал из нее выстругать.

И неожиданно для себя разглядел в ней будущую фигурку воина... «Надо же, думал – вот чудак этот горец, на отдыхе постоянно что-то стругает и стругает, словно кинжал на остроту проверяет или руку для удара тренирует, а он, оказывается, фигурки вырезает. Надо будет отдать ему эту заготовку, пусть закончит работу», – рассуждал Забарела и, увидев возвращающихся разведчиков, засунул деревяшку в голенище сапога. В этот момент из палатки показалась медсестра и усталой походкой направилась к ним. Бойцы вновь обступили ее.

– Ваш майор будет жить, мы успели сделать переливание и бок заштопали, но правую руку пришлось ампутировать выше локтя.

После этого сообщения она умолкла, а собравшийся было что-то сказать Степанков так и не решился это сделать. Первым паузу прервал Забарела:

– Ничего, главное, будет жить, а насчет руки... майор и одной сможет бить фашистов! Я прав, ребята?

Разведчики дружно закивали, а Степанков еще уточнил:

– Тем более, комбат левша.

* * *

...Все последующие дни в промежутках между боями то Алхазур, то Забарела навещали Восковцева. Он с большой радостью встречал каждого из них. С горечью в голосе рассказывал, что одной рукой учится делать то, что раньше делал двумя. Особенно радовался приходу Алхазура. Делился с ним историями из своей жизни и очень внимательно слушал его рассказы о Чечне, отце, погибшем еще в финскую войну, матери, о нравах и обычаях соплеменников. Они даже строили планы, как после войны поедут в чеченское село Шали, откуда был родом Алхазур. А однажды Алхазур вручил Восковцеву фигурку воина, сказав: «Пусть напоминает обо мне, когда переведут в другой госпиталь...»

Больше им увидеться не довелось: через месяц с небольшим Алхазур погиб, прикрывая отход разведгруппы, когда немцы пытались отбить захваченного языка. В том же бою погиб и Степанков, а Игнатов умер через день: получил множественные осколочные ранения от разорвавшейся рядом мины.

Их и многих других бойцов, погибших в эти дни, похоронили в братской могиле. Забарелу и Сенькова перевели в полковую разведку с повышением.

В середине февраля 1943 года подлечившийся Восковцев, которому предстояло в ближайшие дни отбыть в один из московских эвакуогоспиталей, прибыл в расположение своего бывшего батальона. Он хотел попрощаться с товарищами по оружию, что для него было очень важно как их бывшему командиру, делившему с ними в полной мере с сентября 1942 года все тяготы и лишения, выпавшие на долю защитников Сталинграда.

Новый комбат оказал ему радушный прием и заодно сообщил, что накануне ранения Восковцев был назначен замкомполка с присвоением звания подполковника, его также наградили орденом Красной Звезды.

Узнав о прибытии в батальон своего друга, туда примчался Забарела и забрал его в полк, где встречался с однокашником, комполка, а затем он был представлен комдиву, который вручил ему орден и медаль «За оборону Сталинграда», а также введенные в Красной Армии в январе 1943 года погоны подполковника. Высказал сожаление, что не удалось стать свидетелем его побед в ранге замкомполка...

Когда они возвращались в штаб полка, Восковцев, неожиданно придержав за рукав полушубка уже восстановленного в звании капитана Забарелу, спросил:

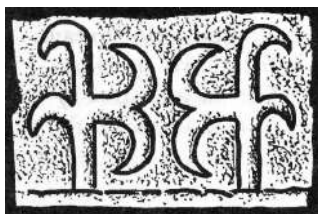
– Сергей, почему ты все время говоришь, говоришь и не даешь мне слова сказать, спросить, как погиб Алхазур и другие наши ребята?

– Я просто пытался оттянуть время, ведь я же знал, насколько тяжело ты воспримешь гибель товарищей, – ответил Сергей, остановившись и глубоко вздохнув.

– Благодарю тебя за заботу, но прошу, отвези меня на могилу, хочу попрощаться с ними. Не могу я не постоять у изголовья Алхазура. Ты же знаешь, что он душой и сердцем принял меня как родного, вселял в меня надежду, что семья отыщется обязательно и примет меня любого – с рукой или без руки... Что я скажу его матери? – торопясь, будто боялся, что кто-то прервет его, произнес Восковцев. – К тому же я хочу узнать подробности о его гибели...

Сергей слушал своего друга, затаив дыхание, так как понял, что он прибыл сюда лишь для того, чтобы посетить могилу побратима. Иначе никакие награды и звания не заставили бы его преодолеть тот страшный путь разрушений и смертей, которые сотворили на этой русской земле фашисты. Конечно, если бы он не был списан с боевого расчета, он проделал бы этот путь, внимательно вглядываясь в силуэты каждого разрушенного дома, ведь там некогда пульсировала жизнь, чтобы и далее набираться злобой и жаждой мстить врагу.

– Леня, ты только не волнуйся, прямо сейчас и отправимся туда, – промолвил Забарела, слегка обняв друга за плечо. После этого они поехали к запорошенной снегом братской могиле, каковых на безымянных высотах и вдоль дорог войны уже было не счесть... Восковцев опустился на колени перед холмиком и погладил рукой фанерную дощечку с надписью: «Здесь лежат герои – защитники Сталинграда». Делясь с Забарелой их с Алхазуром планами побывать после войны в Чечне, он даже не пытался прятать свои слезы от друга и боевого товарища, с которым прошел от Смоленской земли до самой Волги. И очень сожалел, что не сможет участвовать в уничтожении фашистской заразы во вражеском логове. А в этом он ничуть не сомневался.

Поэзия

АДИЗ КУСАЕВ

Круги жизни

*Детям и внукам
сестры Паламат*

Судьба из поколения в поколение
Все возвращает на круги своя:
Одни и те же в жизни повторенья,
Одни и те же кольца бытия.
И, снова в стыд вгоняя молодых,
Дразнилкой занимают дети их,
Как в прошлом: «Тили-тили-тесто:
Жених и невеста!»

Круги событий жизни повсеместно
Все снова повторяются во всем.
Веками были игрища известны,
И пели предки то же, что поем.
Про маленькую елочку, которой,
Зеленой, стройной, холодно зимой,
Под возгласы детей:

«Зажгись!» – готовой
Стать радостью самой.

И в жизни, и в природе, что подобна
Величию Всевышнего всегда,
Все было то, чем мы живем сегодня,
Не раз когда-то в прошлые года.
Круги судьбы из рода в род упрямо
По жизни, словно по воде, бегут:
То по слогам читаем: «Ма-ма, ра-ма»,
А дальше – вуз и труд.

Извечно повторяют поколения
Во времени зло войн, и мед утех,
И катаклизмов боль, и покоренье
Наук, небес, и преступлений грех.
Все делает природа, чтоб на месте
Жизнь не стояла – в том движенья суть.
Свидание, любовь, фата невесты
И проторенный путь.

Кругов судьбы по новой повторенье –
Паденья боль и возрожденья новь,
Крик малыша и детства нетерпенье,
Мужанье, увяданье, смерть и вновь,
Вгоняя в стыд влюбленных молодых,
Другие дети дружно дразнят их
В другое время: «Тили-тили-тесто –
Жених и невеста!»

Мой сад

*Детям и внукам
сестры Азы*

Не для себя я саженцев ряды
Сажал. Я стар и мне плоды не есть их.
Моим подарком будут их плоды
Для внуков и для ребятишек местных.

За ними, не жалея в зной воды,
Ухаживал заботливо, как крестник,
Мечтая, чтобы стали их плоды
Подарком внукам,
ребятишкам местным.

Зимую укрывал я от беды
Деревца, слов не ожидая лестных,
Чтоб обо мне напомнили плоды
И правнукам, и сверстникам
их местным.

В моем саду живут мои следы –
Не зарастут, куда будут честным
Моим подарком щедрым их плоды
Моим потомкам и друзьям их местным.

Три звезды

Сыну Руслану

В те дни, как правил атеизм свой бал
И Рамадан был под запретом строгим,
И с минарета муэдзин не звал
К молитве всех,

кто свято верил в Бога,

Мы тайно все постились без еды.
И раз азан услышать невозможно,
Нам взрослые сказали: три звезды
Зажгутся в небе –

пить и кушать можно.

От жажды мы страдали без воды
И все-таки, хотя и было трудно,
Мы ждали, как зажгутся три звезды,
По-детски поторапливая будни.

Проголодавшись, начинали мы
Заранее заката ждать все, чтобы
Увидеть с приближеньем

легкой тьмы

Сиянье звезд на небе, глядя в оба.
Любили света их упрямо ждать,
Судьбу как будто каждая решала.
До трех нам не терпелось сосчитать,
Чтобы поесть ничто нам не мешало.

Как нетерпенья нашего плоды,
Всегда в свой срок на небе появлялись,
Как будто, пожалев нас, три звезды –
И голод с жаждой мигом утолялись.

Жива картина детства, хоть сады
Восьмидесятый раз цветут в округе,
Как ожидали видеть три звезды,
Что заменяли нам азана звуки.

И к прошлому не чувствуя вражды,
Я гордо вспоминаю не случайно
Из детства три заветные звезды
И уразу, что мы держали тайно.

Смерть

Все позади – озера вод
И горы хлеба,
Что пил и ел при жизни,
Ставшей былью,
Друзья и дети, звезды и года:

Землей притянут пал он
Навзничь. В небо
Глаза глядели – долго
За душой следили,
Что улетала к Богу навсегда.

Глядели, будто
Видеть все хотели,
Как примет Бог ее
На самом деле...

Я все живу...

Я живу, хотя толстовский век –
Восемь десятков лет да плюс два года –
Я прожил, соизмеряя бег
Со временем, с движением народа.

Я живу, хотя прожить успел
Пушкинские две с десятком жизни
Я немало сделал добрых дел
Для людей и для родной Отчизны

Я живу, хотя толстовский век –
Восемь десятков лет да плюс два года –
Я прожил, соизмеряя бег
Со временем, с движением народа.

Интерес мой к жизни не пропал
И ее еще я не итожу.
Жаль мне, что я треть ее проспал,
Горд, что больше был в работе все же.

Каждым мигом жизни дорожу,
Не кичась победой, но и краха
Не боясь, Отечеству служу,
Дни мои продлить моля Аллаха.

Сверстников давно в могилах прах,
Я живу по той причине только,
Что мой век, что очертил Аллах,
Не зависит от меня нисколько.

Потому живу, хотя земля
Заждалась. Живу душою светел,
Об одном Всевышнего моля –
Сделать всех счастливыми на свете.

Тревога

Сегодня с грустью думаю уже
О будущем я всех детей и внуков.
Тревога разрастается в душе
Быстрее вредных вирусов и слухов;

Стремительнее молнии в грозу,
Быстрее реки,
В разливе рвущей пути...
Сейчас сухарь инфляции грызу,
Боюсь, что им он почерствеет будет.

Что ждет их завтра,
                                послезавтра, после?..
Пейзаж в бурьяне потонувших сел?
Боль безработных юношей и взрослых?
Бездушный коммунальный произвол?

Нехватка всем неприхотливой пищи
Людей до диких нравов доведет
И толпы огрубевших в бедах нищих
Дорогами планеты поведет?

А перенаселение планеты
К трагедиям ужасным приведет,
Как миллионов песня будет спета,
В могилы миллиарды душ сведет?

Растают гор всех снежные покровы,
И Арктики, и Антарктиды льды,
С земли Потоп Всемирный смоет снова
Людей, цивилизаций, стран следы?

Что делаем с природой, видя, чаще
О будущем я думаю уже,
Что ждет детей и внуков милых наших
На не таком и дальнем рубеже?

Не дай, Аллах, увидеть им, как всюду,
Забыв про суть свою, во дни беды
Брат брата убивать в безумстве будет
За хлеба кус и за глоток воды.
И вновь в пещерах каменных атланты
Всех будут милосердьем удивлять,
Рисуя новый мир вокруг, таланты
Неандертальцы станут проявлять...

Всегда картины тягостные эти
Рисует мне перед грядущим страх.
Но Ты, Творец всего на белом свете,
Не преврати в реальность их, Аллах!

Мои друзья

Все герои прочитанных книг
С детских лет мне знакомы, со школы:
Я учился теплу у одних,
У других – вере, твердости, воле.

Всех героев прочитанных книг
Я живыми себе представляю:
Если счастливы, – рад я за них,
Если бедствуют, – боль разделяю.

Помню слово, характер и лик
Я героев и мало знакомых
И горжусь тем, кто делом велик,
Возношу тех, мечтою влекомых.

И в какие б не жил из эпох,
Станет тот, что знаком не по слухам,
Мне врагом, если к людям жесток,
Если он милосерден, мне – другом.

Тот герой по дороге идет,
Как живой, всюду рядом со мною:
То пример доброты подает,
То гнетет, отвергая земное.

Так всегда в этой жизни живу
Я – любитель прочитать книги, –
Представляя себе наяву
Их героев различные лики...

Беда

Сколько гнева на планете,
Сколько зла...
Надо жить при всем при этом –
Вот дела.

Сколько горя, бед на свете,
Смертных дел...
Выживать, страдать при этом –
Вот удел.

Сколько ненависти в мире,
Войн и ссор –
На неправый суд задира
Часто скор.

Справедливость в горле комом –
Вот беда.
Блат превыше Совнаркома,
Как всегда.

Слабые – на дне, забыты –
Их не счесть.
И достоинство забыто,
Долг и честь.

И не счесть трагедий в мире,
Жизнь – борьба...
Тянут дни ко дну, как гири –
Вот судьба.

Мало радости повсюду,
Но она
Силы жить дает нам, люди,
Как весна.

Счастье – редкостная гостья
В судьбах, но
Силы всем дает нам просто
Жить оно.

И Всевышним эти силы
Нам даны –
Чтоб ему все в жизни были
Мы верны!

Клятва

Я в годы детства утвердился в клятве –
Жить, возводя в болоте жизни гать,
Учась у земледельца севу, жатве,
У зодчего – жилища возводить.

Хотя безвинно изгнан был из дома,
Я в юности поклялся так прожить,
Чтобы сыновним долгом в путь ведомый
Отчизне безусловно предан быть.

И клятвы исполнение в обычай
Вошло, и каждый день и час учусь
Я у буровика нефтедобыче,
А у поэта – воспеванью чувств.

Учусь я, защищая справедливость,
Надежду по возможности дарить
Всем людям, чтоб смогли за эту милость
Всевышнего всегда благодарить.

Всегда я клятве, как иману, верен,
Ей следую всю жизнь в своих делах...
И впредь с ней каждый шаг
мой будет сверен,
Покуда продлевает жизнь Аллах.

Не от меня зависит...

Вновь с гамлетовским: «быть или не быть?»
С постели на пол утром ставлю ноги.
Вопрос же главный – жить или не жить?
Не от меня зависит –
Слава Богу!

Мне надоело многое давно –
Не нравятся мне установки жизни,
Когда одним лишь нищенство дано,
Другие по нему же правят тризну.

«Зову я смерть» упрямо, как Шекспир.
Три четверти я века прожил – много!
Но то ли жить, то ли покинуть мир,
Не от меня зависит –
Слава Богу!

Как беднякам – так горе да беда,
И пот рабочий за станком, за плугом.
Хапугам же – все блага, без труда
Дарованные им не по заслугам.

Стараюсь я в труде про все забыть,
Надеждой украшая мир убогий.
Вопрос же главный – жить или не жить,
Не от меня зависит –
Слава Богу.

И сколько дней определенных жить
На свете мне Всемилосердным Богом,
Я с гамлетовским: «быть или не быть?»
С постели на пол буду ставить ноги.

И сколько, как веревку, вить дорогу,
Не от меня зависит –
Слава Богу!

Потомок нарта

*Памяти Героя Советского Союза
Ханпаша Нурадилова*

Он не из тех,
Кто жизнь берег свою,
Хотя ее бездумным не был мотом...
Не раз Отчизну заслонял в бою
Потомок нарта с верным пулеметом.

Когда враги,
Все на пути круша,
Вперед, гудя, катили к Волге траки,
Встречал их всюду храбрый Ханпаша,
Не знающий ни промаха, ни страха.

Джигит,
В горах, у снеговых вершин,
Рожденный гордой матерью-горянкой,
Врагов разил мужчина из мужчин,
Не укротимый со своей тачанкой.

Любовью к милой родине дыша
И равнодушный к славе и наградам,
Пал в девятнадцать в битве Ханпаша,
Словно герой илли,
Под Сталинградом.

Враги, перед прицелом мельтеша,
Как травы под косою,
Никли сразу...
Орлиным взором метил Ханпаша
И промаха не знал в бою ни разу.

И перед ним на бруствере всегда
Тела убитых высились горою...
Когда он пал, с небес его звезда
Наградую легла на грудь героя.

Мы с детства все всегда гордились им,
Его считая каждый кровным братом.
Жалели, что в великой битве с ним
Не довелось сидеть в окопе рядом,

Чтоб научилась каждая душа
В Отчизне,
Где судьба нас народила,
Страну и жизнь любить,
Как Ханпаша,
И погибать за них,
Как Нурадилов!

***

За долгий век в пути я видел все
И пережил такое я и столько,
Что для иных хватило на две жизни.

Я видел много городов и сел,
Они лишь очаровывал только –
Но не могли мне заменить Отчизну.

Я с детства испытал до этих дней
И боль, и нищету, и наказание,
И жизни горькой всю
несправедливость.

Но мне давали силы реки гор,
Страницы книг и жажда новых знаний,
Работа, что до лет преклонных длилась.

Всегда народу честно я служил
В дни мира, в годы горя, лихолетья
И поровну делил с ним все на совесть.

Одним все эти годы гордо жил –
Писал, пишу уж шесть десятков лет я
О виденном и пережитом повесть.

Уже в ней глав написано солидно,
Но все конца ей до сих пор не видно.

Утром ранним...

Спешу на берег Сунжи ранним утром,
Чтоб с физзарядки начинать свой день,
Который весь расписан по минутам:
И в каждой – труд,
И ни в единой – лень.

Спешу на берег Сунжи утром ранним,
Велосипед свой оседлав легко,
Кручу педали долго,
Со стараньем,
Не отходя от речки далеко.

Спешу на берег Сунжи ранним утром,
Оттуда начиная пеший путь,
Я следую всегда советам мудрым:
Движенье – жизнь,
А в ней – здоровья суть.

Спешу на берег Сунжи утром ранним,
По тропам ярких солнечных лучей,
По лужам «аки посуху»
К желанным
Картинам милой Родины моей.

Спешу на берег Сунжи ранним утром,
Навстречу мне день новый – новым чудом.

Уходят сверстники мои...

Уходят сверстники мои,
Постарше чуть и чуть моложе...
Я ж коротаю дни свои –
Что каждый прошлого дороже.

За каждый день благодаря
Всемилосердного Аллаха,
Спокойно ожидаю я
Смерть неизбежную без страха.

Раз в землю должен ведь уйти
Из колыбели вставший кроха,
И подвести в конце пути
Всеи жизни прожитой итоги.

Надеюсь, будет мой итог
Хорошим, путь хотя был зыбок:
Немало пройденных дорог,
Немного сделано ошибок.

Их замолил я и ни в чем
Не должен падать ниц я, каюсь:
Со всеми честным и во всем,
Был, замолить грехи стараясь.

С душой открытой в каждый дом
Входил, не лгал, не лицемерил,
И людям сделанным добром
День каждый прожитый я мерил.

И всюду слабых защищал
Я, в дело вмешиваясь сразу:
Когда их сильный обижал,
Я мимо не прошел ни разу.

И черной зависти не знал
К тому, кто был успешней в жизни,
А жить в согласии желал
С фортуной – дамою капризной.

И потому готов к Суду
Всемилосердного Аллаха,
И каждый день спокойно жду
Смерть неизбежную без страха...

Спокойно жду и потому,
Что верю, милостив в день Судный
Ко мне Бог будет – ведь Ему
Служил я верно в жизни трудной.

Пока же сверстники мои
Уходят – старше и моложе,
Я ж коротаю дни свои,
Что друг на друга все похожи...

А скоро ль подводить итог
И долго ли еще быть сирым,
Об этом знает только Бог,
Кем предназначено все в мире.

Проза

БЕКСУЛТАНОВ Муса

И оьзда нах

Дийцар

Жимма самукьадаккха вай цкъа, «бамба баьтгачу» кху дахарехь, гонда даса баьрг а тухуш, кху адамашка, сел оьздачу, кхеран амалшка, леларе, кхара бохучуьнга, лелочуьнга, кхара оьхучу туьтмаьжгашка, кхеран хиллане, хуьмалгашка...

Уьш дукха бац, дуккха а бу, хЮра юьртахь, кЮшташкахь, Соьлжа-ГПалахь а, кхечахь а, белхан меттигаш йоллу-йоллучохь, лаккхара яьхна ВУЗ-аш а хуьлуш, Илма долуш а, доцуш а цхьаццанхьа дАтарбелла, цара дийцарехь, къам кхиош, мохк deboш, къахьоьгуш, цкъа а лакхарчу даржехь а боцуш, шоллагЧохь, кхозлагЧа, я хьаькаман гЮьнчех цхьаь, я хьехамча, кхин а лахара, кЕз-кЕзиг катухучохь, жимма йоккхучохь, хуьльечохь, соьмана те сом диллал, туьмана те туьма а.

Кху адамийн уггара ледара нах дукха хуьлчу, амма ца хилча йишйоцчу интеллигенцин чкъурах хуьлу уьш, цхьацца дешнаш а, мотт а Темина, нах Техош, тилош хьийзаш.

Цара сихха-сиха меттигаш а хуьйцу, белхан меттигаш, цхьана гонехь гена ца бовлуш, шайн хиллачу даржашца, деа-пхеа шарахь цхьана гАнта Иийча, бархИ-итт шо кхечахь а доккхуш, массанхьа хаза мотт а буйцуш, цхьа оьзда цАена нохчийн мотт, гИллакхехь охьа а телаш, салам а луш, куьг а лобцуш, данана а, доьзал а хоьттуш, йиша-ваша а, ков-керт а.

Техь-кога цАена дуйхина хуьлу, куьзга санна, цАена яьшна маж а гуш, мекх-хУма а хуьлу цхьаццанна, доцца хадийна, нисдина, товш, иштта тойина пАелган мАра а, иту тоьхна, сиз бина хеча, лаг къовлуш кхозу галстук, и шарула кАйн коч а, варкъаца лиэпа лаьржа мачаш, яйн еттало латАран хьожа, тЮма кАелахь болу папка а.

И духарш хийцалуш а хуьлу, керча-керчачу заманца цхьаьна, лакх-лакхарчу хьаькамаша шайн барзакь хийцаре терра, нагахь цара куй тиллахь, сурам куй кхуо а туьллу, цара мурдийн хорма юьйхича, кхуо а хуьйцу шен кастом-хеча, цу хьаькамаша маж йитахь, вайн невцо а хоьцу маж, церан буйнахь суьлхьа хаалахь, суьлханех кхи дА а ца хедаш.

Гуламехь я цхьаьнакхетарехь, цхьаь вуьйчуcoxь, вазвечохь – хьаькам хуьлда я кхин-важа, – иза уггар хьаллахь хуьлу, суьрташ доху доллуче, хьалхарчу моголарехь лаш, массаьрга а хьал-де хоттуш, корта тАлорца, хьалаайлуш, ша гойтуш, дАсахьоьжуш, букьатАехьашха наха шен цАе йоху, ца йоху хазаре хьоьжуш, лерг диллина, сема ла а дугУш.

Цуьнга дош ло.

Оьзда стаг гЮтту, гАьттинчохь жимма соцу, юха шортта, везза дАволалуш, трибуни те хьалаволу.

Салам ло, маршалла хоттуш, массеран а де дика до.

Бисмилла доккху.

– Дала тофикъ, шукра а, имий-беркат лойла вайна! – зала чу хьожу, соцунгла еш.

Наха: «Амин, Дела реза хуьлда хьуна!» – сихха, карзахе тIараш туху.

– ХIара Хьенех, – вазвечуьнан цIе йоккху, – хIара Хьенех вайна хIара бен вац моьтту хIара тахана, хIинца вайна гушверг бен, ткъа хIара шен ворхIе а дайшкара охайогIуш, шен йийца езачех еза силсил а йолуш, вайн къоман Iадатан хьармехъ кхиьначу хьаналчу дайн беркате зIийдиг ю, Iуьйренан малхо токхе яржайо шен дашо зIаьнарш санна, шен Iилман сирлачу нуьро Нохчийчохъ хьовха, ерриг ДегIаста а юзур а йолуш.

Цо дукха дуьйцу, доцца а хеташ.

Нах цецбуьйлу, цунах цец, цо буьйцучу нохчийн маттах, оцу дешнех – «тофикъ», «хьарма», оцу «силсил» бохучух а.

ТIаккха гIовгIа гIотту, тIараш детташ.

Нах гIевттина лаьтташ хуьлу.

Обздачу стага, ша лаьттачуьра, куьйгаэшарца уьшар йо, охьаховша, олуш, баркалла шуна.

Нах теллалц, собар деш, кхин цкъа а вазвечуьнан цIе а йоккхий, – цуьнан силсил хьахош, нахана баркалла олу, иштта паргIата, ша хьала ма валлара, меллаша юха охьавуссу, шен метте везза охьахууш, дехьа-сехьарчу уллорчеран шега кхийда куьйгаш а луьйцуш, дIаса а хьобжуш, корта теIош.

Цул тIаьхьа хьала воллу-волучо, мотт тийсалуш, цIийлуш, вухуш, гIеххьа бехказлонаш а йой: «Хьенеха къамел дича, дийца муха дуьйцуш ду, суна нохчийн мотт хаьа а муха эра ду, Хьенеха мотт буьйцуш хезча... хIара Хьенех, кху Хьенеха, Хьенех санна, Хьенех...»

Хьенех тIаккха, и обзда стаг, наха шен цIе моссаса йоккху – шен цIарна бинчу лерамна, – хIоразза а хьалагIотту, шен даг тIе куьг лецарца, баркаллийца охьа а теIаш.

Ши-кхо стаг вистхилале, цхьа де а доцу бахьана доккхуш, ца хьелу-у-у-уш воду обзда стаг, ша гIаттийна и IалагIожа дIаерзале, йижале, Iадийначохъ зал а юьтуш.

Нехан шабарш-шибарш даьржа: иза санна стаг, цунна санна нохчийн мотт хууш, цул обзда стаг, гIиллакх долуш...

Иза волчохъ, цуьнан балха тIе, хьо цхьа хIума эшна вахча – цуьнгара гIо-накъосталла, – цо хьо цецвоккхур ву, ша Iачуьра сехьа водуш, хьо коьрте ваьккхина, гIант хIоттийна, кресло делла, приемни мохъ тухуш, кофе-чай даийтина, хьал-де хоттуш, хьан да-нана, хьан доьзал, йиша-ваша, хьан даьхний, жIаьла, котам, котам дина хIоа а тIехъ, цо даьккхина кIорни а.

Эххара ахъ, кьийлалуш, халла айхьа деана гIуллакх хьахийча – цхьа пайда боцу хIума, – иза цец-акъ вер ву, жимма хьакхалуш, вухуш санна, халла вела а озалуш.

– Ахъ хIун дуьйцу, хьо хьераваьлла, кхара дуьту сан карахъ хIума, хIара кехаташ кегор доцург... вайн Делора ца дуьту-кх, шина шайна меха хIума-м соьгахъ, иштта мехаза кхузахъ вецаш, валахIоьттина воллу-кх, нехан духьа, бохуш, кху махкахъ кьахеташ, вайн мискачу къоман духьа...

И «миска къам» бохург а цара юкъядаьккхина хуьлу, цу оьздачу наха, шайна цунах цхьа тешам баккха, къомах къахетарг хила, цу къомах дог лозург, къоман дуьхьа вала араваьлла.

– Вуьрхитта шо ду хьуна ас, – доладо юха, – кху гIалахь хIусам йолийна, берхитталгIа шо-м доладелла кху бIаьста, хIинца а халла тхов бен тIебахна а бац хьуна сан: кепеках вахар ма ца хуьлу, тпу-тпу, Дала ларвойла хьарамчу рицкъанах, квартира ю бохучу цу шина Iуьрга чохь воллу-кх, шина бераций, зудчуьний... юьртахь цIа-м дера дара, дас долийна хилла долу, цу зудчо, берийн нанас, хIуш, хIоаш, тIой-кIалд духкуш, халла битаме далийна лаьтгаш... бензин даьа деза-кх, машенаца хьала-охьа оьхуш... юха тахний-кханий, хIара цхьа болх чекхболу, бохуш, Илман болх, сатуьйсус... тIаккха бераш а ма ду, цаьрга дешийта а ца деза, йоI маре нисъян а, кIантана зуда а, болх-така а, цул сов, нехан бехкаш а ма дуьсу тIехь, хьо гой хьуна тахана, соьгара цхьаь эшна веана, сан карахь цхьаь ду моьттуш, – цо оллушехь, хьо меллаша хьалагIотту, кху чуьра ара муха вер вара-те, веьна-м ваьллера со, дагахь а долуш, цуьнан Iудика а йина, цу оьздачу стеган.

Мичара, хьо цо ца вохуйту, хьуна хетачу агIор дIа.

Иза хьуна тIаьхьа волу, тIаьхьаваьлла а ца Iа, иза кевнал араволу, массаьрга а – воьгу-воьдучуьнга – салам а луш, хьал-де хоттуш, болх-така а, доьзал а, юха хьо цунна вовзуйтуш, тIаккха иза хьуна, шуьша вовшийн вуьйцуш, ша гучче дIа а хIуттий, тIехволлу-волург шена тIевоьгу я ца воьгу хаа гIерташ, уьш ца го сурт лелорца, бухадIасахула бIаьргаш кхуйьсуш, массо а стаг тергал а веш.

Юха царех цхьаь вистхилча – тIехбуьйлучех милла а цхьаь, – цIеххьана цецволуш:

– Вай, хьо мичара вели, ва Хьенех, сийсара ду-кх, хьо дагавеьна со Iаш!

Иштта дIа а, кхин дIа а дуьйцу, цул тIаьхьа а, тIаккха а, шена гонаха боккха гуо беш, нах гулбеш, хабар дуьйцуш, хьо цецвоккхуш, я кхинверг, шеца нехан болу лерам гойтуш, я иза бу моттийта гIерташ, хьо сецош, дIа ца хьоьцуш, кхин лоцуш, важа новкъа воккхуш, цо дуьйцучу хабарх – гIа-бацал дукха дийцарх, – хьенеха элира я хьенеха бохура, аьлла, тIекIела охьадилла ши-кхо дош а ца нислуш.

Зуда цо – оьздачу стага – дукха хьалххехь ялийна хуьлу, цхьана Iалашонна долуш санна, ша армера цIавеача, я институте деша вахале, шел йоккха я шен хеннара, угтар а коьрта лийринарг – иза балхахь хилар а долуш, ша далош долу нускал.

Цунна воьлхуш я векаш, и вайн миска къам, бохуш, хIара декъаза Нохчийчохь, вайна тIехь латтийнарг, бIешерашкахь цкъа отуш, юха махках дохуш, дин лело ца дуьтуш, вешан мотт ца буьйцуьйтуш... хIара болх цкъа чекхбаьлলেখь-м, хIара Илман болх, тIаккха-м вала а хала дацара – кхетам а, хье а тхьусбой, и зуда лечу хьола тIе йоккхуш, шен кьинна яла кийча хирийолуш, иза къовлуш, чIагIьеш, цуьнца пхийтта-ткъа, ткъе пхий шо а доккхий, – пенси ваха гергагIортталц, гIалара цIа чекхдоккху.

ТIаккха, туххий, зуда ялайо, шел ткъа-ткъе итт шо жима, шен балха тIера, генара йоцуш, шерашкахь шех цецийилла, ша Iадийна, кечийна йолу.

– Дала доссийна Къуръан а, Пайхамаран (с.I.с.) суннат а дIа ца доьду-кх кху махкахь, – леткъа волало, шен бухарчу зудчунна луйьш, ша цо араваьккхина бохуш, шех доьзал хербина, и цIа а, цIе а царна а дитина – и нана-доккха юьртара цIа – чуьра схьа аравели-кх со, хIара ши куьг а ластийна, – олуш, куьйга тIера яккъаш схьа а оьхьуш.

Иза цо массаьрга а дуйцу, шех схьякхетта-кхеттачуьнга, боьрша а, стен а бен воцуш, ша вевзачунна, ца вевзачунна шен зуда а, стунцхой а буьйцуш, ша царна дина гIуллакхаш, шен чохь доцу бахамах хIума, тIекIелтаса гоь-юртIа а.

Кхуо сом делла стаг а ца хуьлу дуьнен чохь, дIалехча, диканаш-м мича дуьйцура, шай, шен доьзал боцург а, я царна а халла, ца ваьлла, зудчо гIеххья бага йиттича, – кховдош хилла ши-кхо сом.

– Хьох кхеташ, ахь хIун леладо я ахь лелочуьн мах хадо хууш йоцу хIусамнана юй, и мостагI ву-кх хьуна! Ва Дела хьан, аьлла, цкъа – хIокху ткье пхеа шарахь – соьба а, ас лелочуьнца бала ца хили-кх оцу зудчуьн: «Схьада, схьада!» – бахар бен. Ас мичара лур ду, кху Иилманца воллучу, хIара кехаташ кегош?!

Кафехь хуьлда, столовехь я юкьярчу транспорта чохь хьо цуьнца цхьяьна нисвелча:

– Ас ло хьуна, соьгахь ду хьуна ахча, соьга далийтахь, ма вон ца далийти ахь соьга! – эра ду цо, хьо ахча дIаделла валлалц сецийна куьг, кисана кховдош, ахча хьала а доккхий.

Дала ларвойла-кх, цу обздачу нахах цхьяь хьяькам а волуш, цуьнан омрин кIелахь нисваларх. Хьай даьдисарг яI, ма таIзар хIоттадо-кх цара иштта шайна каравеанчунна тIехь хIотта-м ткья!

Нах исс даьлча богIучохь, ворхI сахьт даьлча шен кабинета чохь хуьлу иза, цкъа а ялх даьлча цIа а ца воьдуш, бархI-исс сахьт даллалц.

«Ахь дIадаханчу кIирнахь хIун болх бира, тIедогIучу кIирнахь хIун болх бийр болуш ву дуьйцуш, отчет язьел суна!» – олу цо хIора белхалочуьнга.

Нехан секертарша зуда хуьлучохь, цуьнан секертарь цхья эгIаза боьршанакь хуьлу, цкъа а цхьяьнгге а вист а ца хуьлуш, шена хезнарг а, гинарг а, моьттинарг а, шекьхилларг а – дерриг а цIенна дIаяздеш, хьяькамна хьалхахь охьа а дуьллуш.

Иза Iуьйранна, и секертарь, минот-минотаца нисьеш, нийсса исс сахьт даьлча, кара кьолам, журнал а обций, неIарехь лаьтташ хуьлу, белхалойх хIора а маса минотана тIаьхьависина дIаязвеш. Сарахь а иштта дIахIутту, дIавоьдург маса минот хьалха араволу дIаязвеш. Хьо Iуьйрана тIаьхьависахь, цхьяна дийнан алапах волу.

Сарахь хьалха дIаваханчунна а изза алапа дIадоккху, сахьт-сахьтаца нисдеш.

Совещани кхоь хуьлу дийнахь, мокьачу деношкахь цхьяцца а хуьлуш. Мокьа де дан а дац: газетехь зорбатоьхна правительствон цхья сацам хаалахь – догIа а, ша а, ткьярш а, мокьа де а, ца мокьа де а бен а доцуш, тилпонаш етта волало хьяькам, совещани дуьйла бохучу омрица, тилпо дIаяйинчунна выговор а луш. Ши выговор хилларг балхара дIавоккху я алапа лахдо, иза ша дIагIур волуш.

ДIаваьллачунна я дIаваьккхинчунна метта шен стунцхойх стаг хIоттаво я шен гергарчех.

Ца хууш а – цо дуьйцучух Iехавелла – хьо цуьнан чу водахь, ков бертера дуьйна дIа, хьаша вогIу вайга бохуш, шен нускале мохь бетташ, гIар-гIовгIа а йоккхий, зуда арахойкху, хьо цунна дIавовзуьйтуш, дерг а, доцург а дестош хьох, Иилманча а, историк а, говзанча а, поэт а, политик ву хIара, олуш, хьо вазвой, ирахьхьош, хьан мача йоккхуш, иза нисьеш, неI йоьллуш, кIархаш луш, сов цIа чу а воккхий.

Кестта зудчунга мохь туху юха, цхьа ахсахьт даьллачу хенахь, цу юкъяна багалеярца, хьо глеххьа хЮтта а вой.

– Хей, хезаш юй хьо? Схьайоьл цкъа, гучуялал!

Зуда схьахутту, хЛун боху, олуш. Зуда коча ю, жима а.

– Хьажал, ладоГал соьга, хЛара хьуна мила ву ца хаьа, хЛара махкахь лоруш, вевзаш, хЛара шайн хЛусаме вар нахана дозалла а хеташ, стаг ву... Ахь хЛун де аьлча, со бутт хьалха Гуьржийн махка вахана волуш... (вайн истори толлуш, кхуза веана хиллачу воккхачу Илманчо кхайкхинера со цига, – иза хьобга боху...) Цигара ас деанчу чайнах чай тасий, дика басар а даккхий...

– Я кофе еза хьуна? – хьобга хьотту.

– Чай мегар ду, – олу ахь.

– Вайгахь ю хьуна Бразилера, Италера, ешашьберг а, кхехкошьберг а, Индера а...

– Цхьа чайнан стака, – олу ахь, кху чу варна, хьуо велла, хьайна оьГаз а оьхуш.

– Хета, хЛаь, чай да ахь, зуда. Басар дика даккхалахь, хьалха цкъа чайник чу кЕж яьккхина хи а кхарзий, тЛаккха боккха ши Гайг чай тосуш, цу тЕ меллаша – дуткьачу тЛайрица – кхихкина хи тЕ а дуттуш, тЛаккха чайникна тЕхула декъа гата а тасий, гИйлла – кЕжйоккхур йоцуш – йогучу царна тЕ чайник дЛа а хЮттаяй.

Зуда, дЛаяха, неЛаре кхочу.

– Печенеш йисний вайгахь, яц цкъа ас Москва вахача... тЕхула лалийна шоколад а йолуш, дагайогИий хьуна?

Зудчо, хЛаь, олу, са долуш санна, гИйла хезачу озаца.

– Делахь, хЛета, и печенеш а ян, сухарш юй, дика якъаелла, таЛна мокха бос эцна сухарш... Моз ма дицделахь, лам чуьра суна деана долу, хьехан дечиган зазан моз...

ВатЛа ца ватЛа я эккха ца эккха, садетташ Гачу ахь:

– Дика каяьлла хьан-м хЛара цЛа чекхдаккха, – олу, цо и моз, печенеш, и сухарш кхин цкъа а йийцарна кхьоруш.

– ЭхИ, велла вала со делаИ, виц а велла, хЛара цЛа хьуна ца гойтуш... ма къахьийги ас, ма бала текхи хЮкху цЕНца ткъе масех шарахь... дЛа мел туху куьг а, кепек а юьртарчу цЕНна тЕ йохуьйтуш, ваьллинера хьалха, хЛара цЛа тЛабхьатоттуш, и цЛа а, бухарчу зудчо, хЛара зуда ялийна аьлла – хьох кхеташ, ахь лелорг девзаш ца хилча, хала ма юй зуда а, – бухарчу зудчо и цЛа дЛа а даьккхина, алапах а, кхечух а, сайн хилла и квартира-бахьана мехах цхьацанна чохь Иен юьтуш, машин-тЛалх шипарх хуьйцуш, халла ветталуш, – иза хьалхаволу, хьо тЛабхьа а хЮттавой. Массо а чохь гойту, ванна а тЕхь, когашца юстуш, пхи метр хилар а дуьйцуш. Юха шоллагчу гЛатта тЕ волу. Яьшкеш хуьлу, терхеш тЕхь киншкеш а Юкху, еза-езачарах энциклопедеш а лаьтта. Кхийра кхаба а ю, цЕНа кЛудал а, дечиг-пондар а го. Доккха стол а ду, дуьхьал лаьтташ механа деза кресло а гуш. Креслона букъа тЕхьа, пенах дЛатобхна кхуьнан портрет кхозу, аьрру куьг чЕНиг кЛела а хЮттийна, аьттучу куьйга ручка а лаьцна. Цхьанхьа бЮв а ю гуш портрета тЕхь, бЮвна тЕхула аьрзу а хьийзаш.

– Кабинет хир ю хьан хЛара, – олу ахь, ала луург тЛабхьа а дуьтуш.

– Со дийна мел ву кабинет а хир ю-кх хЛара... кхана-лама юха, со дЛавалча, кхуо хЛун лелийна-те, хЛун кегийна, бохуш, нах оьхур ма бу кхуза, аспиранташ

а, Илманца кьахьобгу нах а, царна паргIата кехаташ кего меттиг хилийта гIерташ, – цо аьлча:

– Музей дика хир яра кхуьнах, – айхьа тIаьхьа сецийнарг олу ахь, – кьоман дуьхьа кьахьегна, махкана ваьцна стаг ма вуй хьо, – олуш.

Мичара, кхета аьттехь а я цIийвала дагахь а вац:

– Сан багара даьккхи-кх ахь и дош... музей хилча, бакьахь хир ма яра, бохуш, хIокху зудчун хьанал болх а, кепек а хир яр-кх, дагахь, воллу-кх, – цо аьлча, хьан чуйьрех сийна цIе лета, дукха эхь хетий, хIара БIонтIа-м кхета воллуш а вац:

– Дукха белхаш, чекхбахаза, язбина а Илман белхаш ма буй кху чохь... наха пайдаобьцур бар-кх царех, Iалашбича, та-та-та... – дукха дуьйцу, бага ваьшта ца юьллуш, цхьа кехат схьаобьцуш, кхин нисдеш, дIасалуьстуш.

Цо буьйцу и Илман белхаш, адамна я хьайбанна, бацана я лаьттана, садолчу а, доьчу а цхьанна а хIуманна пайдехь а я оьшур болуш а ца хуьлу, уьш хилча а, и белхаш – уьш-м бан а бац, – цара нисда а, ца хилча – дохо а доцуш, цхьа «хIуьшта-пуьшта» хуьлу лелориг, цхьа «тIехула пошел».

Иза цунна шена а хаьа, мукIарло ца до, нахана, хьовха, шена хьалхахь а, ца хууш а эхь меттах а даьлла, и шен гIамаран гIала, доь доцуш, харцарна кхоьруш.

Шуьша эххар а охьаволу хьалхарчу гIат тIе, ахь хьуо хьело, дIаваха веза а аьлла. Хьо цо дIа ца вохуьйту.

Зудчуьнга мохь туху:

– Хезий хьуна, сиха хьовзалахь, мацвелла хьуна тхойша! – олуш.

Зуда схьахIутту, аьрру куьйга некхалхарчу халатан чет тIе а уьйзуш, аьтту куьйга печенийн хедар а дохьуш. Юха иштта цхьацца схьакхоьхьу уьш: печенаш, моз, сухарш, ши чайнан стака а.

Меллаша йоьрзу дIа, дIа а меллаша йоьду, мода гойтучу подиумехь йолуш санна, кьона горга дегI а ловзош.

– Куьйгаш, куьйгаш дила деза вайшимма, гIаттал... вайн Пайхамара (с.I.c.) аьлла ду: юучунна хьалха а, тIаьхьа а куьйгаш дуьлуш волчу бусалбачу стагана беркат оьшур дац, аьлла.

Ашшимма куьйгаш дуьлу сабанца, жижиг-гала даа кечлуш санна, кIайн доккха, бамба санна кIеда, гата а хьокхуш.

Оьздачу стага бисмилла доккху, доьца доIа а деш. ДоIа чай мелла ваьлча а до, куьйгаш хьалалоцуш, дехха, пайхамарийн, маликийн, эвлаяийн а цIераш а йохуш.

Хьо, дIаваха, хьалагIотту.

– ОстагIфируллахI, ма дош дац-кх хIара, вовшийн чохь а, араьх а доцуш, цу Илманна чу а летта... хуьлуш белара цхьа пайда я вайн хама беш стаг а... дакьазалла ю-кх, синан дакьазалла, кхуллушехь Дала вайна тоьхна гIуда я декхар... дIагIерта-кх, вай ца дича, хьан дийр ду хIара, бохуш, кху кьоман дуьхьа, вайн мискачу...

– Ца оьшу, кхин схьа ма вала, – олу ахь, цIийнан лами тIе шаьш дIахIуттуш.

– Дера хаза-м хир вара хьуна со – Хьамдин Исрапилан воI Висар-Солта, неIара тIера хьешана букь а берзийна, чувовдуш... вай царех ма дац! Хезий хьуна! – зудчуьнга мохь туху. – Хьаша дIаваха гIерташ ву вайн, некь дика бе кхуьнан.

– Кхуо вистхила а витина хир вац хьо и шен гIайгIа ялхош, гуттар а хIокху кьоман бала гехь боьллина лелаш ву-кх хIара, хуьлуш сий а, пусар а доцуш...

– Цхьамма ца лелийча ца долу иза, зуда, сацал хьо! – ТIечевхаш санна, олу, резавоцу кеп а хIоттайой.

– Ма сиха вьоду хьо, кIордий хьуна тхьоца... Некъ дика хуьлда, – зуда юьстахуо соцу, чIурам санна, дегI а нисдеш. Зуда хаза ю, кьона а.

ХIусамда кетIа волу, кетIара дIа ураме а волуш, урамера дIа кхин а гена, цигара дIа а, кхин дIа а, мохь бетташ, кьамел деш, гондIа хьобжуш, соьцуш.

Хезаш, гуш стаг а ца хуьлу, кхуьнга ладогIа я цецвала, хIара волчу хьаша веьний хаа, кхуьнан хIусамехь нах лаьттий, хIара наха лоруш вуй а.

Цхьанхьа цхьана конференцехь, дехьа-сехьара Илманчаш а баьккина, цхьа хаттар цхьалхадоккхучохь, цхьамма а кхайкхина а я вола аьлла а воцу иза – вай вуйьцу и оьзда стаг, – нахана юккъехь Iаш хуьлу, карахь кьолам, блокнот а йолуш, дIаяздеш, схьаяздеш, корта ластош, тIараш тухуш, кхано юха пренешкахь, массо вистхилла ваьлча, куьг а ойуш, хьалагIоттий, шега делла дош доьцушехь, оцу сохьтта юха – хIара мила ву, хIун ду я кхуо хIун леладо стаг кхетта валале – шен кьамел дIа а долош:

– Дегге а марша а догIийла шу! Суна чIогIа тайна таханлера хIара форум. Вайн гIалат – Илманчера даьлла гIалат – иза пхьеран, ахархочун гIалат дац, дагарца хьабкхча я белаца латта юхааькхича нислурдолу гIалат. Вайн гIалат – миллионаш тиражашца дуьненчухула дIасадаьржа, дош а, хьаьрк а я цхьа элп а бен доьцуш. Тахана, ас ладогIарехь я ас бинчу тидамашкахь – хьо ма делар-кх, ала, шеконехь цхьа дош доьцуш, академически Илман барамехь чекхьели хIара вайн конференци. Дела реза хуьлда шуна, Дала тофикь, шукра а, имий-беркат а лойла шуна! – оьзда стаг, Юдикаярца, цIеста эппаза санна, кечвелла а гуш, зала чуьра араволу, цецбевлачохь нах а буьтуш.

ГондIарачу наха вовшашка хьотту, и мила вара, и Илманча, и ма оьзда стаг вара, ма мотт бара цуьнан багахь!

Вукхарна вийца ца хаьа, иза мила ву, хIун ду, ала, массарна а гуш а хезаш а хилар бен, иза-важа ву иза, аьлла, цунах долу бакьдерг дийца, дахаран некъ бовзийта, Висар-Солта цIе юй а хууш.

Буса чиркхана тIе уьду сагалматаш санна, церан леларх, кьамелех, цара буьйьчучу маттах, дахкочу масаллех, хIитточу вастех цецбовлий, кегий нах оьху царна тIе, боккбал а шайн кьам а дезаш, яхь-эхь долу кегий нах, цхьацца Илманца тасабелла бохку студенташ а.

ДIадуьйцуш, схьадуьйцуш, хьалалелхаш, охьахуьйшуш, уьш Iадош, карзахбохуш, Урарту а, Шумери а, шайн ден букь а, ненан голаш а юьйцуш, тусий, дIахьоьцу уьш тIаккха, вайн истори вайх лачкьийна ю, Адама пайхамара (с.I.c) бийцинарг нохчийн мотт бу, олуш, уьш гуттар а хьера а бохий. Уьш тIаккха хIаллак а хуьлу, и кегий нах, цара санна и туьйранаш а дуьйцуш, церан могIаре дIа а хIуттий.

Оьзда нах ткьа! Оьзда нах иштта оьзда буьсу, шаьш гуттар а ма-хиллара, шайн хабаршца, хIилланашца, шалхонашца, юккьерчаьрца, бендоьчуаьрца, цахезачаьрца, цагучаьрца, шайна цIа-цIе а, бахам а беш, маршалла а, хьал-де а хоттуш, кIайн коч, Iаьржа галстук а йолуш, кху заманца, Iедалца, кху харцонца кьоман бакьо «кьийсина», кхоккха-ийь бен хIусам а йоьцуш, ткьа-ткье итт, шовзткьа эзарал лакхара кхин пенси а доьцуш, махкана кьахеттала беркьа, и «декьаза» оьзда миска нах.

Уьш берриш а, дукхяхьолахь – вай буьйьцу и оьзда нах, – маттана я историна гонаха хьийзаш хуьлу массо а, цкьа цхьаь дуьйцуш, тIаккха кхин кегош, юха дехьа-сехьа кхийсалуш, билгал долчу Илманна – математикина, физикина, химина я

кхечунна – улло-аьтте а ца гГуртуш: цигахь церан дан хГума дац, я дийца хГумма а.
Цигахь пуйташ чекх ца бовлу, я хИлла а ца доьду дIа, мотгарГанаш гуш а хуьлу.

Цхьа ца хилча ца долучу къоман юкьарчу гГуллакхана шу хьаькамна тIе долхахь, уьш бухахь карабо, и оьзда нах, шул хьалххе дIа а кхаьчча, парГат а бевлла, хьаькам хаа везачу гГантана гена боццуш, цунна уллохь хирболуш, камера я сурт доккху аппарат хилахь а аьлла, дIатарбелла, хевшина Iаш, шух бIаьргкхечча, цецбуьйлу сурт а хИттош:

– Шу а даьхкина? Тхо а ду-кх кхузахь, схьадуьйла, аьлла, кхайкхина, хууш хГума а доцуш, Iаш. Шуна хайий, хГунда кхайкхина?

Юха аша жоп далале, къамелашка бовлу уьш, шу кхузахь доцуш санна, деза, даккхий хГумнаш дуьйцуш: Iамеркехь я Индекс рак цамгарна молха карийна бохий-ца цхьанна, я кхечахьа вукхо яьстина хилла Iаламан къайле юьйцуш.

Царна шуначул шера хаьа, шаш кхуза хГунда дахкийна, я хГун ала кечдина ду, я муха ала, маца.

Хьаькам чувеьча, шуьга хотту – уьш цхьа а кхин вист а ца хуьлий, – хГун хаттар дара шун, олуш.

Вуьйш Iадда Iаш хуьлу.

Аша, тийсалуш, халла, шаш айдина гГуллакх дуьйцу, вайн меттан хьал чоГIа галдаьлла доГIу, тIекхуьучу чкъурана нохчийн маттахь яздан а я деша а ца хууш, цара буьйцучу маттахь ах сов гIазкхийн меттан дешнаш а хуьлу... юьхьаьнцаца йиьт класс нохчийн матте яккха езара, хГора дийнахь хуьлуш гIазкхийн меттан урок а йолуш, олий.

– Со аша бохучунна тIехь ву, шун накьост а ву, – олу хьаькама, – кху чохь Iилманчаш хиларе терра, цкъа хIокхарна хГун хета хьовсий вай. ХГорш ма бу уггар хьалха иза хаа дезаш берш, кхара бохучунна тIетевжар ду-кх вай.

Iилманчаша дехха дуьйцу: «Цул оьшуш, ца хилча ца долуш хГума дан а дац вайн махкахь тахана, – олуш, дIа а доладой, юха, – делахь а», – тIе а тухуш.

Цигахь кхин зурма локху, и «делахь» а аьллачохь:

– Делахь а, таханлерачу хьоле хьаьжча, вай кийча дац-кх цу балхана, хГунда аьлча, иза дукха бежа некь бан безаш хГума ду, Iаламат хала хГума. Цкъа-делахь, и предметаш нохчийн матте яха еза, математикана вайн маттахь керла дешнаш а кхуллуш, шозлагIа-делахь, бюджетехь цу балхана ахча схьахеца хьалххехь дуьйна кечийна статья хила а еза, Москвас къобал а йина, тIеэцна, кхузлагIа-делахь, уггар а коьрта, хан еза, лаххара а итт-пхийтта шо...

Шу цхьаь къийса дуьйлало цаьрца: шиь бен предмет а яц, дукха ахча а ца оьшу, оццул шераш а хГунда...

– И хала ду-дац тхуна дика хаьа, матта тIехь къахьобгуш доккучу, тхан болх тхоьгахь бита, цахуурш юкьа а ца гIерташ... статистико гойту...

Шу дуьхьал тийсало.

Вукхара тIе ца дуьту.

ДIаса дешнаш кегдо.

Хьаькам тIаккха хьалагIотту, шун базар яхьелча.

Шу меллаша арадовлу, оьзда нах тIаьхьа а буьсуш.

И хабар нахалахь даьржа, шун лакхахь хилла хабар.

ТIаккха наной гIовттабо цхьамма, берийн наной, хьалххехь иштта кечвинчу цхьана кхечу «Iилманчо». Нанешка маьхьарий оьху: «Аша тхан бераш Iовдал

дохур дац, ишколаш нохчийн матте а яьхна. . . и мотт иштта а хууш бу, я цунах дан хIума а дац. . . тхан бераш Москва а, Петар-Бухе а деша даха дезаш ду», – олуш.

Шу оьшу.

Оьзда нах тулу.

Шу наха дуьйцу цхьана юкьана, дика а, вон а дуьйцуш.

Шуна луйшберш дукхох хуьлу. Цул тIаьхьа и гIара а дIатоь, мотт хьахош стаг а воцуш, шух жухаргаш а йой, жухаргех санна, буьйлунш.

Пхи шо а долу, итт шо, оьзда нах шайн болх беш а хуьлу, шайга де аьлларг деш, хIора шарахь бохург санна, цхьацца цIераш а, званеш а луш, хаза пенси а боьлхий, Илмано базбина корта кIайлуш, тIингар-хIума схьа а йогIий, хабар-дош а стамлой, тхан хенахь, цу заманахь, тхо кегий нах долуш, олуш, цхьа чалхаш а текхош.

Шишша я цхьацца бер а хуьлу нускало дой, бархI-итт шеран хеннара. КIентан цIе Мансур туьллу, Шайх-Мансур дагалоцуш, йоIан цIе Айбика а.

– Цхьа бай ду-кх хIорш а, – эра ду, – кхеран диканах сакьерадала я вонах вага кхуьур а воцуш, Дала сан хене хьаьжжина, кьаналлехь бIаьрг хьаста дина Шен беркате совгIат.

Чохь мелла а тIом болало, жимчу зудчунна майра оьшуш. Иза а цо дIасацайо, цу оьздачу стага, зудчо дош моссаса олу, Пайхамаран (с.I.с) хьадисаш дуьхьал тухуш, хиджаб а туьллийтий, Iуьйкьехь шеца жамIатан ламазе а хIиттош.

Ша а воьрзу юха дин тIе.

Иза маьждигехь а, кьанойн кхеташонехь а, ша вехачу кIюштан моллин гIоьнча а, кьедин хьехамча а, туркхан мурд а хуьлу.

Республикин, я гIалин, я берриг а Россин мехкан цхьа деза де хилча, иза хьаькамашна юххехь – кху заманан дикалла юьйцуш, – берриг накха дIалаьцна кхозуш мидалш а, ординаш а йолуш, хабар тоттуш хир ву, сих-сиха – шина дашна тIаьхьа догIучу кхоалгIачу дашца – хьаькаман цIе а йоккхуш.

Нускал а балха хIоттор ду цхьана министерствохь, хууш кIад а я хаарш а доцушехь.

Кхунна шена езачех еза «Джип» машен а лур ю.

Уьш хьалха а хилла иштта, хир болуш а, болуш а бу.

Уьш дукха бу, дукха а бац, Нохчийчоь юьззина бу, хIинца санна дукха хилла а боцуш.

ДIале, хIета, Iодика йойла, кхана кхиберш а хьахор вай, гондIа цкьа дикка бIаьрг а тоьхна.

Са ма гатделаш, дуй, гур ду вай, ган доьгIнехь, хабар-дош а кхетар ду...

21.11.2015 шо

Амина ЗАКРИЕВА

«Мир нам дан для радости...»

Родилась в 1974 году. Образование высшее (ЧГПИ). «Мотиватором литературного пути» считает своего школьного учителя русского языка и литературы Любовь Васильевну Богер. По собственному признанию, к поэзии Амина относится «как к миссии». В настоящее время поэтесса часто делится своими стихами на авторской странице в соцсетях под псевдонимом Мина Кон, где поклонники и ценители творчества уже успели прозвать ее «звездой Инстаграма и Фейсбука». Последнее обстоятельство говорит о востребованности ее лирики. Стихи Амины глубоко личностны, искренни и, конечно, женственны. В то же время в них угадывается принципиальность и твердая жизненная позиция автора – что, несомненно, подкупает читателя. В печатных изданиях публикуется с 2020 года (литературно-художественный журнал «Нана»).

Не вернется мое обожженное лето...

***

Наверно, собираются дожди,
И ветер на мгновение притих.
Как хорошо, что это был не ты...
Меня бы не хватило на двоих.

Меня бы не хватило в две реки,
Загадывая следующее утро.
А я жива, скорее – вопреки,
Рассчитывая каждую минуту:

Наперекор, напротив, невзначай.
Перебирая прошлые мечты,
Я поняла, что больше не скучаю...
Как хорошо... И это был не ты.

В окно стучится новая весна,
И забываются холодные черты...
Как хорошо, что вертится Земля,
И что теперь со мной уже не ты.

***

Бессмысленная, вычурная вежливость,
До тошноты – пустые разговоры...
Я никогда уже не буду прежней:
Мне не о чем с тобою даже спорить.

Я не люблю тебя, прости за откровение,
И мне с тобой совсем неинтересно –
Я не меняю целую Вселенную
На малосодержательные... «песни».

Я не веду душевные беседы
Для соблюдения каких-то правил –
Давай останемся хорошими соседями:
Я не люблю тебя – и это правильно.

Не стоит тратить на
«поздно» или «рано»,
Как все нормальные, наверное, на свете.
Не перевязывай мои больные раны...
Мы – лишь хорошие соседи по планете.

Оставь меня, не появляйся снова,
 Не собирай разбитое в осколки,
 О нас двоих... я не запомнила ни слова –
 Я просто НЕ ТЕБЯ люблю... и только.

***

Я собирала понемногу:
 Из ничего, из пустоты...
 Я строила к тебе дорогу,
 Я строила к тебе мосты.

За каждым следующим утром,
 Вступая в призрачные грезы,
 Оберегала те минуты,
 В которых мы считали звезды.

Но ограниченная временем,
 Как будто скованная страхом,
 Давно покинутая всеми,
 Я добровольно шла на плаху.

Я научилась просыпаться
 В том мире, где тебя не будет,
 Играя словно, заблуждаться,
 Разочаровываться в людях.

Я научилась, без мучений,
 Без обязательной тревоги,
 Ни от кого не ждать спасения
 И никого не звать в дорогу.

Я научилась не раскрашивать
 Не мною созданные души
 И ничего уже не спрашивать,
 И никого уже не слушать...

А ограниченное время
 Сквозь пальцы в пустоту стекало...
 Я научилась быть не с теми,
 Не с теми по мосту бежала.

И, вроде, как-то получилось
 Смиренье принимать за чудо...
 Я только ЖИТЬ не научилась –
 В том мире, где тебя не будет.

***

Не покидай меня, пожалуйста, сегодня,
 Когда все силы от бессилия уходят,
 Когда народная молва неблагородно,
 Из милости хотя бы, не обходит.

Не покидай меня, пожалуйста, сегодня,
 Когда одна стою у самого обрыва,
 Не отпускай меня в иллюзию свободы:
 Мне ветра легкого достаточно порыва.

Не покидай меня, пожалуйста, сегодня:
 Я столько боли в одиночестве стерпела...
 Когда душа моя, сама себя не помня,
 Почти покинула измученное тело.

Не покидай меня, пожалуйста, сегодня:
 Не оставляй меня
 настолько безоружной...
 Не приходи в мой мир
 когда тебе угодно –
 Ты именно сегодня... ты мне нужен.

***

Я ждала тебя там,
 Где никто не умеет ждать,
 Где никто, никогда,
 Ни на что не надеется больше...
 Мне хотелось рассветы,
 Закаты и море отдать –
 Только чтобы и ты
 Где-нибудь ожидал меня тоже...
 Мне хотелось писать!
 Мне все время хотелось писать –
 А иначе бы точно
 Не выжить на этой планете!
 Я сегодня последнюю
 Каплю пыталась сдержать,
 Но она затопила слезами
 Прощальное лето...
 Я ждала тебя сотни,
 А может быть, тысячи раз,
 Утешая себя
 Переливами горького кофе!
 Между нами огромное
 Море отчаянных фраз –

Мы как будто друг другу
 Намеренно делали плохо.
 Я не знаю, что будет
 Со мною за краем зимы –
 Может быть, и до края
 Дойти мне уже не удастся...
 Несмотря ни на что,
 Между небом, порой, и людьми,
 Я ждала тебя там,
 Где другие устали сражаться!
 Не сказать, что я просто
 Сдалась, хоть и стала спокойнее.
 Выдыхая всю боль,
 Закрываю тяжелые веки:
 Я могу без тебя!
 Да и ты далеко не покойник...
 Отпускаю сейчас
 Полноценного нечеловека!

***

Не важно, сколько времени прошло,
 Пускай еще вот столько же пройдет,
 Во славу света или же во зло –
 Она лишь за тобой одним уйдет!

Она лишь за тебя – всю эту осень,
 Все это небо, отразившееся в лужах...
 И на бесчисленный

поток немых вопросов –
 Ты ей один, из всех живущих, нужен!

Ты ей один... другие, как туманы,
 Как утреннее покрывало на дорогах –
 Коротковременный, пустой обман...
 Нет, не о них она молилась Богу!

Она о них ни слова не напишет,
 И перед сном не позовет по имени...
 Не важно, слышишь ты...

не слышишь,

Она и в слабости находит силы!

И кто ее посмеет упрекнуть,
 Истерзанной души
 нечаянно коснуться:

Не страшно в одиночестве уснуть,
 Страшнее в одиночестве проснуться.

***

Без тебя в моем мире снова зима
 И, похоже, она будет вечной...
 А ты зря поспешил... я ушла бы сама,
 Одиночество кинув на плечи.

Я бы тихо шепнула прощальное слово,
 Постояла немного у двери...
 Это кажется только, что снова и снова
 Я надежду шагами меряю,

Это кажется только, что гордости нет,
 Словно я упиваюсь печалью...
 Я бы молча уехала, выключив свет,
 За туманами, синими далями...

Без тебя в моем мире простая игра:
 Ни плохих, ни хороших, ни средних.
 Вместо сердца пульсирует мегадыра,
 Отбивая удары последние...

И тяжелое небо насмешливо ждет,
 На снежинки зима распадается...
 Ты же зря поспешил... я ушла наперед,
 А стихи – это все, что останется.

***

Прости меня за эту пустоту,
 Несостоятельность бессмысленной
 гордыни,
 Мне быть не с тем, и ты возьмешь не ту –
 Вполне удобные другие половины.

Прости меня за радость бытия,
 Фальшивые улыбки скудной прозы...
 Ни одного, ты слышишь, в мире дня
 Не по тебе я не роняла слезы.

Прости, пожалуйста,
 за мой упрямый нрав,
 За тысячи упущенных мгновений:
 Ты, даже если миллионы раз не прав,
 Моим единственным
 останешься волнением.

Я так и не сумела отпустить
 Обиды от несбывшихся мечтаний.

Прости за то, что научилась жить,
Храня тебя подкожно, без сознания.

Прости меня за письма в никуда,
Безудержную смелость
стихотворчества...

Прости меня за все, прости меня –
А я тебя прошу за одиночество.

И вертится уставшая планета,
И право голоса за следующим утром...
Вдали виднеется полоска света,
А значит, я проснусь... через минуту.

***

Мир, вероятно, слишком большой,
Раз не встречаются люди...
Это нечестно, когда хорошо –
Там, где тебя не будет!

Это неправильно, если спокойно!
Небо тяжелое стонет...
Мир, вероятно, огромное море,
Если в нем без вести тонут.

Я не пытаюсь объять необъятное,
Брызгами душу калеча:
Словно вода утекло безвозвратно
Время, которое лечит...

Я не ищу тебя больше – не стоит:
Больно – с пустого в порожнее...
Только ночами безжалостно поет –
Что объяснить невозможно.

Только ночами как будто ломается
Что-то на сердце похоже...
Все у меня без тебя получается –
Не получается тоже!

***

Я бы очень хотела вернуться в тот вечер
И не знать тебя вовсе...
Где-то там догорают последние свечи –
Я об этом подумую после!

Я подумую после тяжелой дороги,
Перемерив ночей миллионы...

Приползу на коленях,
молить буду Бога –
Я, склонившись в глубоком поклоне.

Упаду в бесконечно красивое небо,
От земных задыхаясь печалей...
Мне не страшно исчезнуть –
как будто и не было:
Я ведь тоже тебя забывала!

Забывала на час и на два, и на сутки,
Окружая себя эпизодами,
Даже имя стирала твое в промежутках –
Между морем и тихими водами...

Заменяла работой, стихами и чаем,
Притворялась счастливой до одури...
И такое, порой, наступало отчаяние –
Что теряла пароли и коды...

Я ломала себя в бесполезном потоке
Одинаково сложенных мыслей,
А потом по углам собирала осколки –
И без смысла, без смысла, без смысла...

Я бы очень хотела вернуться в тот вечер:
Ни единого выдоха – возле!
Где-то там догорают последние свечи...
Я об этом подумую после...

***

Я, наверно, тебя никогда не любила –
Это кости как будто
у сердца ломались...
Все, что было к тебе, я жестоко убила...
Посмотри, здесь уже ничего
не осталось:

Ни крупички ничтожной,
мельчайшей пылинки,
Ни единого символа стихосложения...
А из пазлов сложились
плохие картинки,
И Светило мое прекратило движение.

Опустилась в безмолвную
темень планета,
Потерялись в туманах хорошие люди...

Не вернется мое обожженное лето,
И за этой зимой откровений не будет!

Я обрезала все свои ниточки-вены,
Запретила биение тихого пульса...
Ну а то, что сейчас
написала... наверное,
Называется нечеловеческой грустью...

***

А если я сегодня... в сон
Приду, не спрашивая, первая?
Осталось выдохнуть с ладонь...
Ну что, скажи, тебе я сделала!?

Луна уставшая молчит,
С тобою в сговоре, наверное,
Остывший чай слегка горчит...
А я приду сегодня первая!

Таится память по углам,
Трусливо прячется от света...
Я собираю тут и там
Осколки брошенного лета.

Я собираю... не спеша,
Как будто время бесконечно –
Оно умеет утешать –
Еще один знакомый вечер...

Еще одна попытка чая,
И что-то защемило слева,
Коснулось памяти нечаянно...
Ну что, скажи, тебе я сделала!?..

***

Не думать о тебе сегодня не случилось,
Хотя и кажется, что мир
стоит у грани...
Ах, если бы ты взял сейчас и позвонил,
Я столько бы, наверно, рассказала!..

Как тихо тлеет выгоревший свет,
Забившись, где-то под ребром,
тоскует сердце.
Как до сих пор не понимаю лето,
В которое весне пришлось одеться...

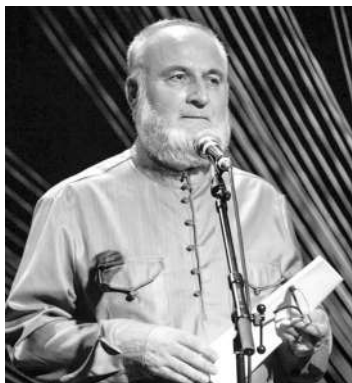
Как научилась на ночь занимать
Еще на несколько ударов пульса...
А утром нужно чем-то отдавать –
Как хочется, порою, не проснуться!

Асфальт, дрожащий
под дождями, мокнет,
И все никак не кончится дорога...
Ах, если бы могла касаться окон,
И заглянуть, не преступив порога!

Не разрыдаться перед
зеркалом не вышло,
И тушь размазанная больше не спасает...
Ах, если бы ты мог меня услышать,
Я столько бы хотела рассказать!

Проза

Муса МУТАЕВ

Муса Мутаев родился 19 сентября 1956 году в ссылке (Киргизской ССР). После возвращения на родину поселился в г. Аргун (ЧИАССР). Там же окончил среднюю школу. В 1992 году вышел первый сборник рассказов под названием «Борз» («Волк»). На данный момент проживает в Норвегии, где у него вышли четыре книги на норвежском языке, также некоторые произведения вышли на итальянском и английских языках.

В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Хайбах

Рассказ

...Это невеселая история. В 1965 году ее знал каждый житель пятнадцатитысячного города Аргун. В нашем городе обо мне слышали все – «поджигатель школы». Тогда каждый из ребят старался подбодрить меня, похлопывая по плечу:

– Вот ты сделал так сделал! – и никто не спрашивал, почему я поджег ее. Никому не было дела до этого. Я тихо уходил от разговоров.

Эта школа стояла в центре города. Школа номер один. Одна из лучших. Почему-то ее выпускники всегда без особого труда поступали в институты и так же легко находили работу.

Мой дядя – он был старше отца на три года – работал в этой же школе сторожем.

Я учился в зеленом здании, для начальных классов. В пятом классе ученики переходили в основное здание.

Школьный двор был просторным: баскетбольная и волейбольная площадки, спортивный зал, мастерская. На балансе школы был один трактор и одна белая лошадь – ее обычно запрягали в телегу, на которой ездил мой дядя. Был в школе еще большой сад. В нем росли груши, сливы, черешни, яблони разных сортов. Вокруг школы – деревянный забор.

Директор школы, Юдин, жил во дворе школы. Он преподавал математику. Был прекрасным педагогом и строгим директором, знал каждого ученика по имени. Знал наших отцов, тайп каждого. Он знал все обо всех в нашем городе – кто чем живет. Мы, дети, боялись его. Его знала вся Чечня.

Все учителя старшеклассников были бывшие фронтовики, в младших классах работали учителя помоложе.

Учился я очень плохо. Я в этой школе был чужой, словно нежеланный гость. Каждый день приходил в школу, как на похороны. Почему-то не было желания понять, что говорят учителя. Даже не знаю, для чего туда ходил? Чтобы скоротать время? Или оттого, что все ходят в школу? Школа мне ничего не дала. Единственно – я научился писать и читать.

В школе меня не любили. Грустно сознавать это. И еще грустно сознавать, что я никогда и не вспоминаю школьные годы. Только запах керосина и свежей краски, запах айвы, запах тетрадей и черно-зеленых чернил. Помню букварь, где на последней странице была фотография лысого Хрущева... И что-то еще... И что-то еще... Да-да, школа, которую я поджег. Теперь понимаю, сколько вреда нанес отцу, матери, двоюродному брату, дяде...

Все началось с того, что наша учительница Зура дала нам домашнее задание. На свободную тему. Дома нам надо было написать о героях, о которых мы слышали, которых мы любим. О событиях, которые нас потрясли. В то время часто задавали такие темы.

– Вот так и напишите об этом, – говорила учительница, прохаживаясь между партами. – Спросите у родителей, каких героев нашего времени они знают... Напишите о событиях, которые запали вам в душу... О чем-нибудь интересном...

Я помнил рассказ отца о том, как во время депортации чеченцев солдаты, в горном селе Хайбах, загнали стариков, женщин и детей в колхозную конюшню и сожгли их там заживо... Уже несколько лет этот рассказ не выходил у меня из головы.

Придя домой, я сразу же, не обедая, сел за сочинение. Уже несколько раз я начинал и бросал. Опять начинал. Опять рвал лист на мелкие кусочки. Снова садился.

В полночь рассказ о Хайбахе был готов. Половина страницы ученической тетради в линию. Все. В несколько предложений. Как были сожжены заживо люди в Хайбахе. И больше ничего. Только к утру я заснул. Уставший.

Снились какие-то огни вдали. Потом видел, как над Хайбахом поднимался огонь. Я видел старых людей. Женщин. Детей. Видел, как горят люди.

Утром хотел прочесть сочинение родителям, но постеснялся. Наскоро выпив чаю, еще раз перечитав сочинение, пошел в школу. В школе я не сразу показал сочинение. Раздумывал. Несколько раз доставал тетрадь, чтобы отдать ее учительнице, но в самый последний момент клал обратно в сумку. Измученными глазами смотрел через окно на зимний сад. Белый пушистый сад дремал, иногда бросая на землю замерзшие комья снега. Я чувствовал усталость во всем теле, клонило ко сну.

– ...Сколько раз повторять твою фамилию?! – окрик учительницы привел меня в чувство. Видимо, я все-таки вздремнул.

– Да, я...

– Где твоя тетрадь? – учительница опять повысила голос. – Ты сделал домашнее задание?

– Да... написал... здесь... сейчас... – под общий смех я полез в сумку. Мне было стыдно, что заснул. Протянул учительнице тетрадь.

– Так... посмотрим... – глядя в мою тетрадь, она направилась к доске. Я смотрел ей в спину. Она остановилась. Потом пошла... Снова остановилась. Уже подойдя к доске, стала спиной к нам и молча продолжала читать. Я весь сжался. Время словно остановилось. Мне показалось, стоит ей обернуться, как я упаду в обморок. Но она не оборачивалась. Ученики перестали писать. Смотрели молча – то на нее, то на меня.

И вдруг – ужасный крик! Такого крика я за всю свою жизнь не слышал ни до и ни после этого.

– Что это за Хайбах? – закричала она. – Встань!

Я встал, еще не до конца понимая, о чем она спрашивает.

– Что такое Хайбах?

– Там людей сожгли.

– Кто сжигал их?

– Солдаты...

– А где находится этот Хайбах?

Я не знал.

– В горах, – ответил я, чтобы что-то ответить. – Там заживо сожгли чеченцев.

Она с любопытством посмотрела на меня. Видно, ей и в самом деле стало интересно, откуда я это все знаю в мои годы. Или что-то в этом роде... Я понял – я что-то не то сделал. У меня перехватило дыхание.

– Вот посмотрите, ребята, что этот балбес написал! – обратилась учительница к классу. Она прочитала несколько строк. Ученики слушали очень внимательно. Потом она перешла к насмешкам:

– Этот балбес не может даже сочинить, как все...

Слово «балбес» она выговаривала с ударением на «а» и холодной усмешкой. Звонкий смех. Они смеялись.

– И кто это тебе рассказал? – насмешливо повторяла учительница. – Ты сейчас во сне это видел?!

Она повесила мою тетрадь на доску. Я стоял, опустив голову, не зная, как поступить – выбежать из класса или стоять и дальше, слушая все это.

Они смеялись. Смеялись бездумно. Я и сейчас не могу понять, почему они смеялись? Что было в том смешного? Они смеялись, даже не понимая, зачем смеются. В душе нарастала обида. Моя тетрадь так и осталась висеть на доске. Тетрадь с исписанной половиной страницы.

Урок закончился. Я вышел первым. На улице ребята тоже стали дразнить меня.

Придя домой, не обедая, я прилег на кровати и крепко заснул.

Вечером, выйдя из дому, я направился в сторону школы. Почему-то захотелось взять свой рассказ. Снова прочитать. Неожиданно для себя я очутился рядом со школой. Словно во сне, не видя и не слыша ничего, я пробирался по огородам к окнам, что были сзади школы. Я шел, потому что хотел вернуть свою тетрадь. Я еще ничего не решил... Что-то важное ушло из памяти... Но подсознательно ощущал, что что-то должно случиться. Ощущая холод во всем теле, тихим шагом подошел к классу, где учился. Постоял под окнами.

Толкнул первое, второе, третье... наконец, открылось четвертое окно. Со скрипом. Кажется, это окно не закрывали ночью. Я легко открыл створку. Спокойно влез в класс. Пахло керосином. Так всегда пахли полы, когда я приходил рано утром в школу. Еще почему-то пахло свежей айвой. Вдруг что-то промелькнуло. У меня перехватило дыхание. Подумал, что в классе, кроме меня, еще кто-то... Но, увидев свою тень, пришел в себя. Отдышался. Сел за первую парту. На доске не было моей тетради. Видимо, ее положили в шкаф. Я разглядывал класс, как будто видел его впервые. На столе лежали тетради, газеты, пустые бутылки. Подошел к шкафу. Он был закрыт. Я сломал замок. Открыл двери. В шкафу лежали пожелтевшие вырезки из газет. Тетради лежали на полке. Около тридцати тетрадей. Белые, желтые, синие, красные тетради в аккуратных обложках. Я нашел свою тетрадь. Потом зажег спичку. И бросил

ее на пол. Огонь мелькнул яркой змейкой, зашипел. Классная комната быстро наполнилась едким дымом.

Я уходил от здания школы, не оглядываясь. Оглушительный треск горящего старого шифера, снопы искр, освещающие спящий город... Шипение горящих крашенных досок.

Ночь была холодная. И что-то такое выплеснулось из души. Злоба, отвращение, жажда мести, покаяние. Где-то в глубине души рождалась жалость к самому себе.

Отмщение... Одиннадцатилетний мальчик... Зачем мне это надо было? Никому не было дело до меня.

Я шел, жадно вдыхая морозный воздух. Жалко будет смотреть на мать. И на отца. Я сам не мог до конца поверить в случившееся. Придя домой, тут же лег. Ночью то и дело вскакивал. Подходил к окну. Внимательно оглядывал двор. Светлое небо. Что я там хотел увидеть? Наконец, к рассвету, успокоился.

Утром весь город вышел посмотреть на школу. Я тоже пошел. Школа сгорела дотла. От нее ничего не осталось. Черная гора золы. И больше ничего. Вокруг стояли люди. Бегали маленькие дети. Стояла милиция, пожарные, и следователь, мой двоюродный брат, что-то выискивая в золе, делал записи в блокноте. Я несколько не жалел о том, что было сделано. Я стоял среди людей и смотрел на руины.

– Отчего она загорелась? – спрашивали люди.

– Говорят, замыкание проводов.

– Нет, от печи. Ночью угольки упали на пол. А керосиновый пол загорается очень быстро.

– И зачем ночью полы протирают керосином? Никак не пойму!

Вины за собой я не чувствовал. Мне почему-то казалось, что я освободился от большого груза. Но когда видел знакомых, охватывал стыд. Растерянность. И жгучая боль. Где-то под лопаткой. Быстро проскальзывала у сердца. Никогда – ни до, ни после – у меня не было такого ощущения пустоты внутри. Точно ты мертв. Точно тебя предал любимый человек. Или ты предал кого-то близкого. Я глазами нашел дядю. Мой дядя. Он стоял в оцепенении. Выл холодный ветер, разнося далеко вокруг запах гари. Я уже был не я. Не узнавал себя. Не находил себя. «Во-от ты какой?» – говорил, упрекая меня, чей-то знакомый голос. Он не умолкая ни на минуту. Все говорил и говорил... Я устало брел домой. Дома тоже не находил покоя. Мне казалось, что я не смогу все это объяснить отцу. Несколько раз я садился рядом с ним и долго раздумывал, как мне начать разговор. Отец, закончив только что намаз, сидел, прислонившись к стене, быстро перебирая четки. Я не знал, как начать. Как сказать, что это я сжег школу? Я вышел во двор, затем, быстро войдя в дом, глухим, совсем незнакомым мне голосом, проговорил:

– Дада¹ ... Дада, это я сжег школу...

Нет – я сказал это шепотом... Шок... Нет, нет, он даже не слышал, что я сказал. Он держал четки. И они, четки, скользнули между его пальцами и повисли, как виноградные грозди после ливня. Отец ничего не говорил. Словно не расслышал слов, словно не хотел этого слышать сейчас. Не сейчас. Нет, он не хочет слышать этих слов сейчас... Вот завтра – пожалуйста! Или послезавтра!

---

¹ Дада (чеч.) – отец.

Но не сейчас. Как будто он не придает значения таким словам. Мало ли что говорит одиннадцатилетний мальчик?! Мало ли что он придумывает?!

– Ты в школу собираешься? – отец не расслышал, что я сказал. Или он не хотел слышать, что я говорю. Для него это словно смерть. Словно приговор.

– Дада, это я сжег школу...

Молчание. Я смотрю на отца. Он не смотрит на меня. Он притих. Я тоже молчу. Где-то голос матери. Чей-то смех. Гремит чей-то засов. Вот сосед приехал на обед. Снова мать, смеясь, говорит о чем-то соседке. Отец ничего не говорит. И четки без движения висят на пальцах.

– Что? Я не расслышал, что ты сказал, – и словно струна, натянутая со всей силой, словно ястреб, ждущий вот уже который день добычу, отец как-то выпрямился. – Что ты сказал?

– Дада, это я сжег школу, – сказал я и, как заводной, выложил все, что случилось вчера. Нервно перебирая пальцами четки, отец спокойно выслушал меня. Он не перебивал меня. Не задавал пока вопросы. Только один раз, когда я сказал: «Я не мог!» – он внимательно взглянул в мои глаза. Он что-то прочел в моих глазах. Понял, что я говорю правду. (Забегая вперед, хочу сказать, что меня всегда выдавали мои глаза. Голос я мог подделать, как хочу. Но глаза... Они у меня всегда свидетели. Свидетели правды и лжи.) Это была горькая правда. Лучше бы отец не слышал этого. Лучше бы не слышал. Отец молчал. Я никак не мог снова начать разговор. Вошла мать. Положила в угол чеченской печи сухие дрова. Посмотрела на нас. Сперва на отца. Потом на меня.

– Что это вы замолчали?

Наконец, усмехнувшись, отец вымолвил:

– Вот, – отец посмотрел на меня, – вот наш абрек говорит, что это он поджег школу.

Мать без слов присела на пол. Опустила голову:

– Только не это! – сказав это, мать, не поднимая головы, залилась горькими слезами. – Как мы будем смотреть людям в глаза?! Что мы скажем твоему брату?!

Мать не переставала плакать. Уйдя в свою комнату, она не выходила даже на зов отца. В тот же вечер отец собрал всех родных, кроме своего родного брата Мовлди. И снова я выложил все – что сказал, что сделал, что случилось.

– И что – она повесила твою тетрадь на доску? – снова спрашивал отец.

– Да. Повесила, – быстро рассказывал я, все что было. – Повесила. И потом сказала, что не было никакого Хайбаха. Это все придумал я.

– Она так и сказала?

– Да.

– И что же ты?

– Я сказал, что это было на самом деле! Все смеялись, дада. Все смеялись. Смеялись надо мной! Лучше б они порвали тетрадь. Лучше б они ударили меня. Но они смеялись. И говорили, что не было у нас такого села – Хайбах, что это все мои выдумки.

– И что же ты? – снова спросил отец.

– Я говорил, что это правда. Она сказала, что в нашем роду все слабоумные!..

– Как она могла?! Ведь я с ее отцом столько сискал съел! – задумчиво проговорил отец. – И они смеялись над Хайбахом!

– Да, дада, все смеялись. Все говорили, что я врун. А ведь ты говорил, что там люди горели... Разве это не правда?!

– И ты это так написал?

– Да, дада, я так написал! – не задумываясь, отвечал я. – Это же на самом деле так было!

Пауза. Отец молчал. Еще мгновение, и отец понял: что-то надо сказать. Что он теряет родного сына. Никто ничего не говорил. Все смотрели куда-то... Все отводили глаза.

Огонь в печи яростно полыхал от свежих дров.

– Да-да, это правда, – вымолвил устало отец. – Но как ты мог это запомнить?!

– Я этого не забывал...

– Посмотри мне в глаза.

Я поднял глаза. Я видел глаза отца. В них почему-то не было осуждения. И я почему-то не чувствовал вины. В этом и была та сила, которая помогала мне крепко стоять на ногах.

– Ты не школу сжег! – я думал, что отец скажет «Ты не школу сжег, а меня!», но он сказал: – Ты ложь сжег! Ты несправедливость сжег! Хотя школа здесь не виновата... Хотя со школой ты поступил неправильно!.. Ну что же... – сказал отец, ударив обеими руками по коленям. – Вопрос решен... Я не имею права... Бог все видит... Выложим всю правду Мовлди. Он поймет. Вот что, – отец обратился к старшему брату, – походи к Мовлди, позови его сюда.

Дядя приехал. Он приехал, как всегда, в телеге, запряженной белым конем. Теперь я не знал, что мне делать. Подбежать к дяде, как всегда, и обнять? Или... Чувствуя неловкость, я стоял, не двигаясь с места. Он сел прямо напротив меня и, как всегда, проведя по стриженной головке рукой, ничего не сказал. Дядя никогда не говорил лишних слов. Он будто жил на краю земли и только изредка заглядывал к людям узнать, что происходит на земле. Он смотрел. И даже не улыбался. И даже не спрашивал у отца, зачем тот вызвал его. Я волновался больше, чем отец. В дяде было что-то старинное, что-то давно забытое. Он смотрел светлыми глазами, слегка шевеля губами, будто только что поел вкусного супа. Отец ничего не говорил. Больше говорил мой двоюродный брат Сурхо. Но когда он произнес, что школа могла сгореть без посторонней помощи, отец остановил его.

– Что ж поделаешь, уж так случилось?! – сказал дядя. – Она сама загорелась.

– Нет, она не сама загорелась, – возразил отец.

– От чего же тогда? – просто так спросил дядя. Я даже не ожидал, что у него появится интерес к этому.

– Из-за нашего мальчика... – отец снова посмотрел на дядю.

– Из-за какого мальчика? – не понял дядя.

– Этого... – отец глазами показал на меня.

Мовлди посмотрел на меня. Сперва осторожно. Испытывающе. С немим вопросом. Потом так, словно видел меня в первый раз. Как будто до этого меня не было. Нет, не это было удивительно. Было удивительно то, что мой дядя не сказал ни одного осуждающего слова. До самой своей смерти он не упрекнул меня.

– Мы пришли к выводу, что пожар произошел совсем случайно... И... и я думаю... – начал двоюродный брат Сурхо.

Отец молчал. Он ничего не говорил. Мать, сложив руки на груди, тоже с тревогой наблюдала за отцом.

– И что? – во взгляде отца были озабоченность и тревога. Без четкого и ясного ответа он никак не мог продолжить разговор. Они говорили негромко. Они просто не замечали меня. Иногда двоюродный брат смотрел на меня зло. Будь его воля, он бы меня убил.

– Оставить так... как есть...

– Но это же неправильно, – устало вымолвил отец. – Лучше говорить правду.

Он что-то еще добавил. Я не расслышал. Каким-то усталым голосом произнес он последнее слово. Я даже не поверил, что слышу его голос. Мне стало его жалко. Теперь молчал двоюродный брат.

– Что будем делать? Не сидеть же нам целый день здесь. Ну, вот что... Он... – задумавшись, отец прошелся по комнате, остановился, снова уставился на что-то во дворе и затем, повернувшись ко мне, произнес: – Ты завтра в милиции расскажешь все, как было.

Я заметил, как двоюродный брат съезжился и с каким-то непонятым стоном выпрямился на стуле и не своим, чуть охрипшим от курения голосом произнес:

– Сказать тоже надо умно. Хайбах что? Ничто! Никто никогда о нем не слышал. Простая конюшня, сарай. Как тысяча других сожженных в войну сараев. Вот если сказать, что сочинение было написано про Асланбека Шерипова или про Ханпашу Нурадилова – картина резко поменяется. Будет хоть какое-то смягчение. Если он скажет, что написал о Хайбахе, мы не сможем защититься. Против нас будут все. Но если мы скажем, что сочинение было написано о Шерипове или о Нурадилове, то здесь власть совсем иначе посмотрит на нас.

– А кто они такие? – спросила мать.

– Асланбек Шерипов – герой гражданской войны, – ответил двоюродный брат. – А второй, Ханпаша Нурадилов – Герой Советского Союза. Кажется, он тысячу фашистов убил за один день, – потом пристально посмотрел на меня и твердо добавил: – Запомни, ты писал сочинение о революционерах. Ты понял?! Ты писал об Асланбеке Шерипове. Запомнил это имя?

Мать опять вышла, принесла охапку дров и нерешительно, открывая горячую печную дверь, грудным голосом произнесла:

– Он прав. Школу построить нам не под силу. А еще хуже может случиться... Снимут с работы. А сколько людей на его место метят.

– Не ной! Снимут, не снимут – не это главное! Ты лучше следи за чайником, чтобы он не свистел, как глухой пастух!

Ветер выл за окном волком. Измученные глаза матери смотрели на меня с непонятной тревогой. И мне было почему-то стыдно спросить, что она хотела сказать. И слеза. Такая тихая и чистая слеза по ее щеке... Двоюродный брат, с жалким видом, приводя все новые и новые доводы, снова начинал разговор с другого конца. Казалось, вся суть в том, чтобы произнести эти два имени. Наконец, отец кивком дал понять, что разговор окончен. Было далеко за полночь, когда я, под шорох печного огня, заснул. Я заснул очень крепко. На второй день, рано утром, снова собрались у нас дома родственники. Снова я рассказал все, как было. В тот день мы с отцом побывали в милиции. Он написал заявление. Теперь весь Аргун знал, что я сжег школу.

Ребята обнимали меня. Все были рады. Надо же – целую зиму не ходить в школу! Ведь целую зиму можно отдыхать! «Вот ты молодец! – говорили они при встрече. – Сжег школу!» Весь Аргун говорил обо мне. Всем было

интересно, как мы построим новую школу. Никто не спрашивал, что со мной будет. Я был несовершеннолетним, чтобы меня могли посадить.

– Дядя – сторож... А он школу сжег... – шепот сзади.

Я даже не оборачивался, чтобы узнать, кто это говорит. Это говорил весь город. И горечь. Горечь была не в том, что я сжег школу, не в том, что я понял, что совершил, а в том, что не мог убедить их в своей правоте. Иногда становилось стыдно! И этот стыд бил меня очень больно, как удар исподтишка. Он опрокидывал мое воспоминание о школе. Об учителях я вообще не вспоминал. Я их никогда не любил. Никогда! Каждый ученик старался подбодрить меня. Каждый старался сказать доброе слово. Никто не спрашивал, почему я сжег школу. Все были рады. И никому не было дела до боли, до сумасшедшей тоски сжавшегося в комок сердца. Сердца, которое вот-вот вырвется наружу... И боли, как будто я потерял веру в себя. Потерял что-то главное. Как будто за день забыл дорогу к тому дому, в котором находил покой и понимание. Сосущая боль под лопаткой.

В самом деле, за один день я стал чуть ли не героем детворы. Все только и говорили, что обо мне. «Как дела, поджигатель?!» – спрашивали старшие ребята. И я шел, опустив голову. Нет, не гордо. Не смело. Я шел, словно в пустоте. Во всем я ощущал пустоту. Хотя я чувствовал, что я поступил правильно. Но где-то в глубине души кто-то шептал мне тихо, что я похож на осенний лист, что я падаю, как осенний лист, когда он не хочет упасть, вот он уцепился за ветку, вот он держится за нее из последних сил, но ветку трясет, трясет... и, наконец, он, не выдержав, падает. Кружась, падает. Так и я...

Когда через месяц я пришел в школу – другую, в которой мы временно учились, Юдин очень быстро вошел класс. Мое маленькое сердечко забилось. Я знал, что сейчас он меня вызовет. И вправду – он назвал мою фамилию. Я встал.

– Зайди в мой кабинет! – строго сказал Юдин. Он шел впереди. Я сзади. Я знал, что сейчас он начнет орать. Так и случилось. Как только я вошел в его кабинет, он ударил по столу с такой силой, что наполненный водой графин подпрыгнул.

– Даже немцы не жгли школу! – Юдин еще раз нанес удар по столу. – Ты... ты слышишь меня?! Даже фашисты не жгли школу! Твой дядя... Он же у меня работает. Как же ты мог?! Даже... даже немцы не жгли!..

Таким я давно не видел нашего директора... Тут же, в кабинете, сидел дядя, угрюмо склонив голову. Он в эту минуту напоминал мне отца. Он ничего не говорил. Но я догадывался о его отношении к себе, о его усталости с примесью злобы и досады. Он всем своим видом как бы говорил мне: «Что ты натворил, дурень?»

Я тоже стоял, опустив голову.

– Я сожалею, что ты не взрослый, чтобы тебя посадить!

И после этого я стыдился войти во двор школы. Я всегда опускал голову. Мне было больно. Больно оттого, что сделал. Боль не уходила. А эту учительницу я видеть не хотел. Потом, когда я стану взрослым, она будет еще упрекать, что я не здороваюсь с ней. Что, мол, она была моей первой учительницей...

Через месяц нас вызвали на комиссию. Отец выглядел усталым. Мать, украдкой наблюдая за нами, часто вытирала платком слезы. И вновь заговорили о том, как и что мне говорить. Двоюродный брат гнул свое, говорил о своих революционерах:

– Вот скажи эти два имени, и ты можешь спокойно жить. Скажи, что написал об Асланбеке Шерипове. Лучше о Ханпаше Нурадилове. Он все-таки Герой Советского Союза... – он боялся, что останется без работы. Ведь он следователь. Его все уважают. – Надо сказать так...

– Он не знает о них ничего! – возражает отец.

– Если он не скажет так, меня снимут с работы, –дохнул двоюродный брат перегаром и запахом табака. (Он не зря беспокоился о работе. Забегая вперед, скажу, его все-таки сняли с должности). В его голосе слышалась плохо скрытая тоска.

– Не принимай близко к сердцу. Не принимай, – негромко говорит отец.

– Я не дам этому делу хода, – коротко отвечает Сурхо. Слышу жалкий писк испуганных щенков.

Отцовский жест – рукой в левый карман. Его жесткий возглас...

И потом только – вздох матери.

– Ты не должен забывать, как они нас уничтожали... – говорит отец. Мать плачет, глядя на меня. – Сурхо, ты не ребенок!

Тот ничего не говорит.

На второй день нас вызвали в район, в Шали. В коридоре мы просидели недолго. Мне показалось, что отец больше меня чувствовал себя неловко. Но он, как отец, не был ни в чем виноват. Нас вызвали. Мы вошли в светлую комнату. Комиссия сидела в один ряд. Отец сел напротив комиссии. Я стал у двери. Через некоторое время комиссия пригласила моего двоюродного брата. В комнате было человек десять. Почему-то учительницы не было. Не было также дяди. Чужие взрослые, долго разглядывая меня, молчали. Каждый хотел понять мой поступок. Я никак не мог поднять глаз.

– О чем ты написал? – спросил лысый мужчина, который приехал из Грозного. Почему-то я его очень боялся. – О чем?

Отец не глядел на меня. Двоюродный брат все время крутил в руках спичечный коробок. Он изредка поднимал голову, но смотрел все время в одну точку перед собой.

Только вот директор школы... он внимательно разглядывал меня.

– Так о чем же ты написал, мальчик? – снова спросил лысый.

– Я написал о Хайбахе, – выдохнул я.

Я посмотрел на двоюродного брата. Тот сидел, опустив голову. Даже не глядел в мою сторону. Отец тоже сидел с каким-то отрешенным видом, опустив плечи, как будто держал на них груз. Никто ничего не говорил. Стояла такая тишина, что я почувствовал, как в горле застрял ком.

– А что такое Хайбах? – уже обращаясь к сидящему рядом, спросил тот.

– Село... До войны был такое село...

– И что?..

– В этом селе во время депортации чеченцев сожгли свыше семисот человек, – сказал Юдин.

– Кто? – уже холодно посмотрел тот на директора школы.

– Солдаты... НКВ...

– А! Это немецкие солдаты сожгли село... – перебил Юдина лысый, записывая что-то на листке. Видимо, он до конца так и не понял, что это за село и где оно находится.

Наступила тишина. Все на минуту замолчали. Все глядели на меня.

– И ты написал о Хайбахе? – снова спросил тот лысый человек.

– Да.

– Откуда ты знаешь о Хайбахе? – спросил второй человек в милицейском форме, слегка приподняв голову. – Кто тебе рассказал о нем?

Теперь я не знал, что ответить. Мы об этом не говорили дома. Не договаривались. Отец не смотрел на меня. Я видел это, даже не глядя на него. Я молчал. Мне казалось, что сейчас обрушится мир. И земля почему-то вращается все быстрее и быстрее, уходя из-под ног.

– Так-так, сможешь ты нам сказать, как ты узнал о Хайбахе? Вот ты тут пишешь, что людей загнали в деревянный сарай, обложили сухими ветками и подожгли. Там были старики, женщины, дети, всего их было 756 человек. И все они погибли. Только один мальчик спасся. Его мать выбросила через окно. Откуда ты это знаешь? Кто этот мальчик?

В руках у него был листок бумаги. Видимо, учительница переписала текст моего сочинения.

Тишина. Все в комнате замерли. Слышно было, как муха влетела в комнату и быстро вылетела. Я обвел всех глазами. Все, даже директор школы, сидели, опустив головы. Мне почему-то хотелось, как случайно влетевшая муха, вылететь через открытую форточку вон, на улицу.

– Сможешь нам ответить честно?..

Слезинки побежали по щекам прямо к подбородку. Их невозможно было остановить. Скула дрожала. Я сам не знал, что это со мной. Я заплакал.

– Я ему... рассказывал... – улыбаясь, проговорил отец и почему-то засунул руку в правый карман. Это его привычка... Но почему-то... я удивился, сквозь слезы заметил, что он должен был засунуть руку в левый карман.

– А он неплохо пишет!

– Он честен перед нами. Это издевательство, – сказал тот человек из города.

– Он, маленький мальчик, написал о героическом селе, которое сражалось против фашистов... Учительница внимательнее должна была читать, что написал ребенок... Ничего страшного он не написал, – потом, обернувшись к отцу, добавил: – Ваш сын очень рано начал сочинять. Хотя в этом нет ничего плохого. Нам нужны писатели. И все-таки он еще мальчик. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, да, – сказал отец. – Это я виноват.

И жизнь закончилась. Закончилась. Я потерял желание сопротивляться неправде. Плохих людей накопилось больше, чем добрых. Я смотрел на них. Моя душа как скомканный клочок бумаги в мусорном ведре в углу.

В чем-то соглашаясь, а от чего-то напрочь отмахиваясь, они пришли к решению, что отец примет участие в строительстве школы.

– Ну что ж, будем работать, – сказал на улице отец, глубоко вдохнув воздух. – Ты не виноват, сын, – уже серьезно добавил он. – Летом начнем строить новую школу.

Все лето мы трудились. Нам помогал почти весь Аргун. К сентябрю мы построили новое здание. И снова потекла жизнь в школе. Вот и все. Через три года Юдину дадут орден Ленина. Мой дядя будет работать у него до конца жизни. А затем уеду. Работа. Книги. Война. Все это будет потом. Но... это будет уже совсем другая история.

Элина ЦУГАЕВА

Возвращение

Рассказ

Он проснулся глубокой ночью от странного и незнакомого ему ощущения. Казалось, что во сне им была утеряна способность слышать. С закрытыми глазами он лежал и боялся пошевелиться. В голове возникали тревожные мысли. Их поток становился безудержным. Не с кем было ими поделиться, и порой даже казалось, что мысли начинали делить его между собой.

«Наверное, так и сходит с ума человек», – подумал он.

В последние месяцы он был склонен к отчаянию. Он не видел больше никакого смысла в борьбе за свое дальнейшее существование.

Вот уже восемнадцать месяцев Матиас жил в опустевшем городе. Заброшенные вокзалы, высотные дома с выбитыми стеклами, припаркованные у подъездов покореженные мятые машины, заросшие тротуары и скверы стали привычным антуражем для него.

Он не знал, что явилось причиной случившегося с городом. Быть может, этот город стал жертвой какой-нибудь глобальной катастрофы, которая и унесла жизни людей. А быть может, люди сами покинули его и переселились в более безопасное место.

Он прокручивал в голове различные сценарии катастроф: ядерная война, всемирная пандемия, вызванная патогенными вирусами или резистентными к антибиотикам бактериями, голод, связанный с перенаселением планеты, коллапсы окружающей среды и катастрофические климатические изменения, в связи с глобальным похолоданием или потеплением. Произойти могло что угодно. Но что именно, он не знал.

Он задавался вопросами и ни на один не находил ответа. Поиски не приносили результатов. И через полгода он прекратил искать.

Матиас для себя решил, что отныне будет стараться просто остаться в живых.

Днем он занимался патрулированием улиц, собирал съестные припасы и патроны по всему городу, укреплял свой дом, выращивал в парнике овощи, а также охотился на диких зверей и птиц. Он был единственным выжившим человеком. Попытки найти других выживших с помощью радиосвязи оставались безуспешными.

А с наступлением ночи он терзал и мучил свое сознание долгими и изнуряющими размышлениями. Он чувствовал себя уставшим. Его душа была объята сомнениями. И он перестал верить в возможность своего спасения.

В эту ночь он лежал в раздумьях долгое время. Тяжесть блуждающих, потерявшихся в пространстве сознания мыслей настолько сдавила его грудь, что он не выдержал и, отбросив в сторону покрывало, встал с кровати. Пол

под ногами был холодным. Он зажег керосиновую лампу. Пройдясь по комнате несколько раз, подошел к окну.

В темной бездне ночи сверкали звезды. В рассеивающемся сиянии бледной луны опустевшие безмолвные дома являли собой ужасающий вид. В такую ночь город казался еще более мрачным и покинутым.

Матиас долго вглядывался в темные окна прилегающих домов на противоположной стороне улицы, отыскивая взглядом какое-нибудь движение. Ему не было страшно увидеть в них что-то неведомое. Напротив, он этого хотел. Но все по-прежнему оставалось безжизненным и безмолвным.

Он глубоко вздохнул и разочарованно покачал головой. Он возненавидел эту ночь с ее металлическим лунным сиянием, эту тишину и покой, царивший на улице и в доме. Впрочем, он возненавидел и этот дом.

– Когда же все это закончится? – промолвил он и отошел от окна.

Ко сну его не тянуло. Он вышел из комнаты, спустился по винтовой лестнице на первый этаж, миновал небольшой холл и прошел в библиотеку. Матиас подошел к камину и развел огонь. После он придвинул кресло к огню и уселся в него.

Библиотека была продолговатой формы с высоким потолком. Стены комнаты были оклеены коричневыми обоями с мелким неярким узором. С черной дубовой балки свисал единственный светильник. Матиас без движения сидел в кресле, откинув голову назад и раскинув в стороны руки с растопыренными пальцами.

Пламя успокаивало, навевало неясные грезы. Но для Матиаса царство вечного покоя становилось ущербной идиллией, от которой никак нельзя было избавиться.

Он смотрел на пламя долгим отрешенным взглядом. Когда же огонь стал угасать, он, отодвинув кованую решетку в сторону, подбросил в пламя несколько поленьев. Затем подошел к книжному стеллажу, взял старый потрепанный том некоего древнегреческого мыслителя и вернулся в кресло.

Взгляд устало скользил по страницам книги. Он не спеша перелистывал их, пока не поймал себя на мысли, что все им прочитанное никоим образом не остается в его памяти. Он закрыл книгу и положил ее на подлокотник кресла. Взгляд его застыл на книжных стеллажах, полки которых были заставлены огромным количеством книг.

Он потратил немало времени, собирая свою домашнюю библиотеку. Матиас в книгах был избирателен. Он часами бродил по запыленным обветшалым залам в заброшенной библиотеке, складывая в тележку необходимые ему для выживания книги. Они являлись единственным источником знания, поэтому он не мог ими пренебрегать. У него имелось огромное количество справочников по медицине, инженерии, садоводству, но также он уделял должное внимание классической и философской литературе.

Книги помогали Матиасу заполнять тягостную пустоту проводимого в одиночестве времени. Они укрепляли в нем запредельную терпеливость, спокойствие и самообладание, невзирая на абсурдность той реальности, в которой он находился.

Но сейчас, в эту ночь, Матиас был в отчаянии. Его бил озноб, голова раскалывалась от начавшейся мигрени. Он начал растирать виски. Боль становилась невыносимой. Он быстро вскочил на ноги и отправился в ванную.

В шкафчике над раковиной он стал перебирать различные склянки с таблетками и капсулами. Найдя нужный флакон, он его схватил и резким движением захлопнул дверцу. Но открутив крышечку, вдруг обнаружил, что там осталась всего одна болеутоляющая таблетка.

«Придется вновь отправиться на поиски лекарства», – подумал Матиас и тяжело вздохнул.

Набрав в стакан воды, запил таблетку, а пустой флакон раздражительно швырнул в сторону. Он склонил лицо над раковиной и ополоснул его холодной водой. Затем выпрямился и посмотрел на свое отражение в зеркале.

Темные волосы, серые глаза, обросшее щетиной скуластое лицо, между бровями глубокие две морщины, являющиеся признаком долгих и изнурительных размышлений.

Матиас смотрел на себя и не мог понять: как так оказалось, что он единственный живой человек в этом городе? За все время своего пребывания он не раз покидал пределы города в поисках других выживших. Но ему вновь приходилось возвращаться обратно. Вокруг города на сотни и сотни миль простиралась пустынная с выжженной на солнце мелкой растительностью саванна. Он смирился с мыслью о том, что оставшуюся жизнь он проведет в одиночестве.

Он смутно помнил свою предыдущую жизнь. Он не мог точно сказать: была ли у него семья, кем он работал, где прошли его детство и юность.

Во снах он часто слышал детский переливистый смех, слышал тихий и спокойный голос молодой светловолосой женщины, зовущей его по имени: «Матиас... Матиас...» После пробуждения он не мог вспомнить ее лица, и ему казалось, что должно быть это его воображение играет с ним в злую шутку.

На него накатила волна гнева, его тонкие бледные губы перекосила призрачная усмешка. Он не заметил, как его рука стальным капканом сомкнулась вокруг стакана, и осколки стекла разлетелись во все стороны. По его руке стала стекать тонкими струйками кровь. Он глядел на нее и не мог понять, откуда она взялась. Спустя мгновение он сообразил, что из его ладони торчит осколок, и, не раздумывая, вытащил его. Возникла резкая пульсирующая боль.

– Что ж, я все еще жив, – усмехнулся он, посмотрев на себя в зеркало.

В его жизни были моменты, столь насыщенные событиями, что время, в которое они происходили, казалось ему нереальным. Для него эта ночь была одним из таких моментов.

Матиас стоял неподвижно, он отрешенно смотрел перед собой в пустое пространство, а кровь все продолжала стекать из порезанной руки на пол.

Внезапно раздался стук во входную дверь.

Матиас резко повернул голову в ту сторону, откуда доносился звук. Он почувствовал подступающую дрожь и застыл в оцепенении.

Столько физических сил и ресурсов он потратил на поиски людей, столько месяцев разочарованно возвращался один домой, столько времени боролся за свое умиротворение, привыкал к жизни в заброшенном городе. И когда он уже смирился со своим одиночеством, и оказалось, что все для него здесь устроилось не самым худшим образом, как вдруг окружающий мир, который постепенно начал обретать признаки устойчивости, неистово качнулся перед его глазами.

– Не может этого быть, – прошептал он.

И словно игнорируя утверждение Матиаса, в дверь вновь постучали.

Преодолевая страх, он миновал холл, затем медленно и нерешительно подошел к входной двери, взялся за ручку и замер. Он тяжело дышал, он боялся даже спросить: «Кто это?» Он прислонился к двери и стал слушать. Снова стук в дверь. Матиас испуганно отшатнулся в сторону.

– Давай, Матиас! Давай же, открывай! Чего ты медлишь? Разве не к этому ты стремился, – уговаривал он себя, прислонившись спиной к входной двери. Руки его были сжаты в кулак настолько сильно, что кожа на костяшках натянулась и побелела.

Стук повторился. И ни секунды больше не раздумывая, Матиас повернулся, с отчаянностью в движениях отодвинул засов и открыл дверь.

В лицо ударил яркий ослепительный свет. От неожиданности он пошатнулся и едва удержался на ногах. Ему пришлось зажмурить глаза и заслонить свое лицо рукой. Свет был настолько сильным, что он не решался открыть глаза, боясь ослепнуть. Затем он услышал голос, тихий и спокойный, который он узнал:

– Матиас... Матиас, просыпайся.

Он медленно открыл глаза и увидел склонившееся над собой лицо молодой светловолосой женщины. Она улыбалась ему, и глаза ее были полны слез. Не было никакого сомнения в том, что она была счастлива.

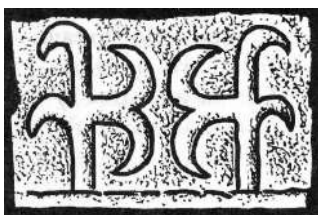
Он посмотрел на нее и испытал чувство озарения и просветления, наступающее вслед мгновенного и неожиданного внутреннего освобождения. Матиас, едва шевеля онемевшими губами, произнес:

– Лиана, – вспомнил он имя своей жены.

– Доктор, скорее сюда! Он проснулся, – взволнованно проговорила Лиана.

Подошедший доктор улыбнулся ему и произнес:

– С возвращением, Матиас!

Поэзия

Ваха ИСАЕВ

Родился 16 февраля 1960 года в селе Бамут Ачхой-Мартановского района ЧИАССР. В 1978-м году окончил Бамутскую среднюю школу №1. В 1981-ом году поступил на строительный факультет (ПГС) Сибирского металлургического института в г. Новокузнецк Кемеровской области. В 1987-ом году окончил институт, получив квалификацию инженера-строителя. Работал в разных регионах России, в разных отраслях, в том числе и в строительстве. Любит

русскую классическую литературу, особенно творчество поэтов Серебряного века. Уже много лет пишет стихи философского, лирического содержания – посвященные природе отчего края, его истории, родным и близким. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Ностальгия

Когда душу рвет горечь порою
И снадает с судьбиной разлад,
Я гитару, как прежде, настрою
На веселый лирический лад.

И костер разведу на опушке
Под покровом ночной красоты,
Прикоснувшись к гитаре-подружке,
Враз уйду от мирской суеты...

Тишина разорвется немая,
Струн желанных коснется рука,
Переливам аккордов внимая,
Разомлею под треск огонька.

Замерцают зарницею звезды,
Заскользят в синеве облака,
Уплыву в свои светлые грезы,
По былому нахлынет тоска.

И поманит родная сторонка,
Мысли в юность меня повлекут,
Возвращая к священным истокам,

В уголок мой родимый – Бамут...
Заколотится сердце в истоме...
Окунусь я, по-прежнему, в рай...
Что в блаженном родительском доме,
Где струится добро через край!

Мать залечит душевные раны,
Запоет вдохновенно душа...
Позабуду печаль и страданья,
С упоеньем от счастья дыша...

Как бывало в той младости пылкой
Соберу своих лучших друзей...
Примет мать всех радушно, с улыбкой,
Пригласит в дом, как важных гостей...

Переменится мир потускневший,
В чудных красках опять запестрит,
Будто снимок от лет пожелтевший,
Отуманенный взор озарит...

И забрезжит сиянием лунность,
По цветущему саду пройдусь...
За свою, за счастливую юность
В благодарность Творцу помолюсь!

Надышусь ароматом сирени,
Пусть недолго цветет – не беда.
Соловья задушевные трели
Обласкают мне слух, как всегда.

Тут петух прокричит на насесте,
Светом алым прольется заря,
Улыбнется в приветливом жесте,
Дню грядущему негу даря!

Разгорится рассвет, словно чудо,
Одурманит восхода краса...
И хрустальной россыпью всюду,
На траве заискрится роса...

Над рекою, с багрянцем сливаясь,
Дымкой рдяной исчезнет туман...
И, в прозрачном сиянье плескаясь,
Перед взором возникнет Марган.

Ивы, тихо, с щемящей отрадой,
Полоща в реке кудри бельем,
Под мелодию птичьей рулады
Вновь заплачут о чем-то своем.

Ветер вешний, кружась на приволье,
Пряный запах нагонит с полей.
Заколышется шелестом вольным,
Серебристой листвой тополей.

За околицей – слева дубрава,
На пригорке открытом ветрам,
Утопая, стоит величаво
В фимиаме цветенья и трав...

Полюбуюсь цветистой сланью,
С васильковой поляной сольюсь,
Притаив в умиленье дыханье,
К кроне дуба щекой прислонюсь.

В полудреме услышу, как вскоре,
Донесется мольбою сквозь сон,
Из земли, исстрадавшейся в горе,
Еле слышимый, сдавленный стон...

Нет, гитара, не пой о напасти...
И так лиха хватил я сполна...

Мне до боли знакомы те страсти,
Что накатит шальная волна...

Словно конь в торопливом аллюре,
Озираясь назад иногда,
В ледящей и сумрачной буре,
Скорбной долей промчались года...

Засидевшись с друзьями немного,
Не вернусь я под утро домой...
Мать не встретит меня у порога,
Облегченно вздохнув, что живой.

И под сенью ласкающей тени,
На задворье – в грушевом саду,
Впредь не буду сидеть я в томленьи,
Предаваясь мечтам, как в бреду...

И полет грациозный – орлиный,
Не навеет на сердце печаль...
Улетающий клин журавлиный
Не поманит с собой меня вдаль...

Не дано нам, похоже, судьбою,
Как не рвись, не моли, не проси,
Обручиться с заветной звездой,
Лишь удары смиренно сноси...

Вот стою посреди я развалин,
Будто сбившийся путник с пути...
От гнетущих мне душу терзаний
И бессилья с ума б не сойти...

От села нет и камня на камне,
Все вокруг сорняком заросло...
Что любил беззаветно я крайне
Точно вихрем зловещим смело...

В утешенье не нужно ни слова,
Ни избитых банальных речей,
Что Бамут возродится и снова
Заживет, да еще веселей.

Будь он трижды подобен Парижу,
Хоть стократ благовидней Москвы...
Меня гложет – что я не увижу
В перевозданном, в том виде, увы!

И следа нет от старой дубравы,
 Больше нет и родного села:
 Пал Бамут в бою рыцарем бравым,
 И сирень под окном отцвела...

Вот костер мой уже догорает,
 Реже слышится треск огонька...
 И звезда за звездой угасает,
 Небо тмят пеленой облака...

А гитара, пронзительным звоном,
 Звук мажорный в себе затаив,
 Источает с судьбой перезвоном
 Заунывный, печальный мотив...

До предела натянуты струны,
 До надрыва зажаты колки...
 Рок свирепый же против фортуны
 Свои волчьи оскалил клыки.

Ночная зарисовка

(в подражание Бальмонту)

Я стоял, то смыкая в мечтаниях вежды,
 То взирая с восторгом
   на мерцающий свет!
 И блистала луна,
   словно вестник надежды,
 Словно вестник надежды
   на чудесный рассвет!

И всплывали тогда из забвения мрака,
 Из забвения мрака – вдаль ушедшие дни.
 То щемило тоской,
   то в томлении сладком,
 То в томлении сердце
   трепетало в груди...

Чем я больше стоял,
   тем ясней ощущалась
 В красоте поднебесной
   Всемогущего – длань!
 И в мелодиях звуков
   земных воплощалась –
 В переливах мотивов
   за привычную грань!

Млела в неге душа, ритму пеняя внимая,

Ритму пеняя внимая сладкогласных
 певиц...

Будто ангелы разом спустились из рая,
 И спустились из рая в облачении птиц...

Я стоял, то смыкая в мечтаниях вежды,
 То взирая с восторгом

  на ласкающий свет,

И блистала луна,

  словно вестник надежды,

Подавая надежды на счастливый рассвет!

Ранняя осень

Люблю поры я ранней осень,
 Царицу радужных картин,
 Когда небес лазури просинь
 Видна, и небо без рутин...

Когда нет сумрака ненастья,
 Не гложет слякоти тоска,
 И нежась в лености от счастья
 Скользят по небу облака...

Ни мысли нет во мне, ни рвенья
 Увидеть мир в иных тонах,
 И нет желанья, вдохновенье
 Искать в туманах и ветрах...

Люблю, когда в порывах нежных,
 Зефира плещется волна,
 И в бликах ночи безмятежных
 Блистает полная луна...

И сердца трепетному взору,
 Мгновенья радости даря,
 На смену лунному дозору
 Приходит алая заря...

И, словно в красочном параде,
 Румянцем лес вокруг залит...
 Березы, в праздничном наряде,
 Полны изящества харит...

Стоят тонов прелестных розы,
 Красуясь в солнечных лучах,
 В душе рождая стаей грезы
 И блеск в восторженных очах!

**Отрывок из монолога
протестанта**

Я не страшусь ни смерти,
                                ни страданья,
Мне свойственна щемящая печаль...
Мне сладок яд моей судьбы лобзанья,
И мне чужда иной судьбы печать...

Душа моя сокрыта от вторженья,
В ней хрупкий мир непостижим толпе,
В ней есть протест и сила отреченья
От немощи потворствовать судьбе...

Пускай избрал я путь не самый верный,
И сам маршрут предвзято начертал,
Ведь я блаженству плоти эфемерной
Комфорт души стократ предпочитал...

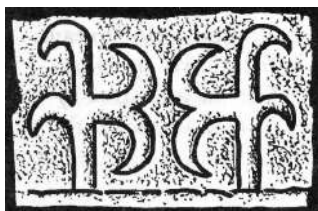
А вас мне жаль, утроб своих холопы;
Поправ глаголов праведных укор,
То жилы рвете, словно кони – стропы,
То вскачь несетесь вы во весь опор...

Но если вдруг судить меня за нравы
Продолжите и впредь спустя года,
Я буду знать, что в корне
                                вы не правы,

А вам скажу: «Увольте, господа,

Мне ни к чему ваш шепот
                                «восхвалений»,
Я так далек от этих гнусных тем...

Пусть я умру,
                                как может только гений –
Безвременно,
                                не признанный никем».

Бувайсар ШАМСУДИНОВ**Желтая ручка**

Рассказ

...Постояв немного, он молча двинулся вперед. Теперь все пропало. Все рухнуло, кто-то жестоко и легко разрушил все. Он отошел достаточно далеко, когда его потянуло оглянуться, но, охваченный странным и непонятным смущением, он не решался; разум не подчинился сердцу, да ему, честно говоря, и не хотелось как-то подчинить, упорядочить свои мысли...

...Оказывается, тот, кого любишь, может разрушить все, что у тебя есть. Тот, кто очень тебе нужен, кому ты поверил, жестоко комкает, уничтожает и закапывает в землю все, что было у тебя хорошего...

Прошло две недели с тех пор, как он познакомился с ней. Вернее, с этой улыбкой, глазами, взглядом, странным и удивительно задумчивым; прошло две недели, как эти глаза, не от мира сего, впервые встретились с ним здесь, в этом мире. И встреча та была случайной, неожиданной, в середине рабочего дня. Все смешалось: работа, которую нужно было обсудить, внезапно пропавший дар речи и мучительная попытка вспомнить, где он ее видел, когда, как и какими словами с ней говорил... Вечером того же дня, придумав какой-то нелепый повод, он пришел туда во второй раз. Пришел якобы спросить о чем-то, посоветоваться. Пришел, бесконечно веря ей, словно заведомо пытался взять на себя все ее заботы. Девушка вновь и вновь удивлялась: простые, незначительные вопросы, а он не разбирается! Он представился охранником из соседнего здания, мол, начальство требует анкету, он же не знает, как ее заполнить. Добавил, что вместе с этим учреждением готов охранять и ее, если, конечно, она захочет.

– Зачем? – улыбнувшись, удивилась девушка. – Нереально, что тебе доверят меня – охранников у меня и без тебя хватает. Ты охраняй подобных себе, это будет и лучше, и проще... – сказала она, как-то странно, словно с издевкой, взглянув на охранника из соседнего здания. Он улыбнулся какой-то мысли, но потом в сердце проснулась и зашевелилась какая-то обида, в нем заговорила гордость, захотелось поступить назло ей, унижить ее. А потом возникло желание рассказать об истинной причине своего прихода, рассказать, где, как он ее видел, сколько дней, лет рисовал, писал, создавал ее. Но он молчит. Выходит, спускается по лестнице, перед глазами – длинный коридор, потом дорога, редкие машины, сильно разрушенные дороги, когда-то проложенные людьми для себя. Развалины города и тихо, про себя, оплакивающие город жилища... Эта хрупкая начальница поставила себя намного выше, посчитала его недостойным охранять ее. Но надо было терпеть. Он ее долго искал. Почти в каждом своем рассказе, создавая образ вежливой, миловидной девушки, описывая ее идеальные черты, взгляд, глаза, рисовал, лаская каждую букву,

точку, каждый знак, вознося молитвы Богу, мечтая оживить ее именно такую. Она всегда была в его сознании, в мыслях, в сердце...

Но ее не было на земле. И не могло быть, если только Милосердный не сотворит ее в награду кому-то именно такой, какую он создал для себя. Ее не было до тех пор, пока он не встретил эту начальницу, посмеявшуюся сегодня над ним...

– В анкете, составленной тобой, была небольшая ошибка! – когда он подошел, она говорила о чем-то с другими девушками.

– А? А ты кто? А... это ты! Ты случайно не зачислил меня в объект охраны? Смотри, скоро должен приехать мой... он... Он же тебя зарежет... – девушка говорила о чем-то еще, и, глядя на него, многозначительно улыбались ее собеседницы. Он все это видел. Видел четко, ясно, это запечатлелось в его памяти, как и то, что было чуть ранее, когда он незаметно шел вслед за девушкой, возвращающейся с работы. Но теперь все выглядело с другой, мрачной стороны, и говорила она другим языком, странно жестким... В его мечтах никто, кроме него, не мог видеть эту девушку, взглянуть на нее; никто, кроме него, не мог говорить с ней, нуждаться в ней, и в ее сердце никого не могло быть, кроме него; даже если мир разрушится, до сегодняшнего дня она была подобна дворцу из хрупкого, тонкого хрустала...

...Он уже не слышал ее, обращающуюся то к нему, то к подругам, будто беря их в свидетели, хотя того, о чем она говорила, у него не было ни в сердце, ни в мыслях. Да и не хотел он слышать эти ее слова, а потому не было смысла прерывать ее монолог.

– Назови хотя бы свое имя! – сказал он позже. – Или тебе до сих пор и имя не дали? Я завтра приду к тебе... то есть, к тебе на работу, вернее, туда, где я работаю... а потом к тебе... – ему и в горячечном бреде не пришло бы в голову то, что он услышал потом...

– Больше не попадайся мне на глаза, даже случайно... Я пыталась тебе подсказать, помочь... Пожалела тебя, приехавшего из какого-то аула, даже сам не зная, зачем... – добавила она, поднявшись, странным, охрипшим голосом и отошла в сторону. Видимо, она сильно разозлилась. Надо было быстро уйти. Чтобы сразу забыть обо всем, стереть из памяти, мыслей и сердца этот светлый вечер, как будто его и не было, но он не мог.

Он ушел, судорожными глотками сдерживая в горле комок обиды и небрежно попрощавшись с девушкой, которая в ту минуту не хотела ни слышать, ни видеть его.

...Ночь, наливаясь густым мраком, была пустой и тихой. Ничего не осталось. Не хотелось ни писать, ни читать, ни думать. В эту ночь все было чуждым. Чуждым было и настоящее, и прошлое, и ожидание свершений, взлелеянное в душе, и будущее, которое неизбежно когда-то должно было свершиться...

Он ворошил, сам не зная зачем, разные записи, сделанные им за последние годы. Ворошил снова и снова, в поисках каких-то строчек, фраз, характера, легкой, единственной в мире походки, любимого им слова, изредка роняемого девушкой...

Это все было у него записано. Это все было сказано так, как ему хотелось, а потом каждое слово украшено самыми ласковыми, нежными буквами,

звуками, чтобы не забыть, закрепить в памяти, постоянно подтверждать однажды сказанное...

– Доброе утро! – на следующее утро он догнал девушку, едва она успела отойти от подъезда. – Ты на работу?

Девушка резко оглянулась, и в глазах у нее загорелся новый, незнакомый ему злой огонек:

– Слушай, уйди с моих глаз...

Дальше он не слушал. Немного помолчал. словно не от мира сего, иногда как бы превращаясь в глухонемого.

– Назови свое имя, – чуть позже просит он тихо, почти про себя...

– Мое имя Зарема, отстань... Больше не приближайся ко мне!

Говорить дальше нет смысла. Девушка, ускорив шаг, уходит. И с ним опять остается все то, что было в сердце, и все то, что он хотел ей сказать. Сказать торопливо уходящей, изредка оглядываясь на него, девушке. Он ее не корил: сам во всем виноват. И до сих пор считает это своей виной. Незачем было представляться охранником, не умеющим ни писать, ни читать, просить ее заполнить анкету. Она его пожалела, помогла и, кивнув в ответ на его слова благодарности, улыбнулась...

Может быть, тогда, в ту самую минуту, а может, через сутки, когда мысли немного успокоились, он с удивлением вспомнил эту девушку, называвшую себя Заремой; вспомнил, где и как он впервые ее увидел, какая одежда, обувь были на ней, цвет ее волос, а также то, сколько дней и какими словами он создавал ее образ... Кто бы что ни говорил, это была она. У него не было причин ни укорять ее сегодня, ни злиться на нее. Теперь он винил себя за то, что, увидев и вспомнив ее, сразу не рассказал ей, что случилось, как долго и трудно создавал ее в своих мечтах. За то, что не сказал: «Ты меня не знаешь, но я тебя знаю, я давно уже создал тебя в своих мечтах», – или что-нибудь подобное, не выдумывая ничего, не обманывая, не унижая себя и ее ложью... Но, что было, то было. Сейчас надо было попросить прощения у Заремы за все, что он сделал, а потом, если она простит, рассказать ей обо всем, что накопилось в душе. Или надо было сказать либо сделать что-нибудь хорошее, большое, доброе...

...Нет, надо подождать и встретиться с ней, когда она будет возвращаться домой, и тогда уже сказать обо всем, что он пережил за эти дни. Захочет – выслушает, не захочет – ничего страшного... Так думал он сейчас. Он опять шел к ней, вернее, пытался случайно встретиться, улыбнуться, поговорить. А потом, глядя ей вслед, радоваться и искать в ней что-то новое, дополнить нужными мазками не случайную, а давно и тщательно созданную им картину. И потом удивляться своим записям, часто перечитывая их...

Это все случилось бы позже. Намного позже...

– Зарема, здравствуй, – он удивительно легко улыбнулся девушке. – Ты сегодня задержалась...

– Тебе-то какое дело, на сколько бы я ни задержалась? – это снова она.

– Да я просто так сказал, мне еще одну бумагу, характеристику... Если ты не поможешь, я больше никого не знаю в этом городе... Если всех нужных бумаг не соберу, зарплату не начислят, да и с работы могут уволить, а я не могу потерять работу... – его голос дрожал. Он о чем-то говорил. Он и сейчас лгал. Или ему было все равно, о чем говорить. Просто нельзя было молчать.

И говорить, как есть, тоже... Конечно, это было странно, и никто не поверил бы, что так можно, расскажи он кому-нибудь...

– Тебя же не устраивало то, что я раньше для тебя написала. Ты же меня высмеял... – изменился не только ее голос, но и лицо. Совершенно преобразившаяся Зарема ласково смотрит на него, и он теряется, смущается. Он весь охвачен болезненно-жгучим пламенем, она заставляет его как-то странно сожалеть обо всей жизни, словно пытается выжать из него слезы... Он не смотрит ни вокруг себя, ни на эту странную девушку, глядящую на него в упор. Он стоит, пряча глаза от взгляда девушки, словно боится, что вот сейчас рухнет само собой, или кто-то разрушит, или отнимет у него все, что у него на душе, все, о чем он мечтал.

– Пошли, напишем мы тебе характеристику. Но больше ты не будешь унижать меня перед подружками... – девушка идет впереди.

– Зарема, я сейчас, сейчас... Можно я подойду к тебе чуть позже – мне надо заглянуть кое-куда, – он не знает, зачем говорит это. Просто так вырвалось. Или язык его не слушается. Или его мысль, или голос, или слова, случайно вырвавшиеся сейчас, но всегда жившие в нем.

– Можно. Я буду дома. Ты же знаешь мой подъезд!? – улыбается девушка, удивляя его.

– Конечно, знаю.

– Второй этаж! – он почти не слышит последние слова Заремы. Вернее, боится услышать, боится, что кто-то увидит их в эту минуту. Он оглядывается, чуть отойдя, прислушивается. Снова боится, что еще кто-то услышит эти слова. Он боится, что кто-то узнает, вернее, что встрянет какой-нибудь демон, или другая жестокая причина в этом несправедном мире, и он не сможет больше видеть ее...

...Прошло где-то полчаса, когда он подошел к ее квартире. Дверь была заперта. Он прислушался. Потом два-три раза постучал, нерешительно, словно боясь нарушить покой за этой дверью.

– А, заходи. Зайди в ту комнату, я сейчас приду, – направив его в просторную комнату слева, Зарема скрылась в другой. Он сейчас ни о чем не думал, все было безразлично. Он, наконец, увидел воочию созданный им когда-то образ в этой девушке. И в горле застревают странный, сухой комок. Он радуется чему-то своему. Но и эту радость он прячет от самого себя и отводит глаза от двери, в которой должна появиться Зарема. Про себя читает какие-то молитвы, просьбы, ведет какие-то беседы... Впервые в жизни он чувствовал в себе такое милосердие, вернее, он впервые нуждался во всем и все любил. И он боится, что, поторопившись, одним взглядом может разрушить всю сказку этой земли...

– Та-ак, значит, тебе характеристика нужна? Кстати, как тебя зовут? – сказала, улыбаясь, девушка ласковым, как шелест легкого ветра, голосом.

– Анзором. Зарема, можно я скажу тебе? – он заерзал на месте, не зная, куда податься с дивана, и осторожно, слабо улыбнулся. – Давай будем общаться не на русском, если можно?

– Тебе-то какая разница. Кроме того, твоя характеристика тоже на русском должна быть. Или... Но я не умею на чеченском. Может, кого-то другого попросишь?

Ему показалось, что девушка немного растерялась, то ли от его замечания, то ли не найдя оправдания своему незнанию языка. Он снова улыбнулся.

– Я не потому говорю, Зарема, да и не хочу объяснять. Чуть позже объясню, почему прошу об этом. Мне подойдет все, что ты напишешь. Хорошо? – он испугался, что девушка обидится, неверно истолковав его слова. Он жалеет о своем поступке. Не знает, как быть дальше. – Не надо писать ни о чем! Зарема, можно я все расскажу тебе завтра? Завтра! И о той анкете, и об этой характеристике... Можно? Я даю слово, что буду говорить только правду. Завтра, у вас на работе, или после работы...

Когда он начал излагать свой вопрос, а вернее просьбу, мольбу... девушка немного растерялась, то ли не зная, что сказать, то ли не понимая его. Потом он видит в ее глазах странную, незнакомую улыбку. Он знает, каким будет ее ответ. Ему так кажется, или он хочет верить, что знает...

– Слушай, все эти дни ты действуешь мне на нервы и сводишь с ума, – Зарема выпрямляется, отодвигая от себя бумаги, которые чуть ранее положила на светло-пестрый стол. – Анзор, я не хочу тебе грубить, лучше скажи, чего ты добиваешься?

– Не нужна мне эта бумага, и я все объясню тебе завтра, если можно... – он встает, идет к двери и уходит, кивая на прощание. Он опять не решается взглянуть на девушку.

...Вечер сегодня был каким-то странным. Или он сам был другой, не такой, как до сих пор, а сегодня впервые был самим собой, умиротворенным, для каждого находил улыбку, ласковое слово, нуждался в каждом, желал каждому добра... Или, может, жизнь в городе сейчас другая. Сегодня, впервые...

– Анзор, оказывается, и ты знал дорогу к нам? По делу или как? – он стоял у стола Зарема в ожидании, пока она закончит свои дела, когда услышал этот удививший его голос. Оглянувшись, увидел человека, с которым они были давно знакомы.

– Да просто так, по делу пришел, жду, когда она освободится, – он улыбнулся, недовольный тем, что его тут увидели.

– По делу? А она заставляет тебя ждать, занимаясь другими делами. Вот они странные! Не знают, кто есть кто и как с кем себя вести. Я же недавно две недели не мог добраться до тебя... Давай свои бумаги, я сейчас сам... – думая, что он, действительно, пришел по служебному делу, этот человек пытался помочь. Ему впервые стало стыдно. Сказав девушке, что подождет на улице, вышел. Длинный коридор, широкая лестница, бесконечно снующие туда-сюда люди... На улице стало немного спокойней. Или, вернее сказать...

«Опять все пропало!» – подумал он. Ему захотелось уйти, но он не имел права, он обещал, обещал подождать на улице...

– Пошли, может, мне прямо сейчас написать для тебя автобиографию или заявление... – подошедшая девушка разговаривала то ли сама с собой, то ли с ним. Он оглянулся. Надо было что-то говорить. Или попросить немного... на одно мгновение терпения.

– Давай на минутку присядем где-нибудь. Ровно на одну минуту! – он медленно поднял на нее глаза. – Я объясню! Я расскажу тебе все. Я ничего лишнего... я не назло... унижить... – в горле застревает тяжелый комок. Слова, вырывающиеся из глубины, обжигают горло...

– Пойдем, сядем вон там, – сказала девушка, – я не могу долго задерживаться. У меня мама больная.

Он немного успокоился. Вернее, пришел в себя. Ему показалось, что Зарема не слишком на него злится.

– Прости меня за... Мне не нужны были эти бумаги, мне просто хотелось видеть, как ты пишешь, иметь что-то, написанное твоей рукой, чтобы в уединении любоваться им... – он спокойно смотрит в глаза девушке, присаживаясь на разбитую скамейку, уцелевшую перед высотным домом, разрушенным войной.

– Я знаком с этим вашим сотрудником, где-то видел его, хотя имени и не помню. Мне было очень неприятно то, что он говорил тебе. Если быть честным, то мне нет прощения за все, что говорил и делал до сегодняшнего дня...

– Это наш начальник – Магомед. Как и ты, он высмеял меня. Я сказала ему, что ты охранник из соседнего двора, а он смеялся... – не поднимая головы, склоненной на тонкие пальчики, она говорила с ним, словно сама с собой.

– Больше этого не будет, – повторяет он снова. – Я больше не обману тебя. И другим не позволю.

– Ну-ну, и что дальше? Какая я глупая! Мне же девчонка из нашего двора говорила, что как-то видела тебя по телевизору. А я внимания не обратила. Я так старалась для тебя, вместо тебя писала бумаги, заполняла анкеты, ведь ты – охранник с соседнего предприятия, не умеющий правильно даже одно слово написать... Это ты не умеешь писать, ты, ты же... – девушка не давала ему рта раскрыть. Он опять же сам во всем виноват. – Я не хочу тебя видеть, Анзор. Давай не будем сегодня ни о чем говорить. Сейчас я уйду. Потом, в другой раз... все потом... можно? – она ушла, взяв свою маленькую кожаную сумочку с бледно-алыми квадратами...

Он остался сидеть, а хотелось окликнуть ее. Он же лишь негромко, сам себе сказал несколько слов. Какие только мысли не лезут в голову?! Или нет никаких мыслей... Вечер наступает быстро. Все замирает, исчезает. Солнечный день, люди, дома, разрушенные прошедшей войной, город, некогда столь большой, прекрасный, чистый.

...Ночь была спокойной, лишь изредка доносился одиночный оружейный выстрел. Он ворошил свои бумаги, исписанные когда-то, в разные годы. Опять что-то искал. Не находил. Он помнит, что в одном его рассказе, написанном несколько лет назад, было точное описание сегодняшних событий. Воссоздана вся картина! Во всяком случае, эту девушку он искал уже тогда, рисуя ее неуловимый образ со своеобразным взглядом, непохожую на других людей, искал, не зная ее имени, голоса, походки. Но она не была ею. Или была? Та, которая когда-то, оставив его глядеть вослед, летним вечером ушла к заходящему солнцу по светло-белым цветам, в поисках... еще более чистого цветочка.

...Она и сегодня ушла. Но сейчас, сейчас она сказала, что не хочет его видеть, не хочет говорить с ним. Ушла, обронив эти несколько слов. Тогда завтра или послезавтра, встретив ее снова...

...На следующий день утром он приходит к девушке. Дверь открывает пожилая женщина. Когда он произносит имя Заремы, женщина идет в квартиру, окликающая девушку. Проходит некоторое время. Потом голос Заремы,

разговаривающей с той женщиной, звон посуды из кухни... он все улавливает в этот момент.

– А, Анзор, это ты? Заходи. Зайди вот сюда. Я сейчас... – через некоторое время девушка входит к нему. Входит легкой походкой, тот же голос, взгляд... Да, все ее черты кажутся одинаково хрупкими, все... Он молчит. Сидит неподвижно, глядя на нее. Вспоминает, где и когда он видел и как описывал в одном из своих рассказов это алое, длинное, обрамленное белой бахромой платье, которое сейчас на ней.

– Рассказывай, зачем пришел? – это голос девушки. Он прозвучал неожиданно. И сбил его мысли. Поняв ее вопрос, он не находит ответа.

– Что? – заглядывает он в глаза Зареме. Он удивляется, словно не он пришел к девушке, а она пришла к нему. – Просто пришел. Я разве не говорил, что приду сегодня? – роняет он тихо, не зная, что и как говорит. В это мгновение ему безразлично, что говорить, хочется просто глядеть на нее, отыскивая в ней, в ее взгляде что-то новое, незнакомое, хочется ее спровоцировать, чтобы она что-то сказала... Да, чтобы потом, наедине, думать над каждым ее словом, радоваться им, а потом с надеждой прислушиваться ко всему... – Пойду я, – он медленно встает, глядя в сторону двери.

– Подожди на улице, Анзор, – тихо сказала девушка за его спиной. – Я сейчас выйду, хорошо?

– Хорошо...

– Я не могу вести с тобой подобные разговоры, – тихим, незнакомым, новым голосом говорит она ему на улице. – Ты прости меня. Я знаю, что у тебя на сердце. Но все же, все же я... Я... Тебе это не нужно, это мое... – она быстро вернулась домой, обронив эти несколько слов.

Он глядит вслед, удивленно, растерянно.

Ему хочется окликнуть ее, зайти к ним, говорить с ней о чем-то. Говорить, оправдывая ее во всем...

...Но все остается как есть. Он не окликает ее, не идет вслед за ней. Наоборот, медленно направляется в другую сторону, закуривая новую сигарету и пытаясь забыть все прежние слова, все, что было в сердце, размышляя над тем, что она пыталась сказать. В этот момент кажется, что все, о чем говорит Зарема, незначительно. Или не кажется. Внимательно прислушавшись к себе, он понимает, что ему хочется, чтобы так и было. Именно так, чтобы она без слов понимала, что у него на сердце, знала все, чего он хочет, чтобы все было красиво и хорошо, как в сказке, и Зарема, словно ребенок, улыбалась ему...

– Анзор! Тебе принести что-нибудь? – он сообразил, где находится, лишь услышав голос подошедшей девушки, давней своей знакомой.

Он сидит под навесом маленького летнего кафе, расположенного неподалеку от дома Заремы.

– А, это ты? Да, принеси, пожалуйста, кофе. Как дела?

Девушка, кивнув – мол, все хорошо, – исчезает. Она – соседка Заремы. Или какая-то дальняя родственница, а может, подруга. Когда-то они долго жили вместе, она сама ему как-то это рассказала, давая, между прочим, понять, что огорчена его увлечением подругой...

– Анзор, давай, и я попью с тобой кофе? – подходит она чуть позже, неся две чашки.

Он поднимается, предлагая ей присесть.

– Как ты? – улыбается он, как улыбался всегда при встрече с ней.

– Хорошо. Ты сегодня не работаешь? Или теперь твой офис в нашем дворе? – девушка и сейчас, как всегда, на что-то намекает. Пытается с ним шутить, или провоцирует на разговоры о Зареме. Но он не в настроении: он не знал, что и как будет говорить о ней. Как и то, что может сказать она.

– Мне нравится сидеть здесь, вот на этом стуле, – отвечает он, не спеша, как будто не слышит вопросов, заданных ею. – Тем более, когда ты угощаешь кофе, пирожным.

– Угостить не трудно. Ты сильно изменился в последнее время. Об этом, кстати, многие говорят, и ты знаешь, как я огорчена, – девушка опять улыбается, помешивая ложкой в чашке, что стоит перед ней. Он, улыбаясь, делает вид, что слушает. А в общем, показывает, что ему безразлично, о чем она говорит.

– Кто еще говорил, что я изменился?..

– Я не назову имен, но говорят те, кто хорошо тебя знает, – она смотрит на него долгим взглядом.

– И не говори, лучше скажи, что говорит Зарема? – он не знает, почему против своего желания он задал ей этот вопрос. И кто заставлял его спрашивать об этом. Ему показалось, что девушка, сидящая напротив, изредка делая глоток кофе, вдруг растерялась. Потом улыбается, пытаюсь все свести к шутке.

– Что она может сказать? Тебе принести еще кофе? Говорила, что ты издеваешься. Она... – девушка пытается что-то сказать. Но он не понимает, о чем говорит подруга Заремы или дальняя родственница. Он слушает, не понимая, спрашивает ли она о чем то или советует что-то, а может, на что-то намекает. – Когда мы собираемся по вечерам, она постоянно тебя ругает. Я только недавно узнала, что она говорит о тебе. Что ты ей плохого сделал?.. – спрашивая, смеется девушка. Хотя ее слова он слышал четко, весь разговор проходит мимо его внимания. Сидя спиной к проспекту, он и сейчас незаметно глядит на двор Заремы. А там, кроме строителей, завершающих работу, никого не было видно.

Потом он поднимается, и девушка, подошедшая к нему как бы шутя, глядит на него удивленно, как на сумасшедшего. Позже они простят друг друга...

...Кто бы и что бы ни говорил, но это была она. И он узнал ее... Ему опять приходит в голову мысль пойти к ним после работы. Но не идет. Уходит, и в сознании всплывают слова, сказанные ею при расставании, ее взгляд...

...Сейчас все стало непонятно, жизнь как-то круто обрела истинный облик, жестокий и одновременно хрупкий настолько, что все могло быть разрушено любой его мыслью... А по-другому в этом мире быть и не могло. Люди этого мира не подпускали к себе других, и любой человек нетерпимо относился к тебе. Для них важнее всего внешняя сторона, нужно лицемерить, хитрить... Или надо было всегда говорить о том, чего никогда не было и быть не могло... Только тогда могли тебе поверить и уважать тебя за эту «правду»...

...Через неделю, придя к ней на работу, он обо всем поведал Зареме. Она слушала. И отрицательно качала головой, словно говоря: «Так не бывает, не обманывай меня, не говори так...» Он не решился подтвердить свои слова клятвами, спустился по широкой лестнице, на мгновение забывшись, прошел мимо случайно встретившегося ее начальника.

Много позже Заремина подруга из кафе скажет ему: «Анзор, я очень рада, что ты все понял: это не твоя девушка. Ты знаешь, как я поначалу удивилась, что ты в ней что-то нашел...» – пыталась она дополнить свою мысль. Он улыбнулся, прикусив губу. Да и сказать было нечего... В горле болезненно застрял большой ком...

...На какое-то время все превратилось в сон. Или какой-то мираж этой жизни...

Через одну-две недели, как бы случайно, вновь видит Зарема. Она сейчас не та, прежняя. Или та. Ему кажется, что ей не хватает чего-то, что было у той, которую он знал до того, как познакомился с ней. Или эта была не та, а он просто обманулся. Чего-то недостает, требует дополнения... А для всего этого необходимо время. Время – чтобы искать, найти этот недостаток, исследовать каждый звук, букву, потом, удивляясь, обмануться ею...

– Прости, – говорит он, наконец, запинаясь, – так нельзя было. Человек, сколько ни возвышай его, все равно остается тем же... А я... – он берется за блестящую желтую ручку раскрытой двери и выходит.

В этот день Зарема хочет что-то сказать ему. Или ему кажется так, кажется, что ей надо что-то досказать, и у него что-то осталось недосказанным... Но девушка промолчала, промолчал и он.

...Через несколько месяцев товарищ, случайно встретившись с ним, настойчиво уговаривает его поехать с ним в город для встречи со знакомой девушкой. Ему неохота видеть этих знакомых, общаться с ними, лицемерно улыбаться им. Но, в конце концов, соглашается, берет с того слово, что они долго там не задержатся... Покружив по грязным улочкам, они оказались в центре города:

– Мы приехали, – улыбается товарищ. Она здесь работает, пошли... – и глушит двигатель машины.

И тут, подняв глаза, он снова видит какую-то странную картину. Да, это то самое здание, на которое он клятвенно обещал самому себе никогда больше не смотреть. А потом все, что было с ним связано, все, что оставалось в сердце, все...

– Ты сам иди, мне неохота, я в машине посижу... – говорит он с легкой улыбкой. – И передай привет от меня, скажи, что у тебя друг в машине остался... Ладно?

Тот вышел. И поднялся по широким ступеням лестницы, по которой когда-то радостно поднимался он сам. Зарема работала в этом здании. На втором этаже, в крайнем кабинете, где на стенах длинного коридора виднелись влажные разводы от подтеков, проступающие сквозь краску. Потом старая железная дверь справа, ведущая в ее кабинет, старый стол синеватого цвета, стоящий у окна, стул, в комплекте к столу, но сейчас выцветший, смуглая женщина, сидящая за столом напротив...

В одно мгновение он вспомнил все детали этого кабинета. Память воспроизводила все настолько четко, словно он видел сквозь старые кирпичные стены...

Теперь зима, глубокий снег, редкие машины, какая-то мерзкая, жестокая стужа. Была осень, осенний вечер, когда он пришел сюда в прошлый раз... С тех пор прошло более четырех месяцев. С тех пор, как он ушел, наконец-

то расставшись с этим местом и обещая самому себе больше сюда не возвращаться... Но сейчас, сейчас та же самая широкая лестница, мощная, из сухого дерева, широкая старая входная дверь... Там... Где-то там Зарема, которую он, так ей ничего и не объяснив, оставил в тихом ожидании...

Он осторожно открыл дверцу, вышел из машины. Скользящая, обледенелая лестница, дверь, длинный коридор, второй этаж... Шаг все убыстрялся. Ноги сами несли его... Пройдя немного и повернув направо, он увидел знакомый длинный коридор и железную дверь, и в двух шагах от двери Зарему и своего товарища, беседующих о чем-то... Сейчас все выглядело странным, уродливым, грязным, угрожающим. Дальше его ноги не идут. Впереди вырастает невидимый забор, или гора, или что-то непреодолимо высокое, достигающее до самых звезд. Потом длинные лестницы, Зарема... вежливая, хрупкая, с глазами, полными слез... Та, которая была когда-то, пять-шесть месяцев назад. Ее подруги, едва с ним знакомые, но постоянно говорящие о ней полунамеками, их недовольство Заремой, которое они не скрывали от него... Он возвращается и садится в машину, глубоко затягиваясь сигаретой. В горле першит, и он чувствует большой ком, застрявший в нем, а в голову лезут всякие воспоминания, мысли...

Много позже, когда заработал двигатель и его спросили: «Ты не замерз здесь?» – он понял, что товарищ уже вернулся.

– Не замерз, я немного походил по улице. Ну, что? – слабо улыбнулся он.

– Да ничего, сумбур какой-то. Но это не наше дело. Тебе никуда не надо?

– Нет. Поедем домой, надоело мне...

– Как надоело? Сколько ты не был в городе? – он смеется, оглядываясь на него. – До сих пор жил здесь, а сейчас... Ты разве не скучаешь? Или собираешься навсегда остаться дома, в селе...

– Посмотрим. Поехали... – когда он не поддержал беседу, товарищ тоже замолчал.

Он не спросил и про Зарему. Молчал, размышляя. Изредка глядя в окошко, вспоминал о чем-то...

...Пару месяцев назад он оставил работу. Оставил и этот город, и здешнюю жизнь, и все, что было в городе... Сейчас все это осталось только в воспоминаниях. И в ожидании всего, что было там... В селе очень хорошо, во многих отношениях лучше, и с людьми легче. Но, но... чего-то не хватало, что-то не удовлетворяло, и это что-то он не мог найти, сколько ни искал... Днем занимался домашними делами, возился во дворе, вечером заходили посидеть друзья, товарищи, а ночью допоздна сидел за бумагами, писал. Время от времени пытался писать и о Зареме... Но все, что связано с ней, по большей части выходило похожим на сказку, или нереально грандиозным, слишком похожим на сон. Все написанное сжигал, не завершая, зная заранее, что из этого выйдет, уничтожал, вспоминая как сладкий зыбкий сон ночи. Не догоревшие листы он комкал и выбрасывал, пока никто их не увидел. Это тоже были сказки. Сказки. Которые он сам себе создавал, а потом сжигал, хотя они манили его, звали к себе. Или это был новый мир. Один. Где не разрушенный войной красивый город, высокие чистые дома, освещенные ночными фонарями улицы, вдоль которых растут удивительные тропические цветы, и во всей этой идиллии одна она, Зарема.

Больше в свой город он никого не пускал. Даже сам не заглядывал, боясь помешать...

– Анзор, давай еще раз съездим в город, – он возился во дворе, когда тот же самый товарищ, что ездил с ним к Зареме, зашел к нему. – Если хочешь, там и переночуем... Или вернемся часа через два...

– Кому охота туда ехать? Поезжай сам. Ты же видишь, я занят, – ему сегодня не хотелось говорить о городе. Даже смотреть в ту сторону. Вспоминать город. С тех пор, как они вернулись оттуда, прошло несколько дней, и он о многом передумал. И дал самому себе немало обещаний...

– Зачем тебе туда?

– Да ничего особенного: надо побывать там, где мы были в прошлый раз. Я не могу не поехать. Некрасиво будет! И ты не пошел со мной, хотя я тебя попросил, – речь гостя показалась ему странной.

– Послушай, зачем мне надо было туда заходить?

Отложив молоток, он повернулся к оторопевшему товарищу. Тот непонимающе улыбнулся...

– Анзор, я хочу познакомить тебя с девушкой. Ты не представляешь себе, какая она хорошая. Я давно знаю их семью и ни разу не видел, чтобы она на кого-то обратила внимание. Ее зовут Зарема. Она сестра моего друга, а того нет дома. Недавно друг по телефону попросил меня оказать ей одну услугу. Но у меня не получается. Ты тоже заперся дома, а у тебя же там немало знакомых...

Тот и дальше о чем-то говорил. Но он уже ничего не слышал – все, что было нужно, он услышал. Дальше нечего было и слушать. Сейчас он казнил себя. И отвергал все жестокие мысли последних дней...

– А, что с ней... с этой Заремой, почему раньше не сказал? – быстро спрашивает он дрогнувшим голосом. – Что ты должен был сделать?..

Он вспоминал ее такой, какой видел в последний раз. Всколыхнулась обида от понимания того, что у нее на душе, и жалость, тайно вызванная тем, что он не успел ей сказать...

– Но ты же не даешь объяснить. Уже два-три месяца, как ты чем-то не доволен.

– Скажи, что случилось и что нужно... – с одной стороны он очень не хочет, чтобы товарищ узнал о его знакомстве с Заремой. И поэтому стесняется. Но желание все узнать побыстрее подталкивает его...

– Ничего особенного не случилось, просто она хочет уйти с работы. Ее брат попросил меня подыскать другую работу, так как сам он не может приехать. У меня с этим ничего не получается... Я не знаю никого из чиновников. А не работать она не может. У нее дома никого, кроме матери, нет, – друг и дальше что-то продолжал говорить. Но он уже больше ничего не слышал. Теперь все прояснилось. Его сказка, вчера разрушенная, как и его родина, город, село... вновь стала оживать. Начали восстанавливаться разрушенные города, таять сковавший всю землю снег, заулыбались цветы, и с них Зарема, какой он оставил ее когда-то, сам, стремящийся быстрее с ней встретиться, но удерживаемый какой-то мыслью...

– Я знаком с руководителем той организации, где ты был. Если у нее проблемы там, нельзя ли их решить на месте? – сказал он, радуясь, что с ней не случилось ничего серьезного.

– Нет! Она сказала своему брату, что не останется там.

– Подожди тогда, я скоро выйду, – оставив ошарашенного друга, он зашел в дом. Не зная, что делать, оглянулся вокруг. Но поехать сейчас в город он не мог. Не мог допустить, чтобы Зарема его увидела. Или даже напомнить ей себе, даже если мир перевернется...

– Возьми, – говорит он, выходя. – Рамзан, которому я написал эту записку, мой друг. Поезжай к нему на работу по этому адресу и скажи, что я просил его принять эту девушку на работу. Еще передай, что скоро я сам зайду. А тебе самому к Зареме заходить незачем, я сам с ней встречусь.

Когда он выходит, неожиданно назвав ее имени, гость с удивлением смотрит на него. Не говорит ни слова. Забирает записку. Быстро уходит, пообещав зайти вечером. Он глядит ему вслед, охваченный странной тоской.

Сегодня день не очень холодный. Хоть солнца и не было видно, мерзлая земля подтаивала. По-видимому, собирался снегопад. Небо было слишком светлым. Он зашел в дом. Присел, какое-то время испытывая досаду на самого себя из-за того, что не поехал в город. И неожиданно радуясь, вспоминая, как он себя вел, о чем думал эти несколько дней. Он улыбался как ребенок. Кто бы что ни говорил, кто бы что ни писал, он теперь точно знал одно – свое всегда должно оставаться своим. Для себя. И больше ни для кого. И если приходит мысль, что это может принадлежать еще кому-то, человек может делать все, чтоб не видеть этого. Человек может, не моргнув глазом, покинуть этот бранный мир и предстать перед Богом, чтобы не разочароваться в своем мире. И нет никакой разницы, что это: собака, курица, берег какой-то, старый, маленький домик... Всевышний каждому на земле дал столько, сколько он способен увидеть и сколько он хочет увидеть. Он позволял увидеть столько, сколько необходимо человеку, сколько в силах охватить его мысль, разум, и для каждого сотворил свое...

Он писал, когда в вечерних сумерках его окликнули через окно:

– Анзор, он просил тебя зайти к нему и был очень недоволен, что ты исчез... – это был Рамзан, ездивший в город и теперь, улыбаясь, рассказывавший ему о чем-то.

– Заходи, – приглашает он, выходя ему навстречу. – Ты видел его?

– Видел, мы вместе ездили к Зареме. Ее не было. Он сказал, что вечером опять поедет туда, а я вернулся. Анзор, ты мне очень помог. Ты не представляешь, как мне было тяжело от своего бессилия. Я обязательно скажу Зареме, что это ты все сделал, и познакомлю вас. Знаешь, какой она хороший человек!

Рамзан продолжал о чем-то говорить. Он слушал. Вернее, он его не слушал и не слышал.

...Она о чем-то задумалась... Ничего не говорит, роняет несколько странных фраз и опять молчит. И глаза ее какие-то влажные, покрасневшие, и лицо...

Она в тот день была именно такой. Да, пять-шесть месяцев назад. В этот синий, странный, удивительный несчастный вечер, в этом разрушенном, уничтоженном городе, с этими оплакивавшими себя тихо жилищами, с улицами, забитыми мусором, с подругами, не скрывающими радости, если он отзывался о ней плохо... Через несколько дней он ехал из непонятого им города, досадуя на себя, глотая обиду и поклявшись никогда больше даже не смотреть в ту сторону...

– Я устал, – сказал он начальнику, объясняя причину увольнения. – Устал, надоело все. Отдохну немного...

И ушел, провожаемый ничего не понимающим взглядом взрослого, годящегося ему в отцы человека. Много передумав, переночевав в пустой квартире, он утром вернулся домой, в родное селение.

– О чем ты так глубоко задумался, Анзор? Ты что-то скрываешь от меня. Не хочешь поделиться? Более того, и этот твой друг из города не понимает, почему ты так неожиданно уволился с работы.

– Он обещал выполнить просьбу? – не глядя на него, опять спрашивает Анзор, лишь бы говорить о чем-то, пытаясь дать понять гостю, что далее он здесь лишний.

– Обещал, вернее, сказал, что не может тебе отказать. Мне кажется, ты должен навестить его. Если хочешь, поедем вместе, ты встретишься с ним, а я познакомлю тебя с Заремой...

– Рамзан, не надо меня ни с кем знакомить. И не называй мое имя этой девушке. Не надо... Я потом сам поеду, позже. Ты зайдешь?

Гостя задел его тон, и он, попрощавшись, быстро ушел. А он все стоял, прислушиваясь к чему-то. В этот вечер он вспоминал о многом. И последний разговор с этой странной девушкой, и ее слова, и все то, что он не успел сказать, но хотел, и все, что она говорила, не отрываясь от экрана компьютера, словно пряча лицо... И ее подруг, столь уважаемых и любимых ею, со странными характерами, прямо противоположными, которых он до сих пор не понимал... И все, что было до того, как случайно он нашел ее в городе, познакомился с ней...

...Оказывается, друг на следующий же день взял Зарему на работу. Он увидел ее там недели через две. Сначала утром, издали, идущую на работу своей неторопливой, удивительно мягкой, нежной походкой, потом сквозь стекла маленьких окон невысокого, окрашенного желтоватой краской здания. Она снимает с себя темно-серую куртку, кладет на стул... Он подошел поближе и смотрит на нее сквозь стекла окон, весь уйдя в воспоминания. Зайти не решается. В голове путаются мысли.

И сейчас ему кажутся смешными обещания, которые он давал себе, покидая ее в последний раз... У девушки в кабинете два-три желтоватых стола, полдюжины стульев. И за высоким, длинным, стоящим у окна столом она что-то пишет. Он, глядя на нее, замирает у порога. Слабо улыбается. Девушка поднимает взгляд, потом удивленно улыбается, вскакивает, словно собираясь пойти навстречу, побежать...

– Анзор, куда ты пропал? Где тебя носило?

Он теряется от этих вопросов. Оглядывается вокруг. Отходит от двери. Это вопросы, которые не требуют ответа, на них ответы не нужны. Да и смысл их не оставляет места для его слов...

– Как ты живешь? – он опускается на стул, стоящий от девушки поодаль.
– Ты теперь здесь работаешь?

Девушка утвердительно кивнула:

– Уже две-три недели, как я сюда перешла. Хорошие люди помогли, здесь намного лучше, и людей меньше. Как ты узнал, что я здесь, или ты...

Последние слова Зарема произносит, слегка улыбаясь. И тон какой-то другой, слишком ласковый...

– Как здоровье твоей мамы?

– Хорошо! Лучше расскажи, куда ты пропал. На меня разозлился, всем говорил, что больше не будешь со мной разговаривать...

– Зарема, давай не будем обо всем этом, немало времени прошло. Я сейчас уйду. Утром случайно увидел тебя, входящую сюда. И подумал – может, она теперь здесь работает?

– Действительно, здесь. И начальник хороший. Говорит, что сверху попросили принять меня на работу... – с одной стороны, ее слова задевали, но, с другой стороны, ему показалось, что она не хочет ни задеть его, ни обидеть. Это было приятно. Захотелось быть причастным к ее радости. Но нельзя. Несмотря на то, что она немного изменилась, похудела, она была все та же, та самая, которую он когда-то вычеркнул из своей жизни: с теми же глазами, взглядом; порой торопливая, порой медлительная речь. Та самая, у которой глаза наполнялись слезами от жалости к себе, если ты бывал с ней хоть немного ласков...

– Да поможет тебе Бог! – обронив эти несколько слов, он поднимается. Оглядывается вокруг. Не знает, что предпринять дальше. Куда идти, что ей сказать, о чем говорить... – Пойду... Я был в селе, отдыхал, знаешь, как там красиво... Простые, вежливые, милые люди...

Ему кажется, что она удивилась тому, что он поднялся и идет к двери. Когда он вышел, Зарема выходит вслед за ним. Глаза покраснели, а лицо разругалось, произносит беззвучные, неслышные слова... или это неуверенно вздрагивают губы...

– Если ты не против, я иногда буду заходить. Возникнет какая-либо проблема, скажи мне, я постараюсь помочь. Хорошо? – он, неожиданно обернувшись, смотрит на нее.

Она кивает. Молча. Остается стоять на месте. Заходит в здание, когда он, не спеша, пропустив несколько машин, переходит широкую улицу.

Через неделю в селе он случайно встречает ее подругу, та шутит, упоминая и Зарему, и оставленный им город. Он в ответ молча улыбается. А та продолжает говорить что-то.

– Что бы ты ни говорила, а дома лучше. Хочешь – возишься по хозяйству, не хочешь – делаешь что-то другое... Я как-то даже жалею о времени, проведенном там, – ему хочется прекратить этот разговор. При следующей встрече не смотреть на эту девушку, не здороваться с ней.

– Ты живешь здесь, у себя дома... А та, столь уважаемая тобой, она уже на новую работу устроилась!... Ты знаешь, как ее новый начальник уважает?... – как будто назло сообщает ему приятельница Заремы.

Он промолчал. Пару раз кивнул.

– Оставь ее в покое. Это же хорошо, что ее кто-то так уважает и любит. Мне-то какое дело...

Неожиданно все проясняется. Он понимает, что ей нужно, чего она от него добивается и что она будет потом рассказывать. С одной стороны, это ему безразлично, но с другой – она же ведь может рассказать такое, что ему и в кошмаре не приснится...

Прошло довольно много времени, пока он вновь увидел Зарему. Это был светлый день ранней весны, удивительно теплый, только кое-где белеют не успевшие растаять снежные сугробы. Он в тот день был в городе по делу.

У одного из корпусов университета, на окраине города, кто-то хватает его сзади. Оглянувшись, он видит своего старого друга.

– Добро пожаловать! – смеется тот. – Парень, где тебя носит? Что пропал бесследно?

Он слушает, время от времени роняя ответные фразы:

– Живу в селе, я же приглашал в гости с ночевкой.

– Как же я приеду в гости, если не знаю твоего адреса? Нельзя же вот так, неожиданно, исчезать... Мы, твои друзья, товарищи... – друг о чем-то говорил, что-то вспоминал. И время от времени упрекал его в чем-то...

Он приходит в себя только тогда, когда тот со словами: «Выходи, приехали», – высаживает его из такси. Только тут он понимает, куда его привезли. Мгновенно в голове все путается. Все это обжигает глаза. И ком в горле, и друг, что-то оживленно рассказывающий... А он ничего не слышит. Он был в плену воспоминаний: все проходило перед мысленным взором. И все это замерло, застыло в здании, перед которым они сейчас стояли...

– Зайдем, выпьем по чашке кофе. Потом – ко мне, с ночевкой...

Он пытается возразить, отказывается. Но тот не слушает. Схватив за локоть, заводит. Там две девушки и мужчина старше него лет на десять, пишущий за столом чуть поодаль. Стол Заремы у окна пустует. Когда он, входя, здоровается, все встают. И незаметно, по одному, выходят.

– Анзор, – говорит друг, когда, поставив кофе, девушка выходит, – эту твою родственницу, о которой ты просил, я принял на работу. Она скоро придет, пошла куда-то по делу.

Он кивает, прерывая поток своих мыслей.

– Спасибо. Я знал, что ты ее примешь. Как она работает?..

– И не спрашивай: я без нее как без рук. Очень предана работе. Иногда, наедине с собою, я даже благодарю тебя, хотя ей сказать об этом не решаюсь.

Тот уже перешел к другим темам, когда осторожно, открыв дверь, вошла Зарема. Он оглянулся. Девушка неожиданно изменилась в лице, в широко распахнутых глазах застыло удивление, дрожащие губы и приветственный кивок им обоим.

Он поднимается со своего места, резко, словно собираясь броситься к ней. Потом медленно опускается. А друг смотрит то на него, то на Зарему. Не понимая происходящего, он теряется и не находит, что сказать. Девушка подходит к своему столу. Выдвигая стул, садится. Молчит. Беззвучно шевелятся губы. И изменившийся цвет лица, застывший взгляд.

– Зарема, ты что, не узнаешь своего родственника?

Это его друг неожиданно нарушает тишину. Она поднимает голову. И прежде чем она успела ответить, Анзор говорит ему, слегка улыбаясь:

– Перейди, пожалуйста, в другой кабинет. Иди, я сейчас – мне надо кое-что обсудить...

Тот встает и, удивленно взглянув сначала на девушку, а потом на него, ставит на стол чашку и выходит. Дверь за ним плотно захлопывается... Как только он вышел, девушка вскочила и рванулась к нему. Останавливается совсем близко, судорожно глотая, шевеля дрожащими губами. Он слушает. Молча...

– Анзор, зачем ты так сказал? Он же намного старше нас. К тому же, он наш руководитель. Что он подумает... Прежде, чем говорить ему неправду,

почему ты не договорился со мной? Да что я говорю, ты такой же, каким был до сих пор... – Зарема что-то говорила, то бледнея, то краснея, то с улыбкой в глазах, то со слезами, не давая ему и слова вставить.

Он слушал, не зная о чем и как говорить.

– Лучше расскажи, как твои дела, – он вновь легко улыбается девушке. – Думала, я исчез и ты освободилась от моего присутствия? – добавил он.

– Что ты ему сказал, что он сейчас подумает? – Зарема растерялась, не зная, как объяснить его поведение. Было ясно: она думала, что человек, которого он попросил выйти, был ему абсолютно незнаком. Объяснения она не слушала.

– Или ты помолчишь, или я уйду, – разозлившись, вскакивает он. – Если ты будешь продолжать, я сделаю так, что он больше никогда тебе слова не скажет.

Девушка слегка задумывается. Потом глубоко вздыхает, к ней возвращается нормальный цвет лица, речь становится спокойной...

– Анзор, ты подожди на улице, я скоро выйду. Только не уходи, я должна рассказать тебе об одном, одном...

Он, кивнув, выходит, идет на улицу, останавливается, немного отойдя от их учреждения...

– Анзор, он же тебе в отцы годится. Некрасиво так, да и не этично это. Ты же постоянно учил меня этикету. А сейчас сам... Ты не знаешь, как хорошо он ко мне относится... как к родной дочери. А ты... ты... неудобно...

Зарема говорила мягким, нежным голосом. Они сидели за белым столиком кафе, располагавшегося неподалеку от ее работы.

– Давай не будем об этом больше, – улыбается он ей. – Если возникнет проблема по моей вине, я ее решу. Что же ты так растерялась?

– Не растерялась я. Просто я знаю, как он меня опекал эти несколько месяцев. Я даже иногда удивлялась. Да и на работу к нему я устроилась, как в сказке. Я ни слова не сказала, он сам приехал, пригласил...

Ему показалось, что глаза Заремы опять покраснели. И тон какой-то просительно-тихий:

– Человек не должен забывать добро!

– Зарема, ты ничего не знаешь. Ты еще ребенок. Ты раньше всегда говорила, что это я не даю тебе взрослеть. А сейчас прошел почти год, как я тебе не надоедаю. И все равно ты не повзрослела... – он говорил, сдерживая смех, а она и слушать не хотела...

– Анзор, ты до сих пор без работы. Правда? – Зарема опять взглянула на него. – Если хочешь, я попрошу, чтобы тебя приняли к нам. Тогда... тогда каждый день...

– Что – каждый день? Тебе нужен здесь кто-то, чтобы каждый день ссориться, да?

– Зачем? Не говори так. Ты сам все сводишь к этому... Как бы я не хотела... Но, может, у тебя само собой получается, я не так хотела сказать, просто ты все воспринимаешь наоборот...

– Я не умею, как вы. Я не такой... – он глядит ей прямо в глаза. Зарема быстро отводит взгляд. И, попытавшись что-то сказать, застывает, глядя в сторону...

Изредка делая глоток кофе, он некоторое время молча слушает. Она какая-то холодная, беззащитная, словно замерзла. Зарема вновь и вновь предлагает

ему устроиться на работу в городе, оставить село. Он слушает. Потом, когда они выходят, он со словами «увидим», кивает...

В этот вечер он снова вспоминает все. И она напоминает ему обо всем. И все выстраивается так, как ему хочется, словно в кино. А потом, наедине, приходит и былое, и мысли...

Ему снова хочется пойти к Зареме. И долго слушать ее. Но не решается: как она отреагирует?

Он едет домой. Идет неспешной, нетвердой походкой, иногда ловит попутку, думает длинной дорогой и беседует сам с собой.

Вечер выдался прохладный. Он доехал только после наступления сумерек. Некоторое время работает дома, пишет, потом поздней ночью выходит во двор, на улицу, заходит к соседям и о чем-то говорит.

В тот вечер начальник расспрашивал о нем у Заремы, так и не поняв, почему он не зашел к нему в гости и уехал, не попрощавшись.

Зарема просит за него прощения, добавив при этом, что он всегда такой. Она пытается выгородить его. А тот смеется: «А давно вы знакомы?» Девушка говорит правду. Тот опять, на удивление ей, смеется, качая головой:

– Зарема, ты не знаешь, как давно я с ним знаком. Десять-пятнадцать лет... Еще со школы. Анзор, действительно, может выкинуть подобный номер. Я-то вчера долго ждал, думал, он придет...

Девушку очень удивляет этот разговор. В душе остается непонимание. А потом потом досада, злость на саму себя за то, что отпустила его, не досказав всего. Они долго беседуют о нем в тот день. Зарема ни в чем не признается, а тот незаметно улыбается. Он о многом расскажет ей. Начиная с того дня, как, будучи еще школьником, Анзор приехал сюда и они познакомились и до последнего, сегодняшнего дня. Он расскажет и о том, как принял на работу Зарему, и о записке, подписанной «Твой брат Анзор». К ней придет понимание чего-то важного, чему она не сможет дать определение, и долгое, двухмесячное ожидание.

Когда, наконец, он приезжает в город, на улице всю царствует весна, ярко-зеленая, молодая листва на деревьях, кое-где пестрят цветочные клумбы, яркое теплое солнце...

Это было солнечным апрельским днем. У его друзей в тот день какой-то юбилей... Он спрашивает про нее у коллег. Кто-то говорит, что она нездорова, а кто-то, словно обидевшись, что у них спросили, небрежным тоном объясняет... И видно, что у всех его друзей, товарищей, собравшихся на юбилей, это вызывает недоверие, непонимание...

– Она по-нашему ни читать, ни писать не умеет, – смеется одна ее подруга. – И то, что мы делаем, не понимает... – продолжает она, присев рядом с ним.

Он в ответ молчит. Слушает. Потом поднимается и выходит. Просит кого-то отвезти его к ней на работу...

Когда он входит, девушка сидит за столом и что-то пишет; он видит ее удивленные глаза, незаметную улыбку.

– Добрый день, – говорит он. – Как ты живешь?

В этот момент ему кажется, что Зарема изменилась, похудела, стала меньше.

– Добро пожаловать, – выпрямляясь, смеется она. – Ты чем сегодня занят? Почему не на празднике? Твои же все там.

– Да ладно, какой праздник без тебя! Ты почему не пришла? Я приехал за тобой... – он прекрасно знает, что она не поедет с ним. Все равно говорит. Он не садится, не вытаскивает рук из карманов, стоит поодаль.

– Анзор, не мучай меня. Чего ты от меня хочешь?! Что я должна делать?! Ты то появляешься, то исчезаешь на месяцы. Побойся Бога, уже сколько времени ты надо мной издеваешься... – время от времени вставляя чеченские слова, она говорит на русском.

Ему захотелось засмеяться, недовольно, резко одернуть ее. Но промолчал. Присел чуть поодаль. Слушает, пытаюсь понять Зарему, у которой странно изменился цвет глаз. Ясно было, что Зарема окончательно на него разозлилась. И разозлилась она не сегодня. По правде сказать, он и раньше не понимал ее.

– Что с тобой, успокойся, – улыбается он. – Откуда эта злость? Если ты меня не выносишь, так и скажи, я обещаю никогда больше не «маячить» перед твоими глазами. И еще: никогда не кричи на меня... – последние слова он произносит, глядя прямо в глаза: – Каждый раз, когда я здесь появляюсь...

– Анзор, я... Прости, – она немного успокаивается. И голос какой-то ласковый, странно мягкий, и сдерживаемый смех...

– Если бы ты была проще, я приезжал бы чаще, – говорит он. – Ты всегда на кого-то злая, и эту злость срываешь на мне. А я же, я...

– Конечно, всегда легче другого обвинять. Ты сам тоже хорош. Да, всех спасает инкогнито, «скорая помощь»...

Ее голос опять становится тише, девушка разговаривает как бы сама с собой. Он понял все. Радость в сознании оттого, что он понял ее...

– Зарема, это было не так. Ты не знаешь. Ты не понимаешь... Я хочу, чтобы ты все поняла. Чтобы ты уяснила все... Но что я сделаю, если ты этого не хочешь?! Если эмоции не дают тебе вслушаться в то, что я говорю тебе...

– Знаю я обо всем. Я все понимаю, Анзор. Я знаю, как ты себя со мной ведешь, и как я веду себя. Ты жалеешь меня, я тебе кажусь слабой, беззащитной, хрупкой, беспомощной...

Словно пытаюсь скрыть какую-то тайну, глаза девушки увлажняются, она тщетно пытается сдержаться, судорожно глотает...

– Не надо так, я не хочу... Надоели твои комплименты, твоя помощь, твое непоколебимое спокойствие в любое время и в любом месте, как бы я себя ни вела...

– Все не так, как тебе кажется, и тебе не станет легче, если будешь злиться и кричать на меня. Здесь все жестоки, и всё, что тебе хочется знать, преподносят наоборот. Сама все поймешь...

– Я знаю! Но меня злит, что ты всегда ведешь себя со мной как с ребенком. Ты не уважаешь меня, считаешь недостойной, ниже себя... Зачем? Зачем?.. Неужели ты не можешь быть как все или как со всеми? Ты же не такой с людьми, мне же все рассказывают о тебе... Мне уже надоело!

– Кто и что тебе говорит обо мне? – уставился он на нее.

– Тебя многие знают, и тогда я, я...

– Зарема, ты не думала, почему у нас никогда не получается спокойной, долгой беседы?

– Думаю, ты не хочешь со мной разговаривать, да и говоришь ты со мной как с ребенком.

– Это неправда. Я не знаю, о чем с тобой говорить. И как говорить... Сам не знаю почему, но при встрече с тобой я всегда бываю скован, осторожен, словно боюсь стать посмешищем, – собираясь на этот раз сказать всю правду, он смотрит в глаза девушке. Все, что до сего дня он таил в мыслях и во снах, рвется наружу.

– Ну вот, теперь ты хочешь сказать, что и разговаривать-то не умеешь, да? – она опять удивленно качает головой. – Раньше писать не умел. Что ж, давай я тебя и разговаривать научу... Уже через минуту после своего появления ты сводишь меня с ума своими издевательствами. Неужели тебе не надоело?

– Я не свожу тебя с ума. Когда я прихожу, ты сама начинаешь злиться.

– Вовсе нет. Я хочу, чтоб ты со мной был таким же, как и с остальными. Разве так нельзя? – Зарема смотрит на него покрасневшими, полными слез глазами, пытаясь скрыть свое смущение.

Он злится, не понимая причины своей злости:

– Нельзя! Можешь плакать сколько угодно! Я никогда не смогу относиться к тебе, как к другим. Слышишь? И никогда не проси об этом. Если бы ты была такой, как все, я не обратил бы на тебя внимание.

Девушка молча слушает, удивленно глядя на него черными, ставшими еще больше, глазами. Он встает, вспомнив время и друзей, ожидающих его на юбилее. Потом, словно жалея обо всем сказанном, тихо добавляет:

– Меня ждут. Я зашел увидеть тебя, придумав какую-то причину, но вовсе не потому, что хотелось увидеть твою злость. После работы домой?

Кивнув в знак того, что будет дома, Зарема тоже поднялась со своего места, сказав:

– Счастливого пути...

Был четвертый час пополудни, когда он пересек широкий проспект города, зашел во двор дома, стоящего вдоль улицы, и остановился у дверей ее квартиры. Та же самая дверь. Тот же цвет, та же ручка и светло-желтая фанера поверх металла ... Но подъезд изменился. Широкая, просторная лестница выкрашена, а у противоположной квартиры появилась новая, стальная, выкрашенная в светлую краску входная дверь. Смуглый, с тонкими усиками, небольшого роста, чуть старше него парень, живший в той квартире, всегда смотрит на него с затаенной злобой и ненавистью...

Видимо, и эту квартиру отремонтировали строители. За год здесь многое изменилось.

Он робко, как в первый раз, постучался к девушке. Легкие, нарушающие его душевное равновесие шаги, идущие к дверям, кот, мяукнувший там, в квартире...

– Ой, Анзор! Это ты?.. Добро пожаловать! Что же ты исчез, словно тебя и не было? Зарема, к нам гость... Заходи... – его встречала мать Заремы. Она всегда бывала такой приветливой. И всегда говорила с ним ласковым голосом, как с сыном, расспрашивала о жите-бытье.

Он, отвечая на приветствие, улыбнулся, потом вошел. Закрываемая им дверь издала мелодичный звон. Вошел в ту самую комнату, слева по коридору, где он был ровно год назад...

– Ну что, отметили свой праздник? – это опять Зарема.

Она присела рядом с ним, склонив голову к плечу и глядя на него.

– Только сейчас с трудом вырвался. Все до сих пор там, – он улыбнулся, снимая куртку. – Когда ты пришла с работы?

– Я-то сразу пришла, все равно там никого не было. Сегодня же все наши были там.

– А почему ты не пришла, Зарема? – он опять глядит ей в глаза, что-то скрывая в сердце. – Боялась, что обрадуюсь?

– Ой, опять ты начинаешь... Я не люблю шумные компании, теряюсь, не знаю, как себя вести... – виновато оправдывалась она.

А он опять размышлял. О первом дне, о Зареме в тот день, о золотистой ручке, которой она, сжимая тонкими пальцами, писала ему анкету. О том, как она удивленно склонила набок голову, поверив, что он неграмотный, о явном ее удовлетворении, когда она закончила работу, о ее аккуратном, с наклоном, почерке и круглых красивых буквах... Он сам, радующийся тому, что нашел ее... Его обет никогда не терять девушку, писать о ней... На удивление ласковые вечера в этом растерзанном городе, которые он помнит до сих пор, и все, что творилось в душе в ту пору...

– Кого ты сейчас собираешься обмануть... – это опять она.

Он глядит на нее. Ее глаза смеются, словно пытаюсь убедить его, что она шутит.

– Зарема, помнишь, как ты мне анкету заполняла? Я вспомнил это, тебя в тот день, свою радость. Светлый, низкий, подаренный тебе кем-то столик с вычурно загнутыми углами, зеленоватую стеклянную сахарницу на нем...

– Ага, меня обманывали, а я, деловая такая, поверила тебе, приехавшему из села, что он еще и алфавита не знает... Как вспомню об этом, убить тебя хочется... – она снова улыбается.

– Я думал только о том, как бы заговорить с тобой, – смеется он. – А заговорить нужно было во что бы то ни стало. Ты знаешь, я сам очень удивился, когда случайно встретил тебя. Ведь такое случается только в сказке, в жизни такое невозможно... А мне, мне... Это подарок от Бога... Да, подарок... Именно та, которую я создал в своих мечтах... Никто ее не видел, никто ее не знает... Мне так казалось, – он смотрит ей в глаза. Она опять смеется.

– Я все понимала, Анзор, хотя и не до конца. Сначала мне тебя было жаль. Хотелось тебе помочь... Пока хорошо тебя не узнала – вы, сельские, мне всегда казались странными, дикими, а мы... лучшими... Прости меня. А оказалось... Или ты каждый раз хотел показать мне это...

– Не будем об этом, – предлагает он. – Ничто не прошло, ничто не изменилось. Я тот же, кем был раньше. С другой стороны, я как-то странно невзлюбил этот город. Или, вернее сказать, то, что осталось от города. А от города для меня не осталось ничего, кроме тебя одной...

В тот вечер, когда, попрощавшись с девушкой и ее матерью, он выходит в сумерки, видны редкие машины и пешеходы, и какие-то люди в грязных, пыльных одеждах, протягивающие провода через широкую улицу, чтоб обеспечить светом жилище...

Они пытались нормализовать свою жизнь. Кое-где виднелись жилые свежеекрашенные многоэтажные дома. Ровные ряды недавно посаженных молодых саженцев, и среди них ярко-зеленая, нежная трава. И медленно заполняющая собой мир темная ночь...

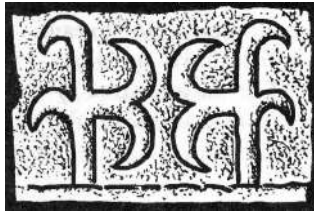
Он, оглядываясь, останавливается у дороги, прислушивается. Хочется поехать в село. Но дороги сейчас будут закрыты.

С наступлением темноты нельзя передвигаться. Нельзя выйти на улицу, нельзя показывать, что ты в этом мире существуешь. В плену грустных мыслей идет домой. Заходит в квартиру. Но там тоже удивительно тихо. Изредка слышен треск автоматной очереди и оглушительный грохот взрыва. Он опять слушает. Опять темнота на улице, выстрелы и разрушенная тишина этой странной ночи...

В эту ночь ему кажется – весь мир принадлежит ему. Или он один принадлежит всему миру, утром он исчезнет среди множества людей, а через широкий проспект будут видны окна и одна дверь, и люди, входящие и выходящие в эту дверь, и он, уходящий, чтобы уехать в село, после того как издали постоит и поглядит на все это...

Да, это всё случится завтра. Или послезавтра, или... кто знает когда... Но в этот момент не будет темноты, и на улице не будет ночи, и не будет страшного, пустого города...

Перевод с чеченского М. Эльдиева

Вахит БИБУЛАТОВ**Дело моего отца**

На дворе XXI век, но даже сегодня в нашей стране осталось много поклонников диктатора Сталина. Методы его правления давно осуждены, но несмотря на это, в наше время во многих республиках продолжают называть улицы его именем и ставить памятники этому тирану, погубившему судьбы миллионов советских граждан. Это недопустимо. Наоборот, мы должны еще больше разоблачать и осуждать подобные ошибки в истории, чтобы опять не ввергнуть граждан нашей страны в очередную гибель. Как один из примеров трагедии времен правления Сталина, в этой статье я хочу рассказать историю ареста и реабилитации своего отца.

Магомед Бейбулатов

Мой отец, Магомед Бибулатов (Бейбулатов), родился в селе Новые Атаги в 1903 году. У родителей в паспортах была фамилия Бейбулатов, а мы – их родные дети, носим фамилию Бибулатов. Это произошло из-за выселения в Казахстан, где местные чиновники записывали нас, как им угодно. Мой дед Бибулат умер в 1920 году, когда моему отцу было 7 лет. У него выросли три дочери и два сына. Младший из сыновей – Сайд-Хасан – в 1939 году добровольно ушел служить в армию, а после начала войны попал в Брестскую крепость. Он считается пропавшим без вести, но есть информация (воспоминания Макара Евграфовича Макарова – командира батальона), что 3-й батальон 125 С.П., в котором служил Сайд-Хасан Бибулатов, в начале войны стоял летним лагерем в 12-15 км. севернее г. Бреста, в районе населенных пунктов Чижевич, Вильямович и Челеево. Батальон четыре дня героически оборонялся против немецких захватчиков, а вышедшие из вражеского кольца двадцать бойцов были убиты или пленены во время передвижения в наш тыл.

В детстве Магомед Бибулатов параллельно с учебой в школе обучался арабской грамоте. После «семилетки» в 30-е гг. прошлого столетия он поступил в грозненский рабфак. Здесь же он познакомился с Абдурахманом Авторхановым, всемирно известным в будущем политологом и диссидентом. Отец рассказывал, что Абдурахман никогда не носил с собой учебников, на нем был длинный кожаный плащ, в руках у него всегда была газета или тетрадь с конспектами, и он на то время был самым способным учеником. Во время учебы в рабфаке у Магомеда серьезно заболела мать, и он вынужден был прервать образование, чтобы обеспечить семью. Отец устроился на работу учителем в Новоатагинской школе, затем работал в органах милиции в с. Старые Атаги, секретарем сельского совета в родном селе. В 1942 году по ложному навету арестованного односельчанина – дезертира, которого жестоко пытали в застенках НКВД, Магомед был арестован как «агент

германской разведслужбы!» Но в связи с тем, что для вменения в вину статьи за измену Родине не было доказательной базы, отцу сфабриковали дело «об уклонении от службы в Красной Армии». Бибулатов был осужден на пять лет, но в 1945 году был амнистирован и выпущен досрочно. Решением Верховного суда Чечено-Ингушской АССР от 24 ноября 1989 года Магомед Бибулатов был реабилитирован.

Так наши предки страдали от незаконных сталинских репрессий. И мы, их потомки, должны изучать подлинную историю насилия и геноцида над собственным народом. С этой целью мною в 2013 году был сделан запрос в Центральный архив ФСБ России.

Начальнику Центрального архива ФСБ России. Мой отец Бейбулатов (Бибулатов – в документах написано по-разному) Магомед Бейбулатович (Бибулатович), 1913 года рождения, уроженец села Новые Атаги, Шалинского (до 1944 года Атагинского) района ЧИАССР, чеченец. Он был репрессирован по делу НКВД Чечено-Ингушской АССР 31 марта 1943 года и осужден по статье 193-10 УК РСФСР на 5 лет, за уклонение от службы в Красной Армии и подвергнут заключению в ИТЛ сроком на 5 лет без квалификации содеянного по статьям УК РСФСР. В местах лишения свободы провел 2 года, амнистирован по Указу Президиума Верховного СССР от 7.08. 1945 года. Постановлением Президиума Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР от 24 ноября 1989 года постановление Особого Сопровождающего НКВД СССР от 31.03.1943 года отменено, дело в отношении Бибулатова М.Б. производством прекращено за отсутствием состава преступления. Бибулатов М.Б. реабилитирован. Отец мой скончался в 1993 году. После его смерти паспорт изъят. Прилагаю к письму копии своего паспорта, свидетельства о рождении, справки из личного дела спецпереселенца и документа Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР №44-У-108с от 24.11.1989 г.

Прошу Вас найти уголовное дело по обвинению моего отца и снять с него копии для меня, а также копию фотокарточки, если она имеется в этом деле.

Во время ареста моего отца Бейбулатова Магомеда и обыска работниками НКВД, у него были изъяты армейские письма от его брата Бейбулатова Сайд-Хасана Бейбулатовича. До начала Великой Отечественной войны он служил в Брестской крепости, а потом пропал без вести, или скорее погиб во время обороны этой крепости. При наличии в деле этих писем просьба выслать также копии этих писем, так как память о дяде для нас священна.

28.05.2013 год, В.М. Бибулатов

Далее следует копия документа:

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
Ф.И.О.	Бибулатов Магомед Бибулатович
Год и место рождения	Родился в 1903 году, село Новые Атаги Атагинского р-на ЧИАССР
Постоянное место жительства	село Новые Атаги Атагинского р-на ЧИАССР
Профессия и специальность	Служащий
Последнее место работы или Род занятий до ареста	Учреждение Новоатагинский сельсовет
Национальность	Должность Секретарь Чеченец
Документ, удостоверяющий гражданство	СССР паспорт серии I-XIII № 559760 выдан 18 апреля 1941года Атагинским Ромом (так написано)
Партийная принадлежность	Состоял с 1938 по март 1942 исключен за уклонение от воинской службы
Образование общее или специальное	Средняя школа
Социальное происхождение	Из семьи крестьян-бедняков
Судимость	Не судился
Приводы в органы	Приводов не было

СОСТАВ СЕМЬИ

ФИО	Год рожд. Место рожд.	Место жительства
Отец	Бекбулатов Бибулат.	Умер в 1920 году
Мать	Бибулатова Секи.	1870, урож. с. Шали. Проживает в с. Новые Атаги Атагинского района
Жена	Бибулатова Закият 1922.	с. Новые Атаги Атагинского района
Дети	Дочь Зиман (Зура) 1942	
Брат	Бибулатов Сайд-Хасан 1914	с. Новые Атаги в РККА
Личная подпись арестованного правой руки	Отпечаток	указательного пальца правой руки

Далее следует копия документа.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 20-м

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР
От 31 марта 1943 года

СЛУШАЛИ

358. Дело № 703/НКВД Чечено-Ингушской АССР по обвинению Бибулатова Магомета Бибулатовича, 1913 г.р. ур. ЧИАССР. Чеченец, гражданин СССР. Нигде не работал.

ПОСТАНОВИЛИ

Бибулатова Магомета Бибулатовича за уклонение от службы в Красной Армии – заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 17-го июня 1942г.

УЗБ. ССР – АКТЮБИНЛАГ 10/04/43 г. №-8/14925

Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР подпись и печать

Далее следует копия документа:

Дело № 44-у-108с

ВЕРХОВНЫЙ СУД ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА

«24» ноября 1989 г.

г. Грозный

Президиум Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР в составе: председателя Албастова И.А.

Членов Президиума: Эдилова И.Д., Чаниева А-Г.Л., Кожановой А.П. с участием и.о. прокурора Чечено-Ингушской АССР Джумалаева С-Х.А. рассмотрев по докладу Новичковой И.А. уголовное дело по обвинению Шаипова У.С., Бибулатова М.Б., поступившее по протесту прокурора ЧИАССР.

УСТАНОВИЛ:

Постановлением Особого Совещания НКВД СССР от 31 марта 1943 года Бибулатов Магомед Бибулатович, 1913 года рождения, уроженец с. Новые Атаги, Атагинского р-на ЧИАССР, чеченец, гр-н СССР за уклонение от службы в Красной Армии подвергнут заключению в ИТЛ сроком на 5 лет без квалификации содеянного по статьям УК РСФСР (по обвинительному заключению ст. 58 п. I-а УК РСФСР).

В протесте ставится вопрос об отмене постановления Особого совещания и прекращение дела производством.

Заслушав прокурора, поддержавшего протест, Президиум находит его подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно обвинительному заключению Шаипов У.С. обвинялся в том, что находясь в составе действующих частей Красной Армии и, попав в плен немецких войск в октябре 1941 года в районе г. Сталино (Донбасс), был завербован в качестве агента германских разведывательных органов и

со шпионско-диверсионными заданиями переброшен через линию фронта в тыл СССР. В соответствии с полученным заданием в декабре 1941 года прибыл в с. Новые Атаги, связался с агентом германской разведслужбы Бибулатовым М.Б. и получил от него поручение вести активную шпионскую деятельность.

Допрошенные на предварительном следствии виновными себя в предъявленном обвинении Шаипов признал, а Бибулатов М.Б. – не признал.

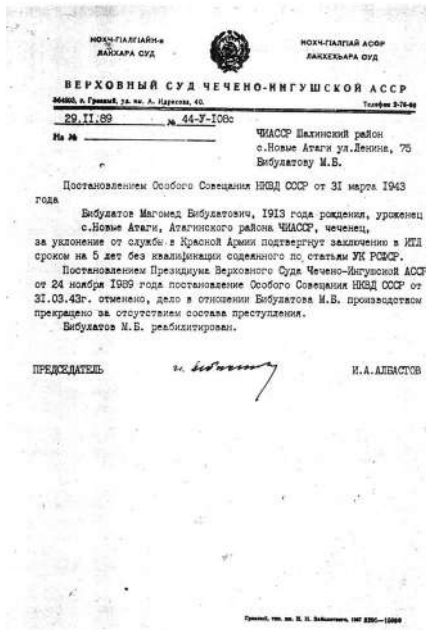
Обвинение Шаипова основано только на его личных показаниях, не подтвержденных никакими другими доказательствами (д.д. 12, 13, 17-81). Достоверность этих показаний вызывает большие сомнения. С 29 марта до 4 июня Шаипов У.С. допрашивался шесть раз и все это время категорически отрицал предъявленные ему обвинения в измене Родине и переброске в тыл СССР со шпионско-диверсионными заданиями, указывая только о своем побеге из плена. И только при допросе 4 июня 1942 г. Шаипов начал признавать себя виновным и рассказывать, как якобы был завербован в качестве агента германских разведывательных органов (л.д.45-81).

Есть основания полагать, что Шаипов начал наговаривать на себя, а затем на Бибулатова М.Б. в результате противоправного воздействия на него органов следствия. В поданном заявлении Бибулатова М.Б. с просьбой о реабилитации указывается, что на очную ставку с ним (01.07.42 г.) Шаипов был приведен избитым. Перед допросом он на чеченском языке попросил у него прощения за те показания, которые его вынудили подписать избинениями. Об избинениях Шаипова при допросах говорили ему и заключенные той камеры, в которую однажды помещали.

Показания Шаипова противоречивы, по ряду эпизодов явно неправдоподобны. Однако надлежащим образом не проверены. Например, в показаниях утверждается, что при обыске немцы отобрали у него комсомольский билет и кандидатскую карточку в члены ВКП(б) и, зная о его партийной принадлежности, тем не менее при первом же допросе якобы предложили выполнять шпионско-диверсионную работу в тылу СССР, да еще и назвали своего агента в с. Новые Атаги секретаря сельсовета Бибулатова М.Б. (л.д. 47, 51, 57, 58). Сомнительно также, чтобы германские разведорганы сразу же доверили бы такой личности, как малограмотный Шаипов, пропуска и пароли для продвижения по территории, контролируемой немцами и Красной Армией. Явно надумано также утверждение в показаниях Шаипова о том, что о проделанной шпионской работе он якобы должен был доложить через некоторое время, прибыв в г. Сталино (л.д. 48), в другом показании – в Таганрог (л.д. 70) к допрашивавшему его генералу или полковнику. Есть и другие не устраненные следствием противоречия в показаниях Шаипова. Не установлены и не допрошены ряд свидетелей, в том числе названные им Соломбаев М. и братья Асхабовы Али и Абдурахман, с которыми он добирался из Ростова до г. Грозного.

Следовательно, показания Шаипова нельзя признать достаточными доказательствами для обвинения его в измене Родине.

Также необоснованно обвинение Бибулатова М.Б. по обвинительному заключению в занятии шпионажем в пользу Германии, т.е. ст. 58 п. I-а УК РСФСР, поскольку оно основано только на сомнительных, ничем не подтвержденных показаниях Шаипова. Но и Шаипов в показаниях не указал ни одного конкретного факта, свидетельствующего о ведении Бибулатовым шпионской работы, или конкретной договоренности с ним о такой работе (л. д. 52, 58, 65, 106-108). Поэтому постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 31.03.43 г. Бибулатов М.Б. подвергнут уголовной ответственности не за

измену Родине (ст. 58 п. I-а УК РСФСР), а за уклонение от службы в Красной Армии.

Однако обвинение в уклонении от службы в Красной Армии в обвинительном заключении не предъявлялось и по существу не расследовалось. Сам в своих показаниях указывал, что повестку райвоенкомата о призыве на службу не получал, и это его показание ничем не опровергнуто. Правда, допрошенный в качестве свидетеля Дебизов Хатали показал, что повестка Бибулатову о вызове в райвоенкомат присылалась, но осталось невыясненным, откуда ему это известно. Допрос свидетеля произведен без переводчика.

В нарушение норм уголовно-процессуального закона постановлением Особого Совещания вина Шаипова и Бибулатова по конкретным статьям УК РСФСР не квалифицирована, нарушено их право на защиту.

Таким образом Шаипов и Бибулатов подвергнуты уголовной ответственности без законных оснований.

Руководствуясь ст.ст. 378 и 381 УПК РСФСР, Президиум Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР

ПОСТАНОВИЛ:

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 31 марта 1943 года в отношении Шаипова Усамы Сатуевича и Бибулатова Магомеда Бибулатовича отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председатель _____ подпись _____ И. А. Албастов

Так, оправданием моего отца почти полвека спустя, завершилась эта история. Но сколько еще погубленных судеб невинных советских граждан осталось без оправдания и справедливости? Сколько политзаключенных, а также каторжан по национальному признаку и религиозным убеждениям закончили свой век в местах лишения свободы? Сколько тел советских узников навсегда осталось лежать в дебрях сибирской тайги? На эти вопросы до сих пор не найдено ответов.

Мансур Магомадов,
кандидат философских наук

Социальные взгляды Данилбека Шерипова

Продолжение. Начало в №1-3 (2020) и №1-2 (2021)

Начиная с декабря 1911 г. до августа 1912 г. Данилбек Шерипов редактирует газету «Терец». На ее страницах он публикует немало своих статей по вопросам просвещения, литературы, общественной мысли, знакомит читателей с богатым духовным и культурным наследием чеченского народа, призывает к свету знаний, духовно-нравственному совершенству¹.

Следует отметить, что идейное содержание газеты «Терец», как впрочем, и других досоветских грозненских изданий еще ожидает своего исследователя. В период культа личности ей был прикреплен ярлык «буржуазно-националистической» и наложен негласный запрет на ее изучение. Мы совершенно не согласны с характеристикой некоторых досоветских газет, в том числе и «Терца», данной З. Джамбулатовой. Она пишет: «...все эти издания мало отличались друг от друга и имели буржуазное направление. В них пропагандировали свои идеи националистическая интеллигенция. Но главным образом эти газеты занимались пересудами городских «происшествий»².

В действительности газета «Терец» имела четкое идейно-политическое направление. Она стремилась «выражать интересы всех слоев местного населения», в том числе и чеченского народа. Будучи единственным печатным периодическим изданием, редактируемым чеченцем, газета обличала темноту, невежество широких трудящихся масс, призвала их освоить грамоту, изучать различные науки, брать пример с передовых народов. На ее страницах публиковались научно-просветительские, этнографические статьи, очерки по культуре, истории, о традициях и обычаях, по устному народному творчеству и т.п.

В программном заявлении, опубликованном в первом номере газеты, Д. Шерипов писал: «В основание угла нашей работы мы ставим борьбу против всех видов порабощения, против эксплуатации трудящихся слоев населения в частности. Поддерживая все прогрессивные начинания, поддерживая всякую работу, которая будет направлена ко благу всего населения, мы особенное старание приложим к тому, чтобы уничтожить следы той национальной розни, которая, к глубокому нашему прискорбию, появилась и окрепла в последнее время среди населения Северного Кавказа».

На страницах данного издания, как и газеты «Терский край», часто выступали представители местной интеллигенции. О том, сколь неужодна была царским властям ее деятельность, говорят такие факты: на Д. Шерипова, как и на редактора газеты «Терский край» В. Парамонова, несколько раз налагали денежные штрафы.

Разумеется, в жесточайших условиях цензуры и идеологической реакции газета не могла печатать откровенно острые статьи о социальной несправедливости, национальном гнете, колониальной политике царизма. Состав сотрудников редакции был неоднородным по своим политическим убеждениям:

от редактора-просветителя Д. Шерипова, революционера-большевика Б. Петрова до члена русской кадетской партии «Народная свобода» М. Лембича,

что сказывалось и на содержании публикаций. Хотя редактор Д. Шерипов и не состоял в кадетской партии, но в какой-то мере, возможно, находился под влиянием издателя М.Лембича.

Просветительское дело Д. Шерипов связывал с укреплением самосознания народа. Он жаждал освободить свой народ от великодержавного колониального гнета и потому февральскую революцию воспринял с воодушевлением. То было время ускоренного формирования как революционно-демократических, так и буржуазно-националистических организаций. Однако в смутные времена, когда на политическую арену выходили самые различные общественные партии и движения, стремившиеся больше к власти, чем к благополучию народа, Д. Шерипов предпочел занять умеренно-центристскую позицию. Он не отказывался от участия в общественных и государственных делах, но и не стремился к частому высказыванию в печати своих принципов мировосприятия.

Его социальные взгляды лета 1917 года во многом совпадают с воззрениями другого чеченского общественного и государственного деятеля Т. Эльдарханова. На близких позициях к их взглядам оказываются и общественно-политические взгляды известного чеченского духовного авторитета того периода Д. Арсанова. Как известно, в июне 1917 года Т. Эльдарханов был назначен комиссаром Грозненского округа, на состоявшемся в том же году 25-26 июня съезде чеченского народа его заместителем был избран Д. Арсанов. Принятие такого решения было связано с тем, что на том съезде «чеченский народ единогласно постановил ввести в действие единый мусульманский кодекс – шариат». Помощником окружного комиссара Т. Эльдарханова был назначен Д. Шерипов.

Чтобы понять мотивы, приведшие Д. Шерипова в лагерь демократов-просветителей, попытаемся проследить эволюцию его социальных взглядов. В начале второго десятилетия он активно сотрудничает со многими владикавказскими и грозненскими газетами. Так, разоблачая попытки официальных органов власти представить чеченцев в образе «поголовных преступников», строящих свое благополучие на бедствиях и горе соседних народов, Д.Шерипов иронизирует: «так, если верить начальнику одного из участков горной Чечни, то у чеченцев и хлеба много, и масла, и сыру, и птицу куда девать, и сады служат подспорьем».

В попытках искаженного освещения жизни чеченцев, Д. Шерипов, как И. Мутушев, И. Саракаев, усмотрел стремление царских властей оправдать применяемые к ним жестокие массовые репрессии, и, выступая против подобных попыток «укрепить в обществе ложное мнение» о чеченцах, он в ряде своих очерков и корреспонденций рисует правдивую картину тяжелой жизни трудового чеченца, «пребывающего в крепких тисках беспросветной нищеты и постоянного голода»³. В приведенном описании «богатой жизни» чеченцев, отмечает Д. Шерипов, почти все взято «из области фантазии», ибо скот, а следовательно, и масло, и сыр имеется «на 100 дворов» только «у одного», а посевные поля чеченца таковы, что «весь его засев можно прикрыть буркой, а с него кормится 5-6 человек»⁴.

Д. Шерипов, как и остальные просветители, указывает на то, что основным злом, от которого «страдает земледелец Чечни», является, как «об этом не раз писалось» в местных газетах, «малоземелье, особенно обострившееся за последнее время»⁵. Об этом, пишет он, хорошо известно всем, в том числе и «этому самому начальнику», пытающемуся сейчас «втирать очки» читателям.

И, показывая всю беспечность, надуманность измышлений автора-анонима, Д. Шерипов делает основанный на анализе конкретных фактов из чеченской реальности аргументированный вывод о том, что «беднее, чем живут чеченцы, жить нельзя»⁶.

Данная публикация Д. Шерипова появилась в местной печати как отклик на книгу Ткачева (лидер казачьего движения – М. М.) о чеченцах. Показывая все, что касается жизни горских народов, в розовом цвете, автор книги вызывает у Д. Шерипова и у остальных представителей горской интеллигенции справедливое негодование. Чувству справедливости, которая является характерной чертой шериповской публицистики, чуждо искаженное восприятие мира, ложное, необъективное толкование явлений окружающей действительности.

Освещая печальное состояние системы здравоохранения в Терской области, Данилбек Шерипов подвергает резкой критике позицию равнодушия, занятую в данном вопросе областной администрацией. По его словам, «отсутствие медицинской помощи в Чечне» – результат равнодушия терской администрации к нуждам местного населения. Из-за плачевного состояния здравоохранения больного приходится «везти в Грозный за 50-60 верст». Но поскольку далеко не каждый чеченец имеет возможность повезти в город заболевшего члена семьи, да еще оплатить его лечение, то чаще всего, указывает Д. Шерипов, «больные умирают из-за совершенного отсутствия медицинской помощи на местах»⁷.

Опираясь на конкретные факты из окружающей действительности, Д. Шерипов убедительно показывает, что чеченская деревня представляет собой глухое захолустье, которого почти не коснулись современная цивилизация и культура, где «задавленные темнотой и невежеством массы влчат полное трагизма нищенское существование». «В наше время, – пишет он, – казалось бы, культура должна была заглянуть и в чеченскую деревню, чтобы несколько украсить неприглядную жизнь труженика-чеченца, но у этой госпожи, пока, видно, мало охоты забираться в такие дебри»⁸.

Повинны в этом, по словам Д. Шерипова, те царские чиновники, которые, «...показывая полное непонимание своей миссии здесь, в горах Кавказа», предали забвению провозглашенную государством в свое время задачу распространения среди горцев культуры и остаются совершенно глухими к нуждам края и вызывающему о помощи голосу несчастного народа. «Больно, – пишет Д. Шерипов, – за таких культуртрегеров. Но печальный факт остается фактом»⁹.

Измышлениям Ткачева и других, противопоставляя правдивое освещение жизни горцев и деятельности царской администрации, опровергая необъективные суждения членов «Терского казачьего общества» о материальной обеспеченности горцев и особых симпатиях к ним власти, Д. Шерипов, И. Саракаев и другие представители чеченской интеллигенции доказывали, что причина нищеты и культурной отсталости чеченского населения кроется в проводимой властями «политике уменьшения чеченской опасности» и «умышленном игнорировании» ими «горцев и горских жизненных вопросов»¹⁰.

Исследователь А. Манкиев справедливо отмечает: «...такое объяснение причины культурно-экономической отсталости горцев не только соответствовало исторической правде, но и наносило удар по тезису Ткачева и К. биологической природе преступности среди горцев»¹¹.

Кстати, многие статьи, принадлежащие Д. Шерипову и опубликованные им в разное время на страницах владикавказских и грозненских газет, в несколько

переработанном и дополненном виде печатались параллельно и в газете «Терец», редактором которой он являлся. Более того, «Терец» иногда позволял себе высказывать резкую критику существующих порядков, считая повинной в них грозненскую и терскую администрации.

Как многие представители старой российской интеллигенции вообще и чеченской национальной, в частности, Д. Шерипов вначале с большой осторожностью воспринял Октябрьскую революцию. Он считал, что для лучшего устройства жизни и быта людей необязательно использовать революционные, насильственные методы, достаточно отреставрировать общественные отношения эволюционным путем, не противопоставляя людей друг другу по политическим и идеологическим убеждениям. «Не репрессии, по нашему мнению, направят жизнь Кавказа в ее правильное русло, а только лишь культурная работа, направленная ко благу всех без исключения»¹², – такой была идейно-нравственная позиция Д. Шерипова в 1911 году.

Такой она оставалась в вопросах устройства общественной жизни людей и в 1917-ом. Ярким свидетельством данного утверждения является, на наш взгляд, книга Д. Шерипова «Очерк о Чечне», изданная тысячным тиражом издательством Чеченского областного исполкома «Серло» в 1929 году.

Книга имела сложную судьбу. После выхода в свет она получила крайне негативную партийную оценку со стороны представителей официального идеологического аппарата. С резкой критикой, осуждающей общественно-политические взгляды Д. Шерипова, выступил в журнале «Революция и горец» А. Саламов, который в конце 20-х годов, так же, как и широко известный советолог А. Авторханов, осуждал все печатное, которое не вписывалось в идеологические установки и требования официальной власти того времени, и было лишено классового, партийного подхода¹³.

«Очерк о Чечне» после такой жесткой оценки со стороны официальной пропаганды был признан вредным, искажающим историю чеченского народа и изъят из продажи. Что касается судьбы самого автора, то его спасло кровное родство с героем гражданской войны А. Шериповым: Данилбек и Асланбек Шериповы – родные братья.

Что касается критики в адрес «Очерка...» Д. Шерипова, то тут А. Саламов отчасти был прав: книга действительно лишена полностью классового и партийного подхода к освещению политических событий в досоветской Чечне. Нет в ней ни одной цитаты большевистских вождей, ни одной строчки о революционных или иных политических событиях в Чечне начала столетия, нет ни одного слова о классовом сознании трудящихся масс, нет, словом, ничего, что напоминало бы о советской политической системе и революционных событиях в Чечне периода 1917-1920 годов.

Таким образом, «Очерк...» Д. Шерипова резко отличается по содержанию и манере изложения материала от многих печатных изданий, вышедших в свет в тот период. Правда, в предисловии к нему А. Салахутдинов, ответственный работник аппарата Чечоблисполкома, словно предвидя такую реакцию, попытался несколько смягчить возможную критику в адрес книги и ее автора. Объясняя недостатки книги ее поздним выходом из печати, он пишет: «Брошюрка, написанная Д. Шериповым, «Очерк о Чечне» выходит в свет с некоторым опозданием и поэтому не может служить точным материалом для изучения жизни и быта современной чеченской деревни, так как Чечня за

последние 3-4 года далеко шагнула вперед, в смысле советизации и изменения тех старых нравов, обычаев, описываемых автором»¹⁴.

Брошюра интересна тем, продолжает далее автор предисловия, что она дает возможность читателю заглянуть в прошлую жизнь чеченского народа, и тем, что некоторые обычаи сохранились еще: гостеприимство, уважение к старшим по возрасту и т.д. «Кровная месть сейчас уже изживается, – пишет далее Салахутдинов, – также имеется большой сдвиг в вопросе раскрепощения женщины»¹⁵.

То, что читаем мы дальше, вообще не вписывается в рамки логического объяснения. Вероятно, автору предисловия очень нужно было использовать модные в ту пору словосочетания, характеризующие большевистское мировоззрение, – «классовое сознание», «классовое разделение». Судите сами. Вот что пишет Салахутдинов в предисловии к книге Д. Шерипова: «...такие старинные обычаи к почитанию старших и родовое единство, по мере роста классового сознания, как среди батраков, так и бедноты, не находят должной поддержки со стороны населения, а рост классового разделения среди отдельных групп чеченского крестьянства – несомненно»¹⁶.

Сама книга Д. Шерипова может быть интересна научным работникам, занимающимся изучением характера, традиций, обычаев, быта чеченцев. Она состоит из следующих разделов: «Природа и природные богатства Чечни», «Нравы и обычаи», «Сельское хозяйство, промышленность, торговля» и «Культурный рост Чечни». Книга, скорее всего, результат переработки, дополнения, расширения тех историко-этнографических, культурно-просветительских очерков, которые были опубликованы Д. Шериповым в местных периодических изданиях в начале XX века.

В книге широко представлена картина жизни чеченского села как до 1917 года, так и после установления в Чечне советской власти. Характеризуя взаимоотношения царской власти и чеченского населения, автор «Очерка...» пишет: «...в царское время для чеченцев широка была дорога в тюрьму и узка в школу»¹⁷.

Социальные, философско-этические воззрения Д. Шерипова, как и И. Мутушева, были пронизаны идеями просветительства. В противовес ортодоксальной идеологии, упорно отстаивающей старое и отжившее, они пытались решить вопросы и проблемы реальной действительности с позиции разума, очищенного от невежества. В целом Д. Шерипов и И. Мутушев не шли вразрез с официальным учением ислама о том, что Бог – первопричина всех явлений. То же самое можно сказать о философских и социальных воззрениях А. Мутушева и Т. Эльдарханова, хотя в их творчестве содержался ряд позитивных моментов, говорящих о склонности к деизму, а в некоторых случаях и к стихийному материализму. Как Д. Шерипов, И. Мутушев, так и А. Мутушев и Т. Эльдарханов не оставили после себя специфических философских трудов, однако философскими размышлениями пронизаны их лучшие произведения.

Центральное место в общественно-политических и философских взглядах Д. Шерипова занимает вопрос о месте знаний в жизни общества. Занимая позиции идеализма в понимании законов общественного развития, чеченские просветители считали, что социальное бесправие народа можно устранить путем просвещения. Сам по себе призыв к просвещению народа и отождествление прогресса общества с распространением знаний в тех исторических условиях имели большое значение. Однако к пониманию и осмысливанию того, что

развитие общества определяется эволюцией разума и просвещения, просветители пришли не сразу. Это в значительной мере зависело от того, как постепенно убеждались они в том, что необходимым условием для осуществления прогресса знаний и разума является решительный отказ от косности и схоластики¹⁸.

Д. Шерипов старался глубоко проникнуть в мир явлений, окружающих человека, в тайны мироздания. Для него все в мире находится в движении и развитии. Проникнутый глубокой верой в силу разума, Д. Шерипов призывал чеченский народ освободиться от вековой спячки и взяться за дело просвещения.

В условиях нарастания революционного движения перед прогрессивно-демократической общественной мыслью стояла задача беспощадно разоблачать существующие порядки, феодально-колониальный гнет, призывая народ к борьбе против существующего царского режима. Только просветительская деятельность, связанная с такими задачами, направленная, прежде всего, на прояснение общественного сознания трудящихся, могла быть призвана передовой¹⁹.

Для прогрессивной общественной мысли характерен правдивый показ нищенского, бесправного положения чеченских трудящихся масс. Основной чертой прогрессивной общественной мысли данного периода является содержание критики существующих порядков и их носителей – царских чиновников, реакционных деятелей, шовинистов.

Продолжение следует.

¹ См.: «Терец». 1911. №№1,2,3,4,5; 1912. №№1,2,3,4,7,8,10.

² Джамбулатова З.К. Развитие печати в Чечено-Ингушетии (1920-1941 гг.) // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, литературы. Т. VI. Вып. 1. Грозный, 1965. С. 89.

³ См.: «Север Кавказа». 1913. №№147,241,248, 252,288; «Терек». 1910. №3725.

⁴ «Терек». 1910. №3725.

⁵ «Север Кавказа». 1913. №287.

⁶ «Терек». 1910. №3725.

⁷ «Север Кавказа». 1913. №252.

⁸ Там же.

⁹ «Север Кавказа». 1913. №147.

¹⁰ См.: Манкиев А.А. Основные течения общественно-политической мысли в Чечено-Ингушетии накануне Октябрьской революции и в период борьбы за Советскую власть. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Махачкала, 1970. С.137.

¹¹ Там же.

¹² «Терец». 1911. №1.

¹³ Саламов А.Х. «Очерк о Чечне» (По поводу одной книги) // «Революция и горец». 1929. №7-8. С.94.

¹⁴ Салахутдинов А. Предисловие // «Очерки о Чечне». Грозный. 1929. С.3.

¹⁵ Салахутдинов А. Предисловие // «Очерки о Чечне». Грозный. 1929. С.3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Шерипов Д. Указанное соч. С.12.

¹⁸ Азаматов Д.М. Из истории развития передовой общественной и философской мысли Башкирии (конец XIX - начало XX вв.). Пермь, 1979. С.12.

¹⁹ Чукубаев А.А. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900-1917 гг.). Фрунзе, 1967. С.77.

Книжные новинки**«Время глазами журналистов»**

Книга «Время глазами журналиста», посвященная Первому президенту ЧР, Герою России Ахмад-Хаджи Кадырову, это и летопись эпохи, и воспоминания современников и очевидцев, и исторический документ. В книге представлены тридцать два автора, которые делятся своими воспоминаниями о жизни и деятельности Ахмад-Хаджи Кадырова. Среди авторов известные чеченские писатели, поэты, журналисты, общественные и политические деятели: Канта Ибрагимов, Мовла Осмаев, Дени Сумбулатов, Абу Исмаилов, Саидхасан Тагаев, Бувайсар Шамсудинов, Руслан Юсупов, Леча Ясаев и многие другие. Но предваряет эту книгу статья самого Ахмад-Хаджи Кадырова, которая была опубликована в далеком 2000 году в газете «Гумс». Статья носит название «Исповедь миротворца». В этой сжатой, но емкой по содержанию статье Ахмад-Хаджи Кадыров рассказывает о перипетиях периода Ичкерии, когда народ был разобщен и расколот, а всякие начальники и командиры заняты были только борьбой за власть и собственной наживой, и как это все привел второй чеченской кампании.

Глава Чеченской Республики, Герой России Рамзан Кадыров в предисловии к книге пишет: «Ценность этого сборника можно осознать уже из названия: «Время глазами журналистов». Кто, как не журналисты – очевидцы, участники и аналитики событий, может дать им достойную оценку? Первый Президент Чеченской Республики, Герой России Ахмад-Хаджи Кадыров очень уважал работников пера и высоко ценил их труд. И сегодня эта работа, в которой собраны воспоминания и свидетельства многих из них, станет своеобразным увековечением памяти о тяжелых испытаниях, пройденных нами во главе с Ахматом-Хаджи, Дала Глазот кьобалдойла цуьнан».

Книга адресована широкому кругу читателей.

Слово о художнике**«История предков»**

Дадаева Сабина Идрисовна родилась 15 марта 1981 года в городе Грозном. Окончила среднюю школу № 56 в 1998 году. В том же году поступила в Чеченский государственный педагогический институт на технологико-экономический факультет «Художественное отделение». В 2004 году, окончив вуз, работала не по профессии, но продолжала творческую деятельность. С 2016 года работает преподавателем в Чеченском Государственном педагогическом университете на факультете искусств, профиль «Изобразительное искусство». В 2016 году поступила в аспирантуру.

Сабина участница многочисленных региональных, всероссийских и международных выставок, а также международных научно-практических конференций. Публикует статьи в научных журналах по своему профилю.

20 мая 2017 года участвовала в выставке «Spiritual Art» категории реализм. Заняла первое место и была награждена золотой медалью в городе Нью-Йорк. 7 декабря 2017 года провела персональную выставку под названием «Отражение», которая проходила в Национальной библиотеке Чеченской Республики им. Абузара Айдамирова. 25 сентября 2018 года в Национальном музее ЧР стала участником презентации дизайнерского проекта историко-просветительской направленности юных модельеров Латифы и Рахманы Айдамировых «История чеченского народа в традициях и лицах». Представила две работы художественных панно, выполненных из дерева. Работая по дереву масляными красками, постаралась сделать изображения стилизованными и актуальными.

16 мая 2019 года Сабина Дадаева вступила во Всероссийскую творческую общественную организацию «Союз художников России».

28 мая 2019 года провела персональную выставку под названием «Весенняя рапсодия», которая проходила в Государственной галерее им. А.А. Кадырова.

На обложке этого номера представлена репродукция картины Дадаевой Сабины «История предков».

